

Безршевская Ассоциация
узников концлагерей и гетто
“Уцелели, чтобы жить”

А ЖИТЬ ТАК ХОТЕЛОСЬ...

Воспоминания бывших узников концлагерей
и гетто.

Безр-Шева
Израиль
2010

«А ЖИТЬ ТАК ХОТЕЛОСЬ...»

Воспоминания бывших узников концлагерей и гетто.

**Издатель – Беэршевская Ассоциация узников концлагерей
и гетто “Уцелели, чтобы жить”.**

Редактор и составитель

Лидия Корнеева

Иллюстрация Елены Фоминых

(дочери бывшей малолетней узницы гетто Лидии Корнеевой).

Витраж в синагоге мошава Бная, Израиль.

Фото: Григорий Фоминых

(внук Лидии Корнеевой).

© Все права на переиздание или использование материалов в печатном или электронном виде принадлежат Правлению объединения узников Холокоста “Уцелели, чтобы жить” г.Беэр-Шева совместно с редактором Лидией Корнеевой.

Книга издана при финансовой поддержке:
Министерства абсорбции,
Муниципалитета города Беэр-Шева,
Городского отдела абсорбции в компании "Кивуним"

ISBN 978-965-91636-0-1

Типография МАК
Кирыат Бялик, Израиль
2010 г.

Памяти погибших – от оставшихся в живых.

הכנסת

**Knesset Member
Faina Kirshenbaum**

**חברת כנסת
פאיינה קירשנבאום**

**Отзыв
на книгу "А жить так хотелось...", изданную «Организацией узников
концлагерей и гетто гор. Бээр-Шева»**

Уважаемый читатель!

Перед вами книга, не похожая на другие. Она не составлена по классической схеме: вступление, завязка, изложение сюжета и развязка. Это не роман, но правда о реальных людях, сила воли и сила духа которых дали им возможность выжить в самых страшных нечеловеческих условиях.

Книга эта не проста еще и потому, что написана не чернилами, а кровью и слезами. Здесь собраны рассказы людей, перешагнувших через смерть; людей, на глазах которых жестоко убивали их родственников и близких друзей.

Мир не видел подобной катастрофы: 6 миллионов человек уничтожили лишь за то, что они родились евреями!

Но мир не содрогнулся, и небо не упало на землю. Более того, по прошествии почти 70-ти лет со времен великой трагедии сынов Израиля, опять слышатся голоса, призывающие к уничтожению евреев и еврейского государства. Еще не остыла кровь жертв Катастрофы, а уже появились новые Гитлеры, мечтающие о ее повторении. Будем надеяться, что их конец будет таким же, как и предшественников.

Хочется отметить кропотливый труд инициаторов создания этой книги – это руководитель Бээр-Шевской организации узников концлагерей и гетто г-н Михаил Царфис и редактор-составитель Лидия Корнеева. Им удалось собрать воспоминания почти 120-ти человек, прошедших кровавый ад нацистского геноцида. Когда читаешь их воспоминания, охватывает ужас, и кровь стынет в жилах: "Нас вели к расстрельной яме. На какую-то минуту конвоир отвернулся, и люди бросились бежать. Помчались и мы с мамой. По беглецам стреляли. К счастью, в нас не попали. Всю ночь мы прятались. Наутро мы встретились с

+97225377188 פקס: +97225012999 טל'
Tel: +97225012999 fax: 97225377188
Knesset, ISRAEL

теми, кто бежал, и кому удалось вылезти из ямы из-под трупов". ("Скорбный счет", Эмма Дулькина (Сильверстова), стр.59).

Вся книга «А жить так хотелось...» состоит из подобных воспоминаний.

В заключение хочется выразить глубокую благодарность всем, нашедшим в себе силы рассказать о той страшной войне, развязанной гитлеровским режимом против еврейского народа. Права редактор-составитель Лидия Корнеева, бывшая малолетняя узница Ильинецкого гетто: "Эта книга написана во имя жизни, во имя того, чтобы рассказанное в ней не повторилось".

Депутат Кнессета,
Генеральный секретарь партии "Наш дом Израиль"
Фаина Виршенбаум

+97225377188 :פקס +97225012999 טל
Tel: +97225012999 fax: 97225377188
Knesset, ISRAEL

О книге свидетельств «А жить так хотелось...»

Более десяти лет я работаю в архиве уникального музея, первого в мире музея истории Катастрофы и героизма евреев, основанного в 1949г. группой борцов гетто и еврейских партизан – Бейт Лохамей Хагеттаот. Я осознаю *бесценную ценность* документа.

Для историка главной опорой исторической конструкции, позволяющей воссоздать и увековечить исторические события, является первоисточник. К таким первоисточникам относится личное свидетельство участника событий, личные воспоминания. Из миллионов личных свидетельств, как из мельчайших песчинок – мозаичное панно, складывается общая картина исторических событий. Отметим, что полной и исчерпывающей информации о Холокосте никогда не удастся раздобыть, так как миллионы погибли, исчезли общины, опустели еврейские местечки, не оставив после себя свидетельств. Тем более ценна сегодня, когда поколение, пережившее Холокост, уходит, любая возможность оставить, ухватить каждую крупичку правды, каждое свидетельство.

В последнее десятилетие историки, как будто спохватившись и бросаясь вдогонку за уходящим поездом, устремились в экспедиции по сбору свидетельств, появились крупные и не очень фонды, которые занимаются сбором информации. К чести нашего музея, сбор свидетельств мы начали с середины 40-х годов. И вскоре после распада СССР, в 1992 и 1994 гг. совместно с Йельским Университетом (США) организовали несколько экспедиций по сбору свидетельств на территории Белоруссии и Украины. Поэтому я так высоко оцениваю усилия людей, которые стали инициаторами создания сборника воспоминаний евреев, переживших Холокост, «А жить так хотелось...».

Я держу в руках этот сборник. 118 свидетельств, 118 судеб, 118 маленьких фрагментов, которые заполняют пустоты в общей исторической картине. Написанные просто и безыскусно, искренне и без лишних эпитетов, эти свидетельства задевают душу. Они и похожи, так как их объединяет общая трагедия, общая судьба и общий приговор, и уникальны, так как каждый шел по своему пути страданий, пропуская их через свою душу, через свою судьбу.

Я хочу выразить свое восхищение и бесконечное уважение авторам этой книги, людям не только выжившим в аду, но и сохранившим свое человеческое достоинство, веру в добро и удивительную духовную силу, позволившую им построить свою жизнь заново на пепелище прежней, и прожить ее достойно.

Дорогие авторы книги, дорогие Лидия Корнеева и Михаил Царфис, отдавшие столько сил, столько души этому проекту, примите от меня самые искренние слова благодарности и пожелание, чтобы у книги сложилась добрая судьба, чтобы ее читали, чтобы осталась память...

Галина Сергиенко,
Завотделом экспонатов архива,
Бейт Лохамей Хагеттаот,
Израиль

Отзыв на книгу «А жить так хотелось...»

Держу в руках эту книгу, читаю страницу за страницей и не могу оторваться. Что происходит со мной? Я втянута в воронку пространства-времени и не могу вырваться: я вижу, я слышу, я чувствую себя внутри всего этого. Это я - маленькая девочка на чердаке. Это я - маленький мальчик, вылезший из-под горы трупов. Это я - весь мой несчастный, враз осиротевший народ.

Сто двадцать глав в книге, или сто двадцать свидетелей, оставшихся в живых. Сто двадцать выживших в катастрофе и добравшихся в конце жизни к своим – в Израиль. Сто двадцать героев детства. Не сломленных и не забывших.

Казалось бы, всё позади - живи на здоровье – ты в своей стране, в своей Беэр-Шеве (Димоне, Кармизле, Хайфе) – не бреди раны!

Но эти люди, которые в социальных программах относятся к «слабым слоям населения», дают нам всем урок гражданственности и духовной силы: сто двадцать сё жителей оставляют своему городу своё сокровенное наследство – Своё Горькое Знание.

Герои военного детства не хотят для своих потомков повторения детского героизма, они хотят для них просто спокойного, счастливого детства.

От имени жителей Беэр-Шевы городской отдел абсорбции благодарит организаторов этой гражданской акции: Михаила Царфиса –руководителя Беэр-Шевской организации узников концлагерей и гетто и самоотверженного редактора книги-журналиста Лидию Корнессу .

Сердечное спасибо ста двадцати соавторам книги « А жить так хотелось...»!

До 120 - тем, кто жив! Благословенна Память - тем, кто ушёл!

Руководитель Беэр-Шевского отдела абсорбции
Алиса Желудкова, чья большая семья матери
осталась в расстрельной яме города Полонное Хмельницкой
области , а вся родня отца расстреляна в Донбассе.

Когда-нибудь Господь призовет нас к себе, и евреи, которые уже давно на небе, спросят, чем мы занимались на земле. Один ответит, что строил дома, другой, что учил детей, а я отвечу им: “Я всегда помнил о вас”.

Симон Визенталь

(бывший узник Львовского гетто, лагеря Маутхаузен, впоследствии общественный деятель, всю свою жизнь посвятил розыску нацистских военных преступников для предания их суду).

ОБЕТ

По праву глаз, что видели смерть,
По праву сердца, что жаждет отмщенья,
По праву жалости, сотрясающей твердь,
До прихода дней всепрощенья,
Я дал обет помнить, как жить –
И ничего не забыть –

Не забыть до десятого поколения –
Клянусь до собственного исчезновения,
Клянусь, даже если иссякнет мой гнев,
Клянусь, если исчезнет напев,
Клянусь, даже в бездне сомненья.

Авраам Шлионский
выдающийся израильский поэт

В ответе перед потомками

(Вместо предисловия)

Спасибо, дорогой читатель, за то, что открыл эту страницу и начал читать. Надеюсь, прочитаешь до конца.

Написана книга во имя жизни. Во имя того, чтобы сказанное в ней никогда не повторилось. И не повторялось.

Ничто на Земле не проходит бесследно. Как знакомы каждому из нас эти слова. Порой кажется, что они уже обветшали. И все же, соприкасаясь с историями авторов книги, задумываешься, так ли это. Время отодвинулось, люди изменились, а факты остались. Ничто не проходит бесследно.

Все материалы написаны нами - теми, кто сам был свидетелем зверств фашизма в годы Второй мировой войны, кто испытал их на себе, прошел через них. Это узники концентрационных, трудовых лагерей, гетто, жители оккупированных территорий. Для нас не так уж и важно, как именно называлось место, где мы оказались в то время силою желаний, решений, волей тех, кто хотел нас уничтожить. Важнее, что до сих пор мы помним до мельчайших подробностей, порой - до цвета глаз, взгляда, формы кистей рук угнетателей, мучителей своих.

Наши рассказы – это лишь часть того, через что довелось пройти и лишь фрагменты из того, что сохранилось в нашей памяти. Последствия пребывания в тех условиях сказались на всей последующей жизни. Многое осталось невысказанным, до сих пор даёт о себе знать – подорванным здоровьем, преувеличенной тревогой за наших детей, которые уже сами стали родителями, внуков и правнуков, постоянным желанием обогреть и накормить ближних и дальних и всё ещё непрекращающейся войной в своих сновидениях. Наш социальный статус – еврей той поры и тех мест – был равен нулю. Мы все были объектом важнейшей цели, о которой не все изначально знали. Нас уничтожали, над нами издевались, на многих из нас проводились медицинские эксперименты “во имя улучшения арийской породы”. Над нами глумились, на нас выплескивали все звериные начала и

нацистские устремления. С нами не церемонились, когда выбирали методы и способы достижения конечного результата. Удивляет только то, как те, кто создавал программы и исполнял их, сами не потеряли рассудок, видя результаты своих действий. Нет, единицы всё же осознавали и реагировали по мере возможностей и способности сочувствовать и сострадать чужой беде, и об этом тоже рассказано в этой книге. Но на фоне общей гибели, жестокости – это такой мизер...

Трудно было всем обреченным – они не были воителями с оружием в руках. В оккупации, лагерях, гетто оказались пожилые люди и те, кто был моложе, но в силу возраста или состояния здоровья не был призван в действующую армию. Остались женщины и дети, в том числе и малолетние. О последних хочется сказать особо. Они не только недополучили того, что требовалось для их формирования – физического, психологического, нравственного состояния. Они просто не получили НИЧЕГО из требуемого. Война стала для них естественным фоном их жизни, быта, заслонив собою обычное детство с играми, мечтами и желаниями. Сохранилось лишь одно инстинктивное желание – выжить.

Многие не выстояли. Погибли. Фашизм уничтожал не только евреев, но их – особенно. Смертельной косой. В этом покосе, как теперь говорят уже вслух, нацистов практически никто не останавливал. Мир в неоплатном долгу перед погибшими. Но только ли перед ними? Кому-то удалось выжить. Мы тоже уцелели. Продолжаем сопротивляться. Хотим жить.

Мы не только выжили, но и родили новые жизни, продолжив род наших родителей. А теперь хотим напомнить. Предостеречь. Ибо без прошлого нет будущего.

А ещё эта книга о преданности и безмерной силе любви. Матери, оказавшись в самых безысходных условиях, не расставались со своими младенцами. Отцы, спасая семью от бомбёжки или облавы, прикрывали собою своих детей, своих дочерей... О вечном тяготении МУЖЧИНЫ к ЖЕНЩИНЕ, в результате которого рождаются дети любви.

Дети той поры – это дети Любви. Иначе объяснить их появление в тех нечеловеческих условиях – НЕ-ВОЗ-МОЖ-НО.

Обо всём об этом наша книга.

Вот только подумалось напоследок: а что, в открытую, вслух или втайне, вспоминают и рассказывают виновники наших трагедий? Что будут вспоминать их потомки?

Но об этом в книге ничего нет...

Лидия Корнеева (Кравцова),
бывшая малолетняя узница Ильинецкого гетто,
член Союза журналистов СССР

ЧАСТЬ 1-я

ПАМЯТЬ

СВЕЧА ОТ ВОСКРЕСШИХ

Друзья мои, печально наше братство.
Как близнецы, порой тревожны сны.
И пусть не прозвучит как святотатство:
Мы – избранные дети той войны.

Судьба, избрав, пытала нас избраньем.
Сиротством, невиновного виной.
Порою жизнь казалась наказаньем.
Но всё же мы поладили с судьбой.

И пусть нелёгки были наши годы,
Но это наша, не чужая жизнь.
И вот, преодолев все переходы,
Мы на земле священной собрались.

Помянем тех, кто не пришёл из пекла.
Поверим, что судьба нам по плечу.
Как фениксы, восставшие из пепла,
Зажжем мы поминальную свечу.

Броня Пяток

Никто не хотел верить

Абрам Адлер

Когда началась война, мы с родителями проживали на железнодорожной станции Гнивань, Винницкой области, и было мне тогда семь лет. Отца призвали в армию. Мать со мною и сестрой решила эвакуироваться, но не успела. В июле 1941 года немцы оккупировали наш Гнивань, и мы разделили участь всех остальных евреев.

В апреле сорок второго года начались погромы. Мою мать предупредили, что в ближайшие дни намечается такая акция. У нас была большая родня. Мама сообщила родственникам о предстоящих событиях, но они не поверили и не предприняли никаких мер. Мама решила не оставаться здесь. Сестру мою она оставила с намерением забрать её на следующий день. Предварительно договорившись с соседом – украинцем о том, что он переправит нас через реку Южный Буг в село Ворошиловка, что в семи километрах от нас, взяла меня и отправилась в путь, к маминой тёте, у которой мы и решили остановиться. Село оккупировали румыны.

Мы не знали, что за нами была погоня. Как только мы вошли в дом к тёте, во дворе появились полицаи. Через запасный ход мы успели выбежать. За домом протекала речушка, заросшая камышом, мы и стали убегать по течению.

Просидев в камышах до глубокой ночи, вернулись к тёте в дом. Вокруг всё было побито. Тётя, избитая, вся в крови, лежала на полу. Страшно было смотреть. Соберясь с силами, она произнесла: “Приходили за вами. Вас предали. Срочно надо спрятаться”.

Нас отвели к её соседу – Левону Черному, ныне покойному. Он спрятал нас на чердаке своего дома. Мама попросила, чтобы он сходил в Гнивань за сестрой, что он и сделал. Вернувшись, сообщил страшную весть: моя родная сестра была убита вместе с нашими родственниками и другими евреями местечка.

Пробыли мы на чердаке несколько месяцев, нас поддерживали, как могли и чем могли. Но вот однажды пришли полицаи с жандармами, нас стащили с чердака. Били зверски, по спине, по голове, пинали ногами. Потом отвели на площадь, где

уже были такие же, как мы. Этапом повели в с. Красное. По пути мне удалось убежать.

Скрыться не у кого было, и я опять вернулся к маминой тёте, которую считал и своей. Ночью пришла и мама. Нас снова спрятали, но, оказалось, не надолго. Нас опять выдали. В очередной раз били, толкали, бросали оземь и друг другу, пинали ногами – одним словом, зверствовали и издевались. И сейчас страшно вспоминать, как это было.

Вновь отвели на площадь, там были уже такие же мученики. И опять повели по направлению к селу Красное. Привели к траншее, приказали спуститься в неё. Мама шепнула, что если мы не попытаемся убежать, нас расстреляют. Воспользовавшись тем, что часовой отошёл, мы побежали. Через какое-то время за нами началась погоня. По нам стреляли, но мы бежали. Меня ранило в ногу. Кое-как перевязав её, мы опять побежали. Инстинктивно рвались в уже знакомое место – село Ворошиловка. И вновь скитания. Прятались, где могли. Голод, холод, когда промёрзнешь до костей. Это была наша жизнь в то время. Так продолжалось несколько месяцев.

Село было обнесено колючей проволокой, за которой ходили жандармы и полицаи с собаками. Это было гетто. Жизнь в нём была страшной и голодной. По дороге на работу охранники кричали: “Жида, вас всех давно расстрелять надо было”. Пытались сделать нам больно, тыкали штыками, оскорбляли. Украинские пацаны, дети полицаев вдогонку кидали камнями. За малейшие провинности избивали до полусмерти. Многие не выдержали, умерли. Особенно трудно было детям.

Украинцы тоже жили в этом селе, но у них была полная свобода. Мы же ходили с шестиконечными звездами, но и без них нас, евреев, знали все. За кусок брошенного хлеба полицаи, охранники заставляли ползать по грязи, навозу, били нагайками. И по сей день остались шрамы, напоминая о страшном детстве.

Так продолжалось до марта сорок четвёртого года. Под натиском советских войск наша Винницкая область была освобождена.

Не успела покормить отца

Лидия Айзенштейн (Вергилис)

Я родилась на Украине в городе Бердичев. Немцы пришли к нам рано утром. В доме были моя мама, три брата – Петя, Яша, Шмилык и я. Немцы приехали на мотоциклах с собаками. Рассвет ещё не наступил, и было темно. Нас били. Шмилык как-то сумел выскочить в окно.

Мама тоже хотела убежать и спрятаться, но не успела. Меня же она сумела затолкать под печку. В какой-то момент немцы схватили маму и стали её бить. Видя это, я не выдержала и выскочила из своего укрытия, но тут на меня кинулась овчарка и вцепилась в руку. Полилась кровь. На меня безразлично посмотрели и отвернулись. Я же успела спрятаться за дверь. Незваные гости схватили маму, братьев и увели их.

Испуганная, заплаканная, часа два я просидела, не двигаясь с места. Потом пришёл мой отец, и мы пошли в город искать маму и братьев. Никого не нашли. Гораздо позже узнали, что всех пойманных в этот день расстреляли на аэродроме. Среди погибших были и моя мама, и мои братья. Но пока мы их искали, наткнулись на немцев. Они забрали нас и бросили во двор старой крепости. Там уже находилось много евреев.

Это было гетто¹. Вокруг всё было огорожено колючей проволокой. Немцы ушли, командовать остались полицаи. Было голодно, холодно, страшно. Как ни странно, вопросами пропитания, а значит, и поддержания жизни в этих условиях, в основном занимались дети. Иногда поздно ночью некоторые охранники выпускали их на поиск хоть какой-то еды. Конечно, в

¹ В период Второй мировой войны нацистами были созданы концентрационные лагеря, названные ими гетто и предназначенные для изоляции еврейского населения. Идея концентрации евреев в гетто была выдвинута Гитлером в 1939 г., но осуществлена не сразу. Гетто были задуманы, как промежуточные станции на пути в лагеря принудительного труда и лагеря смерти. Лишь обитатели Транснистрии (область между Днестром и Бугом, переданная немцами в ведение румынских властей) не намечалась к массовому уничтожению. *История еврейского народа. Электронная еврейская энциклопедия. (Ассоциация по изучению еврейских общин в диаспоре)*

их числе была и я. Однажды, когда возвращалась из такого “похода”, кто-то из местных сказал мне: “Не подходи к крепости, там всех поубивали”. А ведь там был и мой отец. Он был уже немолодой, на фронт его не взяли из-за возраста, а вот для расправы возраст у фашистов не оказался помехой.

Больше мне нечего было делать здесь, отца я уже не накормлю. Я пошла в город. Там меня подобрали знакомые нашей семьи – старики Журавские. Я помогала им во всём и очень старалась. Было мне тогда двенадцать лет. У них я дождалась прихода советских войск. Это были хорошие люди, и после войны я к ним часто приходила, и они радовались встрече со мной.

После военных событий у меня никого и ничего не осталось. Надо было самой, одной становиться на ноги...

Спасся только один

Фи́ра А́рбит (Цацкина)

Во время войны с августа 1941-го по март 1944-го года я была в гетто в г. Балта, что на Украине. Находилась там вместе с родителями, двумя сёстрами и двумя братьями, а ещё два брата служили в Красной Армии. К сожалению, они погибли – наши дорогие Нухым и Бынюша.

В одном доме жили четыре семьи, и у всех были малолетние и даже грудные дети.

Много горя пришлось испытать. Особенно запомнились мне такие случаи. Первый – это в январе – феврале сорок второго года. Был сильный мороз, и всё было покрыто снегом. В это время из каждого геттовского дома немцы по одной семье направили в другое гетто, которое находилось за селом Баланивка (Украина). Нашу семью разделили, взяли только пять человек. Мой отец и отец ещё одной девочки, младше меня на год (ей было три года, а мне четыре) сколотили саночки на обеих, уложили в них тряпки, усадили нас и обвязали верёвкой, чтобы не упали. Соседушка моя всю дорогу спала и склонялась в сторону. Удержать её в равновесии у меня не хватило сил, и верёвка, в конце концов, впилась в моё тело. Остановиться и поправить нельзя было – немцы нас гнали и гнали, а тех, кто отставал – расстреливали. Эту боль в плече и руке я испытывала ещё очень долго.

Так нас гнали несколько дней. Остановили в поле возле села Баланивка, разместили в свинарнике на соломе. Пробыли там несколько недель. В нечеловеческих условиях многие заболели тифом. Заболели и я с братом. В дальнейшем тех, кто чудом выживал, немцы убивали. Нам же, благодаря мудрости и трудолюбию отца, удалось спастись. Кстати, его примеру потом последовали и другие здоровые узники. Ночью папа пробирался в село и просил работу, говоря, что может делать всё. Сельчане соглашались взять такого работника, и отец чистил конюшни, стойла, скрёб лошадей – словом, делал всё, что предлагали. За это ему давали кувшин молока и буханку хлеба. Благодаря этому сил у нас с братом прибавлялось, и мы выздоровели.

В одну из ночей кто-то из крестьян, у которых он работал, сказал, чтобы он немедленно забирал семью и уходил, так как вот-вот придет карательный отряд. Убивают всех оставшихся в живых евреев. Что решил отец? Он поднял всех, кто был в этом поле, и сказал: “Давайте все пустимся в дорогу. Пойдём небольшими группами, на расстоянии друг от друга, потому что если пойдём по одному, нас просто перестреляют. Если же встретятся немцы или полицаи, скажем, что нас отпустили, а документы у последнего идущего”. Так и сделали. Запомнилось, перед въездом в Балту повстречали немецкую комендатуру. Кто-то сказал, что нас отпустили. Немцы ответили, что знают, впереди идущие уже сказали об этом. Потом начали нас обыскивать, отняли последнее, что представляло для них ценность, а затем решили забрать мою старшую сестру. Родители начали кричать, плакать. Я кинулась к ней и тоже подняла рёв. И вдруг один немец говорит: “Что вы её забираете? Вон её дочка. Как она останется одна?” (наверное, у него тоже были маленькие дети). Сестру отпустили.

Следующий запомнившийся мне случай – это последние дни пребывания в гетто, когда приближалось время отступления, и немцы особенно зверствовали. В каждом доме они убивали всех. Нам с отцом удалось спрятаться в погребе для хранения картошки. Три дня мы просидели там, а я всё спрашивала, начался ли уже день.

Пришли советские войска, и мы вышли из укрытия. Всеи оставшейся семьёй решили искать старшего брата, которого не было с нами в Баланивке.

Каждый день наиболее здоровых узников Балтского гетто брали на тяжёлые работы. Был среди них и мой брат. Напоследок они вместе с другими евреями рыли траншеи. В последний день немцы не отпустили их по домам, а загнали в амбар, находившийся возле железной дороги, закрыли все двери, облили здание бензином и подожгли. Кто пытался бежать, немцы расстреливали из автоматов. Спасся только один человек. Он и рассказал нам, где мой брат. Так, в числе ещё тридцати восьми человек, погиб наш Исрул. Узнав об этом, наша мама тут же сошла с ума. До конца жизни после этого она страдала эпилепсией.

На кладбище города Балта установлен обелиск на общей могиле этих тридцати восьми жертв. На нём написано: “Они погибли от рук немецких захватчиков”.

К безвинным – со всей жестокостью

Серафима Бабина

Я, Бабина Серафима Абрамовна, родилась в 1919 году в г. Умань, Черкасской области. Моя девичья фамилия Пастернак. Отец – Пастернак Аврум Хаймович, а мать – Хавуля Сара Гершковна.

В 1928 году моя семья, то есть родители, братья, сестры и я с ними, выехали в Крым, в город Симферополь. Через два года мама умерла, оставив шесть душ детей, которых отец воспитывал один. Старшие дети помогали, присматривали за младшими.

В возрасте девятнадцати лет я вышла замуж, а без малого через два года родила дочь. Как только началась война, отца, сестру, двух братьев и моего мужа забрали на фронт. Я с полуторагодовой дочкой осталась в Симферополе.

Немцы о своём присутствии в городе заявили тем, что разбомбили железнодорожный вокзал и, как рассказывали, все железнодорожные пути в Крыму. Фашисты высадились сразу по всем городам области. В течение одной ночи, кроме Севастополя, был взят весь Крым. Путь для эвакуации был закрыт. Севастополь бомбили круглосуточно. Ни одна баржа с людьми не могла уплыть, сколько людей погибло в море, не сосчитать. Военные уходили в лес к партизанам.

Среди крымского населения было много татар. Они жили во всех городах и деревнях, знали все дороги в лес и всё знали про Крым. Они сразу объединились с немцами, создали отряды смертников². Многие пошли работать в полицию. Среди русских и украинцев тоже нашлось немало желающих быть полицией.

² 28 октября группировка вермахта под командованием Эриха фон Манштейна в составе 11-й немецкой армии и частей 3-й румынской армии вторглась на территорию Крыма. Сразу после этого началось создание крымско-татарских мусульманских комитетов. 3 января 1942 года состоялось первое заседание объединённого комитета, в котором приняли участие офицеры вермахта, СД и представители татарских общин. Один их мулл в своём выступлении отметил: "Наши религия и верования требуют принять участие в ...священной борьбе совместно с немцами, ибо окончательная победа для татар означает не

Все дороги контролировались немцами и полициями. Выйти из города никто не мог. Находиться дома для многих тоже было опасно. Особенно в смешанных семьях: еврейских жён и детей мужья других национальностей выгоняли или приводили в гестапо, а русские и украинские жёны выгоняли еврейских мужей с детьми. Соседи выдворяли своих еврейских соседей или вызывали полицаяв забрать их.

Немцы повесили в центре города десять человек с табличками на груди, на которых было написано: “ За укрывательство евреев”.

Евреям дали срок в три дня, чтобы пришить жёлтые шестиконечные звёзды, сдать ценности, ковры и явиться в назначенные места. В случае неповиновения ждала смерть. Расправа над людьми шла дни и ночи в больницах, независимо от профиля, родильных домах, детских приютах, тюрьмах, домах престарелых. Расстреливали пленных – солдат, офицеров. Объявили, что нужно всем явиться с документами, действительными в течение двух недель. И всё под угрозой. Через знакомых мне удалось получить метрическую справку на имя Фатмы Масутовой, татарки. С ней пошла в полицию получить временный документ, чтобы иметь возможность уйти из города. Там меня увидел мой бывший сотрудник, ставший полицаем, и меня тут же посадили в одиночную камеру. Через двое суток состоялась очная ставка с этим полицаем, и он принёс подписи сотрудников, ранее работавших со мной, свидетельствовавших о том, что я еврейка. Меня отправили в гестапо. Там я находилась двенадцать дней. В первый из них приволокли женщину. От побоев вся спина у неё была синяя. Она была без сознания. Мы ей сделали компрессы, обливали водой. Когда она пришла в себя, приползла ко мне и удивилась, что я её не узнала. Мы учились в одной школе. Она была вся седая, как старая женщина. Через два дня её не стало.

Но вот рано утром начали отбирать людей на расстрел. Взяли и меня. На руку повязали красную тряпку. Её значение узнала позже. Всех, с кем я была, убили на моих глазах. Меня оставили

только уничтожение советского господства, но снова даёт возможность их религиозным и моральным обычаям”.

К ноябрю 1942 года в Крыму было сформировано 8 батальонов крымских татар. Весной 1943 года был создан ещё один. *Крымско-татарский коллаборационизм во второй Мировой войне. Википедия – свободная энциклопедия.*

и отвели в камеру. Красная тряпка означала: “Пока не трогать, только попугать. Потом посмотрим, что с ней делать”. На двенадцатый день в камеру пришли гестаповцы. Следовательно указал на меня, и они удалились. Через какое-то время приходит переводчик, спрашивает, как попала в гестапо. Потом меня отвели в одну из комнат, где за круглым столом сидели десять пожилых гестаповцев. Они стали изучать меня: ноги, зубы, глаза, нос, уши, фигуру. Я знала, что это означало. В городе были развешаны листовки, на которых был изображён еврей и как он должен был выглядеть: глаза выпуклые, уши оттопыренные, нос с горбинкой, зубы со щелями, ноги кривые и т.д. Мои мучители пришли к согласию, что я не похожа на еврейку. Временно меня отпустили.

Пока я сидела в полиции и гестапо, истек срок удостоверения. Надо было снова идти в полицию, чтобы его продлили. Там повыскакивали из всех комнат, чтобы посмотреть на меня. Такого ещё не было, чтобы из гестапо выходили живыми. Подходили, трогали. Документ выдавать не хотели. Кто-то сказал, что я всё-таки еврейка, но русский переводчик, работавший в полиции, сказал, чтобы меня не трогали.”Ей сам Б-г дал жизнь”. Велел мне подождать во дворе, а потом вынес документ и сказал немедленно уйти из города.

Через много лет я узнала, что переводчик был русским немцем, партизаном. Забрала у знакомых своего ребёнка, которого оставляла лишь на пару часов, и мы ушли в неизвестность. Шли от села к селу, в дома нас не пускали. Нередко ночевали в конюшнях вместе с лошадьми. Как-то одна женщина пожалела мою дочь, согласилась оставить её у себя, но с условием, что сидеть и кушать будет не со всеми за столом, чтобы её никто не видел. А ведь была-то она совсем кроха.

Я осталась в каком-то селе, женщина согласилась взять меня в дом. А на рассвете немцы учинили облаву. Велели всем выйти из домов, отбирали молодёжь от четырнадцати до двадцати пяти лет для отправки в Германию. Довести эту акцию до конца им не удалось. Всех отобранных, сидевших уже в вагонах, ночью освободили словаки, находившиеся в селе. Это было на станции Чонгар.

Меня после всего отправили выращивать овощи для немецких солдат, располагавшихся в близлежащих сёлах. Зимой в цехе, где изготавливали масло, сливки, сыр, я убирала и нередко

босиком ходила по холодной воде. Все эти продукты под присмотром коменданта отправлялись в Германию.

Как-то вечером заехал бухгалтер и сказал, чтобы любым путём я немедленно уходила отсюда, так как завтра за мной должен прийти жандарм. Я говорю, что мне некуда идти, и тогда он дал мне адрес, куда ехать, и заверил, что там меня примут. Забрала я ребёнка, и мы пошли по указанному адресу. Пока мы добирались, прошли много сёл. Зашли в одно из таких в районе города Саки. Это в восемнадцати километрах от Симферополя. Постучались в один из домов, якобы поменять вещи на продукты. Хозяйка посмотрела на меня и говорит, чтобы я уходила немедленно, так как на днях полицай в их селе застрелил женщину, которая хотела поменять на продукты мужской костюм, что в пору подошёл ему. Он обозвал её жидовкой, а она клялась, что русская и у неё четверо детей. Застрелил он её тут же, на глазах у всех присутствовавших.

Зашла ещё в одно село, оно находилось по пути в Феодосию. Это было в десяти километрах от места массового расстрела евреев Симферополя. В этом селе стояли румыны. Ко мне подошла крестьянка и сказала, что я еврейка, и поэтому должна немедленно уйти. Она сообщила, что недавно к ним заходил парнишка, он был весь в крови. Когда его спросили, что случилось, он сообщил, что при расстреле мать толкнула его в яму и наказала вылезть из неё, когда все стихнет, и дальше отправиться в село, где ему обязательно помогут. Мальчик так и сделал. Одна из сельчан услышала эту историю и тут же отвела к румынам, а те его, не медля, расстреляли.

В Крым я вернулась в сорок четвёртом году. Когда зашли советские войска, меня стали допрашивать, как удалось остаться в живых. Мне было очень больно, я долго плакала. Меня держали несколько дней, но потом отпустили.

Вскоре было заседание Военного Трибунала, судили полицай, выдавшего меня.

Вернулся мой отец – больной. Сестра тоже вернулась еле жива и вскоре умерла. Её муж погиб в одном из сражений. Пришёл с фронта тяжелораненый брат, а другой погиб под Киевом. Через месяц после возвращения умер мой муж.

Решение – по национальному признаку

Абрам Бакмар

Родился я в г. Мозырь, Гомельской области (Белоруссия). Родителей своих не помню. Они умерли, когда мне было три года. Кроме меня, остались старший брат Борис и сестра Броня, которая со смертью родителей воспитывалась в детском доме. Мною занимался дядя, человек верующий, нанявший для меня меламеда, чтобы я знал иврит. Учился я в еврейской школе, окончил пять классов, потом начал работать и продолжил обучение в вечерней школе.

За два года до войны меня призвали в армию. По окончании курсов шофёров в Третьем Ленинградском Артиллерийском училище меня направили в мотострелковый полк.

Когда началась война, сестра Броня с тремя детьми жила в Минске с семьёй мужа. Всех их убили немцы. Брат Борис ушёл в партизанский отряд.

В конце августа сорок первого года меня ранили на Финском перешейке. Подобрали финны и привезли в какой-то пункт. По тому, что был нестрижен, решили, что я политрук, и повели на расстрел. Сразу и не сообразил, и только по дороге вспомнил, что у меня в кармане имеются водительские права. Я предъявил их. Вернулись обратно в тот же пункт. Толкнули так, что потерял сознание.

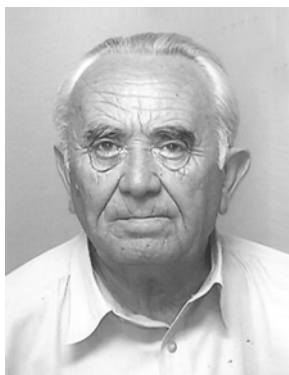
Очнулся в госпитале для военнопленных. Главврач осмотрел меня. Узнав, что еврей, дал оплеуху, заявив, что все евреи – коммунисты. Приказал рядом стоявшему хирургу ампутировать мне руку и вышел. Я начал просить, умолять оставить руку, плакал. Хирург – швед – ничего не ответил. Вскоре ушёл и вернулся только через час. Он сделал операцию. Рука сохранилась.

Как передать радость? Но после этого дни проходили, а ко мне никто не подходил. В ране завелись черви. И только тогда медсёстры-шведки пожалели меня и начали лечить. Условия были ужасные, каждый день умирали по сорок – шестьдесят военнопленных.

В декабре того же, сорок первого года, больного, недоленного, перевели в лагерь смерти военнопленных в Финляндию. Было это в г. Маро-Ярвы. Не умер.

В марте сорок второго года перевели в лагерь военнопленных в Ханко. Ежедневно, независимо от состояния здоровья, голодных, полураздетых, водили на работы – чем труднее, тем лучше. Однажды по дороге на работу один пленный нагнулся за брошенным окурком. Его тут же застрелили. Пошёл слух, что пленных и всех местных евреев отправят в Германию. Этого не случилось, но всех этих людей отправили на ещё более трудные работы: на камнеперерабатывающий завод, в камнедобывающую шахту, на торфоразработку, лесоразработки. Однажды на лесозаготовке увидел что-то съедобное на кусте. Потянулся попробовать. В меня посыпалась серия выстрелов. Изранили. Еле передвигался. Но остался жив.

После мирного договора между Финляндией и Советским Союзом в октябре 1944 года состоялся обмен военнопленными. Я попал в число тех, кто возвращался на Родину. А потом ещё долго, почти всю оставшуюся жизнь меня проверяли и проверяли...

Трудоспособных – на благо фюрера, немощных – в расход

Владимир Бакалейник

Родом я из м. Черновцы, что на Винничине. Когда мне исполнилось восемь лет, умерла мама. Отец не был приспособлен к жизненным трудностям, и мы с тремя братьями росли в обстановке нищеты и неприкаянности. Соседи присматривали за нами, помогали, но этого было недостаточно. Матери, её тепла нам всегда недоставало. И всё же жизнь брала своё. Я уже успел окончить семь классов еврейской школы, и тут свет перевернулся.

К концу июля 1941 года наше местечко оккупировали немцы. Всё трудоспособное население угнали в Германию, немощных – расстреливали. Нас, десяти-четырнадцатилетних детей забрали на сельскохозяйственные работы. В местечке хозяйничать осталась румынская военная часть. Главным средством достижения своей цели оккупанты считали плётку. За малейшее не только непослушание, но и непонимание – плётка.

Зима первого года войны была холодная, суровая. Нас, голодных, полураздетых подростков, как основную оставшуюся рабочую силу, выгоняли на расчистку дороги. Это была часть трассы, проходившей через наше местечко из Кишинёва на Одессу.

В один из дней появились мадьяры. Они подбирали оставшихся в живых евреев, загоняли на мост Мурашка, расстреливали и бросали в реку. Это было в октябре 1942 года. Маленький, худой, далеко не тянувший на свои почти пятнадцать лет, я чудом уцелел. Никого не щадили человеко-звери. Так продолжалось вплоть до освобождения от этого рабства.

18 марта 1944 года советские войска освободили наше местечко. Мне шёл восемнадцатый год. Вскоре меня призвали в армию, но так как я был истощён, полуслепой, мне дали отсрочку на три месяца. Затем попал в спецбатальон, выполнял опасные для жизни задания, участвовал в разных операциях. Далее были воинская часть, потом борьба с бандеровцами в Западной

Украине³, и там я прослужил до мая пятьдесят первого года, уже участвуя в устранении последствий войны.

³ Бандеровцы – боевики украинской повстанческой армии, в тридцатые-сороковые годы двадцатого столетия декларировали приверженность “освободительной борьбе” против “врагов Украины”. В это число были внесены поляки, белорусы, русские, евреи. В действительности всё обстояло иначе. Уже с первых дней оккупации бывшие подпольщики Организации украинских националистов вступили в ряды вермахта, а вскоре под патронатом Гимmlера была создана дивизия СС “Галичина”. Солдаты и офицеры этой дивизии не только расстреливали мирных жителей, но и участвовали практически во всех карательных акциях на Украине и в Белоруссии. После войны бандеровцы устраивали налёты на мирное население, вырезая и убивая целые семьи. По архивным данным, только в 1944-1946 годах было совершено более двух тысяч диверсий и терактов. На Нюрнберском процессе деятельность эсэсовских формирований была признана бесчеловечной и преступной. *Валентин Козлович, “Бандеровцы в деревне Леликово”, Беларусь, 2006.*

Кровавые субботы

Сара Беленко

Село Озаринцы Могилёв-Подольского района Винницкой области – это место моего рождения.

С приходом войны мы не успели эвакуироваться. Было мне в то время немногим меньше двенадцати лет. В начале июля сорок первого года нас оккупировали немецко-румынские войска.

Вскоре наступила кровавая суббота – погибли сорок три мужчины, самых заметных, значимых в селе, самых активных. Среди них был и мой двоюродный брат – Рикельман Шлойма, директор школы. Это был сигнал к беспределу. В тот же день наши, еврейские дома были разграблены. Мы остались без имущества, без пищи, без средств существования.

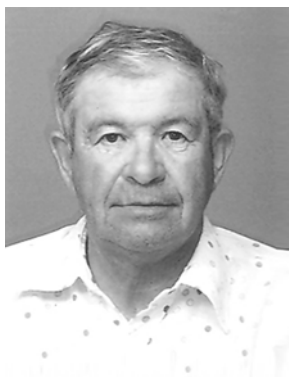
Наступила следующая суббота. Для нас она оказалась тоже кровавой. Еврейская община опять уменьшилась. В этот день были замучены двадцать восемь мужчин. Горю не было конца. Все оплакивали погибших. Мы боялись выйти на улицу, прятались по чердакам.

Еврейское местечко к тому времени насчитывало меньше тысячи евреев. В конце июля Озаринцы закрыли – превратили в гетто, за пределы которого мы не имели права выйти. Без воды, без еды, в антисанитарных условиях, под палками и дулами пистолетов мы промучились до марта сорок четвёртого года.

При отходе фашистов и освобождении нашей территории опять погибли евреи. В их числе был ещё один мой двоюродный брат – Фишил.

Я знаю, жертв могло быть гораздо больше, но среди украинского населения находились честные люди, для которых Библия была не пустым словом и, несмотря на все запреты, они прятали евреев.

Ужасы трёх лет пребывания в гетто не забываются и никогда не забудутся.

За работу – нагайками по спине

Зюня Беркович

Родом я из д. Мискивка, Крыжопольского района, Винницкой области. Когда началась война, мне был один год и четыре месяца, потому что происходило в моём раннем детстве пишу в основном со слов матери.

Нашу деревню захватили немцы. Выгнав всех евреев из своих домов, они за нашей деревней образовали гетто, обнеся всё вокруг колючей проволокой. Нас избивали, постоянно старались причинить боль.

В нашей семье, кроме родителей, было пятеро детей. Маму и папу в дождь ли, слякоть выгоняли работать на поля. Это было в тёплые сезоны - от посадки до уборки урожая. Зимой их заставляли выполнять другие работы – на ферме, расчищать снег. Днём они никогда не находились в гетто.

Очень строго относились немцы и появившиеся позже румынские солдаты и к моим старшим братьям Хайму и Шлойме. Первому было тогда пятнадцать, а второму – десять лет. Они клеили для румынских солдат резиновые калоши, за работу же платили нагайками по спине. Благодарности, хотя бы в виде куска хлеба, ни разу не было. Я оставался с четырёхлетней сестрой Тувой.

В сорок третьем году в нашей семье появился братик Рувин, и он тоже лёг на плечи моей малолетней сестрёнки, которая очень старательно выполняла свои обязанности. Матери ни разу не разрешили остаться с детьми. Как мы, трое малышей выжили, не знаю. Были дни, когда не было даже кусочка хлеба и стакана воды. А ко всему мы всегда боялись. Не знали, придут ли родители с работы или нет, так как немцы и румыны очень избивали свои жертвы, нередко до смерти, и потому назад возвращались не все.

В сорок четвёртом году мой брат Хаим, которому к тому времени исполнилось восемнадцать лет, решил бежать из гетто. Ему это удалось, и он добрался до фронта.

Вся остальная наша семья пробыла в гетто с 1941 до 1944 года, вплоть до освобождения советскими войсками.

Папа из-за тяжёлых условий в гетто, от постоянных побоев, вскоре умер. Брат Хаим вернулся домой в сорок шестом году, контуженый, с осколком в лёгких.

Когда закончилась война, мне было немногим больше пяти лет.

Чтоб другие не смели

Хаюня Берлин (Голобородько)

Родом я из местечка Копайгород, Барского района, Винницкой области (Украина). В шестилетнем возрасте мне пришлось испытать все тяготы войны – голод, холод, нищета, болезни. Вся наша семья – отец Наум, мать Циля, сестра Алла болели тифом, дизентерией, я – дифтерией, дизентерией. Все годы войны ели мороженую картошку, буряк и похлёбку, сваренную из травы.

В июле сорок второго года фашисты приказали всем евреям собраться на площади, взяв с собой самое необходимое. Мама так и сделала и прихватила ещё два чайника: один с солью, другой – с сахаром. На площади я вдруг вспомнила, что забыли мою любимую куклу, которую папа привёз из командировки ещё до войны. Я помчалась за ней. Недалеко от дома меня поймал полицейский Крушинский – знакомый отца, раньше он работал в финотделе. Схватил меня, вернул обратно и избил папу так, что он уже ничего не мог нести. Всю колонну отправили в другое место, которое находилось в пяти километрах от нашего местечка – на станции Копай. Это был огороженный колючей проволокой участок в глухом лесу. Гнали нас и обращались с нами так, как не каждый хозяин обращается с собаками. Избитого отца полицейский Крушинский заставил взять меня на руки и все пять километров следил за тем, чтобы он ни на минуту не спустил меня на землю. По дороге старики, больные дети не выдерживали, падали. Так не дошли до нового места дядя и тётя (брат и сестра) Криг Ушер и Мирале. Ночью прошёл дождь, и на земле прибавилось трупов.

В гетто мы пришли без ничего. Лили дожди, и мы постоянно спали на мокрых ветках. Люди умирали. Трупы не убирали, и мы перепрыгивали через них. Рано поутру, когда полицаи ещё спали, к изгороди приходили местные жители и приносили что-то из еды, кто жалея нас, а кто с желанием взять последнее, принадлежащее евреям. Как только они появлялись, мы бежали к ним. Кто старше и сильнее, оттеснял слабых и малышей. Все хотели выжить. Я часто оставалась ни с чем.

Однажды моя сестра Алла решила бежать. К ней присоединились немой Нахум и его дочь Сара. В целях

безопасности решили идти разными путями. Сестра сумела добраться до места. Нахума и Сару обнаружили и поймали проезжавшие немцы. Их привезли обратно. Всех узников согнали на опушку леса. Беглецов расстреляли на глазах у них, чтоб оставшиеся и мысли не допускали о побеге.

Так мы пробыли без одежды, питания, минимальных условий до октября, когда уже наступили холода и дожди. После этого нас опять повели в гетто местечка Копайгород, где мы прожили до марта 1944 года.

Мы вернулись в свой дом. Наша жизнь не стала лучше, ибо практически ничего не осталось, всё было разграблено. Дом был большой, и к нам подселили несколько семей, чьи жилища не входили в зону гетто⁴. Стала жить с нами и семья румынских евреев Оренштейн. Глава семьи Буби возглавил нашу общину. Он был мудрым человеком, знал шесть языков, изъяснялся по-румынски, и по-немецки, что в нашей ситуации было немаловажно. Постоянно ездил в Могилёв-Подольский, умудрялся договориться, в том числе и за счёт выкупа. Благодаря ему наше местечко спаслось от поголовного уничтожения, погромов до тла.

Зимы были холодными, и люди умирали от стужи и голода. Было много случаев издевательств, убийств. Иногда думаешь, как мы все в таких условиях выжили. Словами не всё могу передать. У моей бабушки Кейлы было девять детей. Внуки, зятья, родные погибли. Потери были боьшими.

В память о погибших и умерших В Беер-Шеве наше землячество на кладбище установило обелиск. Каждый год встречаемся и вспоминаем их.

⁴ В большинстве случаев гетто располагалось в одном из бедных районов города, где до этого ютилось многочисленное еврейское население. Евреев сгоняли в гетто из других районов города и из ближайших местечек, в то время как нееврейских жителей этого района заставляли переезжать в другое место. Эта операция с самого начала привела к огромной скученности еврейского населения. *История еврейского народа. Электронная еврейская энциклопедия.*

Жалели, не выдавали немцам

**Тамара Берман
Светлана Шилина**

Мы, родные сёстры Берман Тамара, 1933 года рождения, и Шилина Светлана, 1937 года рождения (девичьи фамилии обеих Букарёвы), родились в городе Владивостоке. В сороковом году вместе с родителями переехали в Ленинград, а затем в Ленинградскую (ныне Псковскую) область, в посёлок Струги-Красные, где и застала нас война.

С июля 1941 по февраль 1944 года находились на оккупированной немцами территории. Жили с мамой, Букарёвой (Спивак) Розеттой, 1911 года рождения. Своего жилья не имели, снимали углы то у одних, то у других. Нас жалели, не выдавали немцам. Кормили и одевали чужие люди. Мы, дети, почти всё время проводили в подвале. На улицу, особенно днём, выйти было нельзя: везде были немцы, и нас бы попросту расстреляли.

Все эти годы жили в ужасе, страхе, кошмаре. Как выжили? Просто чудом и с помощью чужих людей (русских). Мы всё перетерпели, перенесли и остались живы.

(МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ. ОТРЫВОК)

Не мясо, а фишь?...
 Ах, улица детства!
 Молчишь ты, молчишь.
 Всё скрыто под маской
 Текущих времён.
 - За что же – скажите –
 Ребёнок ведь он.
 Какое мохнатое
 Сердце в груди
 Убийца носил тот?..
 Такое – найти!..
 В каком же затменье
 Ума пребывал
 Тот, кто фашизм
 На земле утверждал?!
 О, Боже!..
 Пред памятью чистой души
 Все ли прозрели мы?
 Все ли?
 Скажи!..
 Не слышу ответа.
 Молчишь, Боже, ты.
 Мечтами ещё остаются
 Мечты
 О Дружбе,
 О Братстве...
 Не доросли
 До них мы, наверное,
 Люди Земли.

**А.Гарай,
узник Брестского гетто,
журналист.**

Братика живым бросили в яму

Эти Богомольная (Колтанюк)

Прежде всего хочу рассказать о своем, теперь уже утратившем свой еврейский дух, местечке Жорныщи, Ильинецкого района, Винницкой области. Там я родилась. Было оно очень красивым, утопающим в зелени. Мне, двенадцатилетней еврейской девочке оно казалось Вселенной. Какие люди жили в нем, какая молодежь. Их песни звучат во мне до сих пор. В основном там обитали ремесленники: кузнецы, бондари, портные, сапожники. Трудились тяжело, растили своих детей, мечтая о лучшей доле для них.

Но вот грянул грозный сорок первый год. Мое местечко замерло, притаилось. Никто не эвакуировался, не было денег, транспорта, информации. Бывшие выходцы из наших мест бежали к нам, к своим родным.

Через месяц пришли немцы. Сразу образовалась полиция. Из каких щелей она выползла, эта нечисть рода человеческого? Ведь до этого жили мы с ними мирно, ходили в школу, делили хлеб, соль. Ремесленники и сельчане пользовались услугами друг друга. Или все эти годы они ждали этой злой минуты? Как жестоки они были. Нередко, хуже немцев. Как только в местечке появились немцы, полицаи поймали тринадцать мужчин, их сбросили в карьер. Украинец, сосед мой, заскочил и в наш двор. Отец спрашивает: «Порфирий, що ты робыш? В мене диты маленьки». А он в ответ: «Була твоя власть, а тепер моя власть». Так и ушел с нашей коровой.

Всех нас, евреев, согнали в гетто. Наша семья поселилась у стариков. Жили мы у них до первой акции. Начался голод, холод, вши. Еврейские девушки, их красивые волосы. Пришлось их отрезать, надеть на головы теплые платки, чтобы стать незаметней, выглядеть старше.

Всех гоняли на сельскохозяйственные работы, над всеми издевались, били нагайками. Особой жестокостью отличался немец Отто. Когда ему нечем было развлечься, он заставлял людей топтать колючки босыми ногами.

Однажды ранней весной в полночь нагрянули немцы и полиция. Местечко окружили со всех сторон. Мой отец, Мендл Колтанюк, кузнец, еще молодой мужчина, выглянул на улицу, вбежал обратно и крикнул маме: «Бася, мир зонен фарфолн» («Бася, мы пропали» - Л.К.). Старший брат выбежал сразу через черный ход, я – за ним. Нас заметили. Выстрелили. Брат упал, а я продолжала бежать. Инстинкт самосохранения был настолько велик, что я не остановилась. Вскоре меня догнал брат. К счастью, его не убили. Опасность поджидала и виделась повсюду. Страх был так велик, что каждое встречное дерево казалось немцем на лошади.

А что же было там, откуда мы убежали? Моя мама с сестричкой Хаюсей спрятались на чердаке. Старшая сестра Эстер с сестричкой Соней через чердак перелезли во вторую половину дома, где когда-то находился скот. Туда же вбежали соседи, жившие вместе с нами у стариков. Моя сестра была рослой, сильной. Сразу она посадила на русскую печь сестричку Соню, а соседей спрятала в куче сухого навоза. И тут она услышала голоса извергов. Оставалось одно – укрыться за дверью. Вдруг она увидела, что откуда-то сверху летит белый вязаный платок и падает на навозную кучу. Соседка впопыхах уронила. Эстер хватает его, кидается за дверь и слышит: « Тут пуста хата, ходимо дальше». Так они все в тот раз спаслись.

Взяли фашисты лишь моего отца и братика Давида, которому было всего одиннадцать месяцев. Папу отпустили, он еще был нужен, чтобы работать в кузне. Братика – живым бросили в яму.

Прошло еще немного времени. Все мои родные погибли. Остались с братом Исааком и сестрой Соней мы одни. Наше местечко, как некогда еврейское, исчезло. Сейчас там вообще нет ни одного еврея. Нет больше евреев в Жорныщах, Липовцах, Дашеве, Гайсине, Немирове, Хмельнике...

Память о погибших я пронесла в своем сердце через всю жизнь. Никогда не забуду сестер Эстер и Хаюсю, братика Давидика. Помню Ньюсю Франк с братом, Любу Улановскую, Соню Крутовскую, красавицу Маню Рыбак и многих - многих других. Это о таких, как и они, написал Владимир Высоцкий:

Все то же небо голубое,
Все та же вода и земля,
Все те же цветы в садах,
Но они не вернулись.

У меня две матери

Вера Бодня (Усарова)

Амур, Нижне-Днепровский район, Днепропетровская область. Здесь я родилась и проживала до войны. Отец, Усаров Фёдор Кузьмич, служил в Советской Армии. Без вести пропал в 1943 году. Мать, Стольберг Анна Марковна, педагог. Выжила в том аду, умерла в 1989 году.

Когда началась война, называемая в России Великой Отечественной, семья наша находилась в Белостоке. Отца сразу призвали в армию. Мать тут же решила перебраться в центр страны. Наспех собравшись, с двумя детьми – я и мой двухмесячный братик Дима. Но вот на пороге появился наш солдат, сообщивший, что, как и за другими семьями военнослужащих, за нами пришла машина. В это время началась бомбёжка. Солдат, мама с братиком на руках помчались к машине, и едва мама забралась на неё, шофёр рванул вперёд. Я осталась одна. Как через годы рассказывала мама, она сразу обнаружила моё отсутствие и стала умолять солдата вернуться назад. Тот отвечал, что понимает её, сочувствует, но вернуться не может, не имеет права подвергать опасности других. Было мне в ту пору два года и три месяца.

Сколько я там простояла, не знаю. Рассказывали, кто-то подобрал и отвёл к железнодорожной будке в надежде, что местные жители подберут. Так и случилось. Меня обнаружила белорусская крестьянка, которая и взяла в свой дом. Так, в июле сорок первого года, я и оказалась в деревне Стаи Минской области. Однако в этой семье я прожила недолго. У хозяйки было двое таких же маленьких детей, и ей оказалось не по силам обихаживать ещё одного ребёнка. Тогда-то в моей жизни и появилась Бружник Атылия Яковлевна, латышская женщина, мать восемнадцатилетней Ольги и шестнадцатилетнего Ивана. Я стала её третьим ребёнком. Меня не только кормили и одевали по возможности, но и давали душевное тепло. Курчавые волосы, нос, глаза говорили о моей принадлежности к другой, еврейской национальности, но моя новая семья всячески оберегала меня от неприятностей. Многие односельчане относились к этому с пониманием. А кругом были немцы. Но даже и среди них

находились такие, что смотрели на меня снисходительно. Атылия же старалась показывать меня как можно меньше и избегала разговоров обо мне. Это была удивительно добросердечная семья. В деревне нередко появлялись люди, нуждающиеся в укрытии, спасении, которые обращались в первую попавшуюся избу. Кто-то впускал, но были и такие, кто боялся рисковать. И тогда указывали на избу родителей Атылии Яковлевны. Дедушка Адам Роман и бабушка Лиза не отказывали никому, принимали всех, не оглядываясь ни на какие обстоятельства.

Я продолжала жить в новой семье. И всё же в детской памяти, видимо, что-то сохранилось, и тоска прорывалась наружу. Как гораздо позже рассказывала Ольга, нет-нет, да я неожиданно пыталась проявить самостоятельность и, прихватив что-то, направлялась к двери. “Сестра” останавливала со словами: “Куда собралась?”, а я отвечала:” Домой”. Ольга замечала, что мой дом здесь, но в ответ всегда слышала:”Это твой дом здесь, ты дома, а я – нет”. А ведь в семье ко мне относились очень хорошо. Атылия заботилась, как настоящая мать, а Ольга и Иван стали для меня сестрой и братом. Жили мы вместе и после войны. Когда же пришло время получать паспорт, где должны были быть обозначены мои личные данные, то, так как я не знала другой, туда внесли фамилию Бружник.

До этого, в четырнадцать лет, я пошла на работу в банно-прачечный комбинат, обслуживающий все воинские подразделения военного городка. Парторг комбината, Анна Борисовна Лифшиц, узнав мою историю, сразу начала поиск моих родителей (откуда нам было знать, что отца уже не было) через газеты “Правда”, “Известия”, “Красная Звезда”, через местные белорусские газеты. Завязалась переписка...

4 января 1958 года я переехала к своей родной матери на Украину, в г. Донецк.

С семьёй Бружник мы всегда поддерживали родственные отношения.

В 1996 году моя семья приехала в Израиль. О своей истории я сообщила в музей “Яд-Вашем”. Государство Израиль по достоинству оценило подвиг Атылии Бружник и её дочери Ольги, присвоив им звание “Праведник мира”.

Низкий поклон им, тем, кто уже в другом мире, и тем, кто ещё жив, от меня и от всей семьи.

О судьбе Веры Усаровой рассказано в повести “Сорок лет спустя”, опубликованной в книге с тем же названием. Автор Юрий Корытный, издательство “Юго-Восток”, 1998, г. Донецк.

На снимке:

внизу слева – Атылия Яковлевна Бружник, Праведник мира,
вверху справа – Вера Усарова (Бружник).

Ответ редакции газеты "Звезда" матери Веры
(Валентины) Усаровой (Бружник) - Анне Марковне, искавшей
свою дочь, пропавшую во время войны - 1941-1945 гг.

Пролетары всіх країн, єднаєтесь!

Комуністычная партыя Беларусі
Р Э Д А К Ц Ы Я Г А З Е Т Ы
„З в я з д а“

Орган Цэнтральнага Камітэта Комуністычнай партыі Беларусі, Вярхоўнага Савета і Савета Міністраў БССР

№ _____

19 . декабря 1957 г.

Уважаемая Анна Марковна!

Сегодня, 19 декабря редакция республиканской газеты "Звезда" получила Ваше письмо и сейчас-же даёт ответ. Вас интересует девушка Валентина Бружник, письмо и портрет которой поместила наша газета 29 ноября 1957 года и в которой Вы сердцем пострадавшей матери узнаете свою дочь. Как нам хотелось, чтобы это было так.

Сообщаем несколько подробностей. Вера Бружник обратилась в редакцию в сентябре месяце. В маленьком письме, которое она написала на машинке, сообщалось только то, что женщина Атылия Яковлевна с деревни Стаи Борисовского района нашла ее трехлетнего ребенка в железнодорожной будке возле деревни Горелица.

Естественно, по этим скромным данным нам трудно было что-либо сделать так как ни своего имени, ни фамилии отца и матери она не знала. Мы попросили Веру написать более подробно, что она и сделала в своем более активном письме, которое мы поместили. и которое в последствии перепечатала газета "Правда". Текст обоих писем и переписку редакции с Верой пересылаем Вам. Одновременно высылаем вырезку из газеты с портретом Вери. Жаль, что не сохранился оригинал. Сегодня же посылаем нашего работника в Борисов к Вере и её приёмной матери для проверки всех примет, указанных в Вашем письме. О результатах поездки мы подробно напишем Вам в следующем письме.

В этом году мы уже в третий раз помогаем оставшимся детям найти своих родителей и, как говорится, накопили немалый опыт. Мы почти не сомневаемся, что именно Вы являетесь настоящей родной матерью Вери.

С приветом

Зав. отделом писем газеты

"Звезда"

В. Мамин /Д. ЕРМАКОВ/

Подлежат расстрелу – предупредили заранее

Сара Бортник

К началу войны мне исполнилось пятнадцать лет. Мы с родителями жили в Молдавии. В начале июля семья отправилась в эвакуацию. Уже добрались до Днепра, но тут нас захватили немецко-фашистские оккупанты. Нас вместе с большой группой евреев отправили в Кривой Рог и поместили в так называемый «рабочий лагерь». По прибытии немцы выбрали пожилых людей и детей до двенадцати лет и всех тут же расстреляли.

Работали в лагере от зари до зари, строили булыжную дорогу, и все, что подневольные делали вокруг, было связано с ней. Мне пришлось работать в песчаном карьере. Это был каторжный труд, нужно было киркой долбить твердый песок, а потом отгружать все в вагонетки. Руководила всеми работами немецкая военно-строительная организация ТОДТ⁵. Охраняли нас немцы и мобилизованные латыши. Жили в бывшем коровнике, спали на соломе. Нас совершенно не кормили, приходилось побираться в близлежащих деревнях, причем ночами, когда охранников было меньше, или они были не так бдительны. Чаше такое случалось, когда лагерь охраняли латыши.

С приближением зимы, мы с мамой решили бежать. К этому времени мой отец умер, и мы остались вдвоем. Обстановка в лагере была кошмарной. Из-за холодов, из-за того, что ручным способом добывать строительный материал было невозможно, на работу уже не водили. Многие умирали от голода, некоторые лишались рассудка. Немцы начали расстреливать узников, как

⁵ Организация ТОДТ была создана в Германии с приходом к власти Гитлера. Возглавлял её министр вооружения и индустрии инженер доктор Тодт – его фамилия стала названием организации. В задачи организации ТОДТ входило строительство крупных заводов, укреплений, государственных автодорог и железных дорог. *Фаина Винокурова, историк-архивист, зам. директора Государственного архива Винницкой области (г.Винница).*
www.yabloko.ru/Forums/Main/posts/421603/html

бесполезный материал, о чем цинично заранее нас предупредил начальник лагеря.

Поздно ночью мы с мамой незаметно выбрались, решили возвращаться в Молдавию, так как к этому времени, по доходившим слухам, румыны, якобы, так, как раньше, не расстреливали евреев, потому что все наши соплеменники были в гетто и концлагерях.

Шли мы к нашему прежнему месту жительства уже несколько месяцев. В самые лютые морозы. Голодные, едва прикрытые, завшивленные. Выдавали себя за молдаванок. Моя мама хорошо владела молдавским языком. Некоторые догадывались, кто мы на самом деле, но не выдавали. Бывало, что и кормили нас, а видя, как легко мы одеты, иногда делились и одеждой.

Так мы добрались почти до Тирасполя. До города оставалось совсем немного. Но тут нас задержал румынский патруль, препроводил в город. Военный суд был недолгим: отправили в гетто. Так мы попали в село Черное Одесской области. Здесь мы находились с февраля 1942 по март 1944 года. Нас вывозили на сельскохозяйственные работы в Григорнопольский и Дубосарский районы. Работали по четырнадцать-шестнадцать часов. Над нами издевались румынские жандармы, подгоняли, как лошадей. По нашим спинам не раз гуляли их плетки.

Опять приближалась зима. Полевые работы закончились, но нам находили другие. Были мы полураздетые, босые, но наших мучителей это не беспокоило, им было все равно, какой смертью мы умрем. А что умрем, в том они были уверены. И только приход Красной армии не дал осуществиться этому. Нас освободили в последний день марта 1944 года.

Расправлялись на месте

Фёдор Бронштейн

Когда война началась, мне было одиннадцать лет. В семье нас было четверо: папа – все его звали просто Морчик, мама – Елизавета Иосифовна, и мы, двое братьев – Гриша и я.

Немцы заняли наш районный центр Шпиков, Винницкой области, 22 июля, а 5 декабря того же года всех евреев местечка под конвоем полицаев погнали в с. Рогизное. Никто ничего не взял с собой, никому не сообщали, куда нас ведут. Одеты все были налегке, а был сильный мороз и падал снег. Дорога скользкая, и ослабевшие от голода люди падали. А полицейские гнали дальше и избивали. Многие так и остались умирать на дороге. Наконец, нас привели в клуб. Местные полицаи уже ждали. Вокруг всё было огорожено колючей проволокой. Это и было гетто, в котором нам предстояло долго находиться, а кому и умереть.

Мы были голодны. Несмотря на запреты, люди пытались вырваться за ворота и попросить у сельчан хоть что-нибудь утолить голод. Всех смельчаков убивали на месте. Среди погибших оказался и мой двоюродный брат с его женой.

Поселили нас в клубе. Спали на бетонном полу. Ни о каком отоплении и речи не могло быть.

Заедали вши. Их было так много, что приходилось выметать веником. Конечно, скоро появился тиф. Заболели и мы с братом. У многих состояние оказалось очень тяжёлым, и их решили изолировать в кинобудку, тоже на цементный пол. Попали в кинобудку и мы с братом. Наша тётя Мати плакала, кричала, просила помощи, но кто и чем мог помочь. Гриша умер на моих глазах, лёжа рядом со мною, в самые лютые морозы. Наутро замерзшего, задубевшего брата унесли. С трудом поднявшись, я пошёл следом посмотреть, что будут делать с ним. Его кинули на сани и увезли вместе с другими умершими в эту ночь. Я не знаю,

как, за счёт чего, потому что не было ничего, что могло бы помочь, даже не было водички смочить губы, но я выдержал и выжил. Через некоторое время нас перегнали в другое гетто, в Печёру. Люди умирали десятками и здесь - от голода, холода, болезней. Первыми косило детей, стариков.

На всю мою жизнь остались в памяти зверства фашистов. На моих глазах расстреливали детей, стариков, в том числе многих моих близких и родных.

Спасло милосердие

Лев Брутер

Родился я в Бессарабии, в местечке Каушаны, где жил и учился до начала войны. В июле сорок первого года мы – отец, мать, две сестры и я решили эвакуироваться и уже добрались до Одессы, а оттуда с трудом на товарном поезде – до Днепропетровска, намереваясь уйти подальше от военных действий, но нам этого не удалось. Немцы высадили десант. Вслед за тем нас вернули в Одессу.

По приказу всех евреев выгнали на площадь, а потом погнали на Люстдорфскую дорогу по направлению к бывшим артиллерийским складам. Там было шесть-семь больших деревянных бараков, из них три или четыре сожгли вместе с евреями⁶. Раненых пристреливали сразу. Когда для уничтожения дошла наша очередь, прибыл немецкий мотоциклист с приказом прекратить расстрел, и нас погнали обратно в город, в Одесскую тюрьму. Через месяц выдворили в гетто на Слободку, это один из районов города Одесса. Там мы были вместе с семьей Сушон. Старшие члены этой семьи очень помогали нам и в годы войны, и после, когда мы остались без своих родителей.

В январе сорок второго года нас отправили в товарных вагонах на станцию Березовка Одесской железной дороги, а оттуда погнали пешком в сторону Доманевки, где распределили по селам. Вскоре перевели в село Викторовка на свиноферму немца-колониста Фитера, знаменитого во всей округе тем, что он особенно изощренно издевался над евреями. В Карловке от непосильного труда и болезни умер мой отец, там же он и похоронен.

⁶ В конце 1941-го – начале 1942 годов румынские жандармы, украинские полиция и так называемая зондеркомандо “R”, где служили местные немцы-колонисты, приступили к систематическому истреблению узников лагерей, гетто. Так, в Богдановке в конце декабря 1941 года около 5 тысяч евреев были согнаны в сарай и заживо сожжены, после чего начались регулярные расстрелы обитателей-узников, завершившиеся к 15 января их поголовным уничтожением. Около 28 тысяч (по другим сведениям – около 23 тысяч) погибли близ немецкой колонии Вертуген. *История еврейского народа. Катастрофа европейского еврейства. Электронная энциклопедия.*

Вплоть до марта сорок четвертого года на ферме я пас свиней и лошадей. В это время стали угонять мужчин в Германию. Я оказался среди них. Мать и сестры остались на месте. Мне дали пару лошадей и подводу, за которые я был обязан отвечать. Поначалу за нами следили не так строго, и пленники находили возможность и потихоньку стали убегать. Немцы спохватились, и на подходе к Тирасполю, где-то в пределах села Малаешты, ужесточили охрану. Нас продолжали гнать в только врагу известном направлении. Как-то мне разрешили напоить лошадей. Я свернул в ущелье, где была вода, дал животным пить, а сам пошел в ближайший дом, в котором жила молдаванская семья Варвары и Георге Пелин. Заговорил с ними на их языке. Попросил убежище. Они приютили меня и спрятали в погребе под скирдой с сеном. Кормили всегда досыта. Сейчас их имена в списке Праведников Мира в музее “Яд Вашем”. В аллее праведников в честь них посажены деревья, на которых имеются таблички с именами этих добросердечных людей.

12 апреля сорок четвертого года в село вошли советские войска, а через два дня полевой военкомат мобилизовал меня в армию и отправил на 3-й Украинский фронт, где и служил до конца войны. Демобилизовали лишь в сорок седьмом году.

Сказал – и ушёл

Нахум Бубис

Жили мы в Липканах, на границе Молдавии с Румынией. Наш город начали бомбить одним из первых. У мамы в г.Бричаны была сестра, и мы помчались к ней. Было мне тогда около одиннадцати лет.

Дней через шесть пришли румыны. Ещё через две недели по радио сообщили, что все, кто прибыл из других мест, должны собраться на указанной поляне, ничего не беря с собой, и затем вернуться туда, откуда прибыли.

Всех собравшихся евреев построили в шеренги и сразу начали бить палками, издеваться. Били по ногам, требуя: "Снимай туфли, хватит носить их!", били по плечам: "Снимай рубашку, нечего тебе её носить!" Мы видим, нас не собираются отпускать домой. Кругом солдаты – румыны с собаками. Нас погнали. Куда – не знаем. Начались дожди, осенняя слякоть. Спали под открытым небом, поливаемые сверху. Пригнали в Винницкую область, в м. Балка, недалеко от г. Бар. Таких людей, как здесь, мы раньше не встречали: рыжие, с бородами. Называли их кацапами.

Нас разместили в казармах, в которых раньше жили советские солдаты. Всё было разрушено. Ни окон, ни дверей, только проёмы остались. Начали заклеивать газетами, использованной бумагой, всем, что оказалось под рукой. А на дворе дожди, а впереди морозы. В комнатке, где поселили нас и ещё две семьи – всего двенадцать человек, было около четырнадцати квадратных метров. Наша семья состояла из шести человек. Шестилетний братик Викдер умер по дороге, не дошёл до гетто. Остальные оказались за колючей проволокой.

Начались "золотые" дни. Немцы сразу стали отправлять нас на работу в г. Бар. На день нам выдавали кусочек хлеба и супчик, в котором плавало несколько маленьких огуречных кусочков. И всё.

В гетто была еврейская община со всеми гражданскими структурами. Бригадир для нас был самым главным лицом. Он должен был знать, куда кто идёт, зачем, и ему все обязаны были докладывать. Мой отец был портным. Он обращался к бригадиру

с просьбой отпустить в село на заработки. Ему разрешали. Я был всё время с отцом, одного мы его не отпускали. Когда возвращались, половину заработанных продуктов отдавали бригадирю. Как-то мы возвращались из села и по дороге неожиданно наткнулись на пьяного солдата-румына. По одежде он узнал, кто мы и откуда, и начал в нас стрелять. Отца ранило. Мы едва успели заскочить за угол дома. Это и спасло нас.

В другой раз мы работали в том же селе. В доме была красивая девушка. За ней ухаживал румын, почти все время он находился у них. Однажды он приказал братику девушки, моему ровеснику, и мне пойти в колхоз и привести двух лошадей. Я не хотел идти, но румын пригрозил расстрелять. Мы пошли. Я в жизни не ездил верхом. Я практически не знал, что такое лошадь. Мальчик вскочил на жеребца, я тоже взобрался на лошадь. Он разогнал своего коня, мой – помчался за ним, я рухнул вниз. Моя лошадь, видно, не почувствовав седока, вернулась в конюшню. Когда я пешком дошёл до дома, где оставался мой отец, меня встретил румын и опять приказал немедленно привести лошадь. Я отказался. Он уже был пьян, схватил винтовку, зарядил её и закричал:” Убью тебя вместе с отцом!” Девушка вместе с матерью кинулась к нему. Обе схватили его за руку, стали уговаривать, а нам сказали, чтобы немедленно ушли. Мы оставили этот дом, благодарные хозяйкам за спасение.

Как-то немцы выгнали нас, ребят, собирать яблоки. Я отказался. Никогда не жил в деревне, не умел лазать по деревьям. Меня начали бить по голове. Без жалости, со злостью, с остервенением. После этого я потерял зрение, а головные боли до сих пор напоминают о прошлом.

Однажды, когда началось наступление советских войск, это запомнил я очень хорошо, к нам в гетто пришел немец-фельдфебель и сказал:” Сегодня ночью будут русские. До этого немцы вас подорвут вместе с казармами. Убегайте, кто может. Полями, лесами, только не дорогой. По ней уходят немцы и румыны с техникой. Вас расстреляют, если пойдёте по дороге”. Сказал и ушёл. Мы убежали в соседнее село, а вскоре вернулись к себе.

Наш дом был полностью разрушен. От дома маминой сестры остались одни стены.

Остались я и брат Тойва

Елизавета Вайнер

Родилась я в Винницкой области, в г. Тульчин. Когда в сорок первом году оккупировали наш город, мне было одиннадцать лет. В декабре нас, всех евреев Тульчина, выгнали из наших домов. В начале мая мама и ее семеро детей были поселены в школе. Там мы только переночевали. Наутро всех погнали в баню. После этого выстроили и отправили пешком в Печерский трудовой лагерь, а по сути лагерь смерти. Шли весь день. Всех, кто не мог дальше двигаться самостоятельно, немцы расстреливали. Вечером сделали остановку в селе Торков. Ночевали в коровнике. Наутро погнали дальше.

В лагере на проходной нас встречали немцы и полицаи, всех били нагайками. Потом затолкали в небольшое помещение. Каждый оставался там, где находил хоть небольшой закуток, уголок, чтобы хотя бы можно было присесть. Умирили от голода и холода по пятьсот человек за ночь.

Из нашей семьи в лагере погибли пятеро маленьких детей. По приказу немцев и при их непосредственном участии из них выкачивали кровь для медицинских опытов. Моя мать вынесла из барака пять детских скелетиков, которые потом сбрасывали в общую могилу. Вот их имена: Роза – 1932 года рождения, Маня – 1933 года рождения, Хаим – 1935 года рождения, Хейвид – 1939 года рождения, Бейла - 1941 года рождения.

В сорок третьем году мою мать, Шмулензон Нэху Хаимовну, забрали на работу к немцам в Гайсинский район в село Тарасовка и там расстреляли в числе еще восьмисот человек. Мой отец, Шмулензон Срул Вольфович, погиб на фронте.

Я и мой брат Тойва, 1928 года рождения, в сорок третьем году смогли убежать из лагеря и спаслись.

Разлучили навсегда

Надежда Варшавская

Древняя река Днестр. Омывая сотни городов и сел, все расширяясь, приближается к Черному морю. В одном из омываемых ею городов я и родилась и прожила до четырнадцати лет свое счастливое детство – с мамой, папой и братиком Монеи, которому было в ту пору десять лет.

Начало большой страшной трагедии мы ощутили 22 июня 1941 года, когда германские самолеты бомбили аэродром нашего города Тирасполь. Наша семья решила бежать. Не успели доехать до Николаева (Украина), как нас окружили немцы. Там скопились тысячи людей, желавших перебраться через реку Буг. Фашисты приказали всем вернуться в свои города.

Много дней наша семья добиралась до Тирасполя, опасаясь напоротся на фашистов. Но вот мы у цели. Город оказался таким пустынным и безмолвным, что было жутко оставаться в собственном доме. Под покровом ночи мы перешли в пустовавший дом наших друзей, где соседи не знали нас. Без пищи, воды, охваченные страхом, мы не выходили из дома. И все же, видно, кто-то выдал нас полиции. Однажды ночью к нам постучались. Вошли жандармы, и нас арестовали. Привели в гетто. Это было большое здание бывшего городского театра. Нас втолкнули внутрь. Страшная картина предстала перед нами. До потолка нагромождены горы чемоданов, узлов, мешки с одеждой, домашней утварью. Только не было ни одного живого существа. Как узнали потом, накануне всех евреев расстреляли.

Нас оставили здесь. Позже стали прибывать сотни, тысячи евреев. Место это превратилось в ад. Можно было сойти с ума от создавшейся обстановки. Душераздирающие крики, стоны, плач. Здесь рожали детей, умирали. И все это на глазах у всех.

Вскоре было создано ещё одно гетто, так как это уже не вмещало скопившееся количество узников. Оно занимало огромную территорию винно-коньячного завода. Фашисты начали сортировать евреев: отдельно молодых, детей, подростков, стариков. Сюда перевели и моих родителей, навсегда разлучив меня с ними. Меня же отправили в другое – большое

двухэтажное здание бывшей городской бани. Редко когда и от кого приходилось ощущать поддержку, в том числе и продуктовую. Жизнь в аду продолжалась. А узников, среди которых были мои родители, этапом отправили на Украину в село Богдановка⁷, где и были расстреляны тысячи евреев. Здесь закончилась жизнь и моих самых близких и дорогих – мамочки, папочки и братика Монички.

Мое пребывание в гетто с августа сорок первого продолжалось по апрель сорок второго. Оккупанты, видимо, решили покончить с нами и погнали нас, полураздетых, полуразутых, в сильный мороз, а зима была на редкость суровой, этапом под конвоем на Украину. Мы знали: там расстреливали. Шли через деревни и хутора – Треххатка, Пятихатка...

Пригнали в большое село под названием Мостовое, где в гетто была превращена школа. Кругом валялись трупы и больные тифом. Охраны было мало, и ночью мы с подругой решили бежать. Позже наши с ней дороги разошлись. Пока же вокруг – толстое покрывало снега – ни дороги, ни тропинки. Так, днем и ночью, прячась от людей, я шла в Тирасполь. Те, с кем изредка приходилось встречаться, к кому с большой осторожностью обращалась, догадывались, что я еврейка, и на ночлег не пускали, но в куске хлеба не отказывали. Ночевала в поле, в скирдах соломы. Мыши проникали сквозь легкую одежду и грызли тело, по сути, они делали то же, что и фашисты – уничтожали меня им доступными средствами.

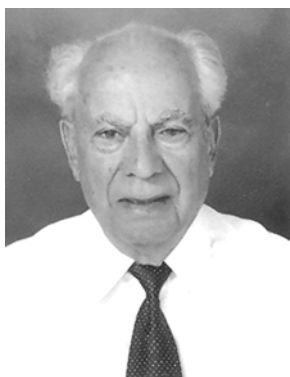
Я добралась до Тирасполя. Здесь было много знакомых русских людей, и одна семья приняла меня. Однажды какой-то бандит и антисемит узнал меня и донес в полицию. Тут же последовал арест и тюрьма. Впереди была отправка на Украину и расстрел. Чудо случилось, как всегда, неожиданно. Русские люди помогли мне бежать. Среди тех, кого и сейчас вспоминаю с большой благодарностью, были Валентина и Иван Давидюк, семья Анны Полищук. Они очень помогали мне и, в сущности, спасли жизнь. Меня снабдили документами, помогли добраться до г. Одесса, устроили к престарелой паре бабушке Дусе и деду

⁷ Как сообщается в статье “История еврейского народа” (Катастрофа европейского еврейства. Электронная энциклопедия), в селе Богдановка находился один из самых крупных концентрационных лагерей (54 тысячи евреев), бывших под управлением румын. (Л.К.)

Трофиму Гордиюк. У них я прожила больше года – до апреля сорок четвертого, вплоть до освобождения Одессы.

Такова страшная, трагичная, очень краткая история подростка, каким я была в то время.

Сейчас у меня уже двое взрослых внуков, четверо замечательных правнуков, и я хочу, чтобы они были счастливы и никогда не знали того, что пережила я и мое поколение.

Командовали фашисты и уголовники

Семен Вейсман

Я родился в селе Песчана, Песчанского (ныне Балтского) района, Одесской области. В селах района проживало несколько сот евреев.

У нас был небольшой домик, в котором, кроме меня с матерью, жили мамина старшая сестра с дочерью. Мужья обеих женщин умерли еще в 1931 году. Жили мы очень трудно, но дружно. Я успел закончить четыре класса, и было мне одиннадцать лет.

Началась война. Немцы очень быстро приближались к нашим местам. Мы решили эвакуироваться. Взяли самое необходимое, что можно было нести. Добрались до города Первомайск, что в пятидесяти километрах от Песчан, и тут нас перехватили немцы. Пока нас не тронули. Вместе с другими, оказавшимися в этой же ситуации, решили возвращаться домой. Шли ночами – лесами, полями, по безлюдным местам, чтобы нас опять не обнаружили немцы. И вот мы в Песчанах. В еврейских домах все было разграблено. Народу стало больше за счет прибывших евреев других сел и из Молдавии.

Все жили очень скученно, в большой тесноте. В нашем маленьком домике проживало уже шесть семей – восемнадцать человек. На полу свободного места не было, приходилось переступать через лежащих. В селе установилась румынская власть. Это было в начале августа.

По приказу коменданта всех евреев собрали на стадионе и зачитали приказ:

1. Местечко, где проживают евреи, называется гетто.
2. Всем запрещается покидать территорию без разрешения комендатуры. За нарушение – расстрел.
3. Все евреи обязаны носить желтую шестиконечную звезду.
4. Выполнять все указания начальства, которые будут передаваться через старосту, в том числе выполнять все работы по обслуживанию комендатуры.

Так установилась румынская власть. Но больше их зверствовали украинские полицаи, которые были назначены из бывших уголовников, ярых врагов советской власти и ненавидевших евреев. Практически они имели неограниченную власть, и евреи иногда жаловались румынам, давали им взятки, чтобы они умирляли полицаев. Все годы оккупации было очень голодно, а зимой еще и холодно.

По распоряжению немецкого командования румыны три раза организовывали высылку евреев в гетто села Ободовка, около Бершади, Винницкой области. Оставляли только специалистов, чтобы их обслуживали: сапожников, портных, парикмахеров и других нужных профессионалов.

Вскоре по приказу немцев и румын началась заготовка дров на зиму. Ежедневно под наблюдением охранников-румын и полицаев выезжали в лес, заготавливали древесину (деревья рубили вручную), и на месте, в селе разделявали на дрова и укладывали штабелями. Работали бесплатно, кормили - только, чтобы не умерли с голоду, на четверых давали буханку хлеба, да родным разрешалось приносить кипяток. Говорили, что эти дрова немцы и румыны заготавливали на зиму не только для себя, но и вывозили на железнодорожную станцию в Балту, а оттуда поездами – за фронт в Германию.

Царил беспредел. С нами делали все, что угодно: издевались, избивали, грабили, насиловали, расстреливали. Конец всему этому пришел в апреле 1944 года, когда нас освободили советские войска.

На всеобщее обозрение

Анатолий Вексельман

Я родился и прожил свои первые годы в селе Красное, Тывровского района, Винницкой области.

Когда началась война 1941 года, моего отца забрали на фронт. Я с мамой остались на оккупированной территории. Было мне в ту пору неполных четыре года. С приходом немцев в первую очередь расстреляли коммунистов, активистов советской власти. Всех их повесили на сельской площади на всеобщее обозрение.

В один из жарких летних дней всех евреев собрали и под солнцепёком погнали в село Гниввань. Со слов матери, в дороге у меня начались сильные носовые кровотечения, в результате чего я едва не погиб.

В Гнивани было организовано гетто, и мы стали жить по его законам. Взрослых отправляли на сельскохозяйственные работы. С рассвета до позднего вечера они работали в поле, пахали, пропалывали, окучивали, собирали урожай, не разгибая спины. Командовали румыны. Старшие рассказывали, что они, вроде, были пожалостливее немцев, не убивали всех подряд, но режим был тоже чрезмерно жёсткий и за малейшую провинность наказывали без сожалений. Мы с мамой пережили все ужасы, выпавшие на долю узников: голод, холод, унижения со стороны оккупантов. Были случаи, когда в таких условиях предавали и свои. Очень хорошо запомнил Нухыма, старосту. Он был евреем, но нередко относился к нам не лучше самих врагов. После войны за сотрудничество с оккупантами и пособничество их строю его судили и осудили как изменника родины.

По мере того, как подрастали, мы тоже работали в поле вместе со взрослыми, помогая родителям. Была ещё причина, почему с раннего утра до позднего вечера мы находились в поле. Матери боялись оставлять своих детей одних в гетто и всеми правдами и неправдами старались брать их с собой. Я убеждён, что только благодаря стараниям своей мамы мне повезло остаться в живых.

Всё, что пришлось пережить, отразилось на мне впоследствии. Уже закончилась война, а страх и ужас той жизни,

тех обстоятельств преследовали меня. Я был, как замороженный. Запуганный, нервный, всего боялся. Я не понимал, но взрослые, в том числе и учителя, указывали на остановку в моём развитии, и это пришлось преодолевать ещё очень долго. Тем более, что я был невероятно слаб физически, фактически – дистрофик. Это, спустя долгие годы, я начал тренировать спортсменов в мастера спорта. Пока же мне надо было просто ”выкарабкаться” из того ужаса, в который меня ввергли фашисты, и зацепиться за жизнь.

Больше не суждено было встретиться

Груня Геллер

Родилась я в 1918 году. До войны проживала в г. Шпола, в то время Киевской, а сейчас Черкасской области. Нас было у родителей трое: я - старшая, братик Яков - на четыре года младше меня, и сестричка Симочка - двадцать девятого года рождения. Жили мы очень дружно. В возрасте семнадцати лет я устроилась в типографию наборщицей. Через два года вышла замуж, и вместе с мужем мы переехали в местечко Теплик, Винницкой области. К началу войны у нас было двое детей: пятилетняя доченька Фирочка и трехлетний сыночек Абрашенька.

Как только объявили войну, мужа сразу забрали на фронт, а через две недели я получила извещение о его гибели.

Немец наступал. Кругом была паника. Почти не было возможности выбраться из города, но я собралась и решила вместе с детьми эвакуироваться. Прежде всего направилась к родителям, но, к сожалению, ничего из этого не вышло, так как немец наступал быстрее, чем мы передвигались. Нам они перекрыли дорогу в местечке Терновка, в тридцати километрах от нашего дома. Мы вынуждены были вернуться обратно. А в Теплике уже застали немцев. Они поселились в лучших домах, наш ими был уже тоже занят. Мы по несколько семей размещались в домах похуже, оставленных успешными эвакуироваться евреями.

В первые же дни всех трудоспособных собрали и отправили в гетто. В их число попала и я. Мои дети остались со свекровью. Больше мне не суждено было с ними встретиться. Теплик был оккупирован немцами с 26 июля 1941 года по 10 марта 1944 года.

В апреле сорок второго нас привезли в лагерь в селе Райгород, Винницкой области. Работала я там в каменном карьере. Взрывники взрывали камень, а мы грузили в вагонетки и вручную вывозили наружу. Рядом немцы строили шоссейную дорогу на Умань.

В январе сорок третьего года узников нашего лагеря перебросили в г. Брацлав, Винницкой области. Там тоже работали в карьере. Через какое-то время меня взяли в немецкую кухню, помогала повару-немцу. Здесь у меня было свое место для ночлега, но вечером, после работы мне разрешали возвращаться в лагерь навестить родственников, с условием чтобы через полтора часа вернулась обратно.

Однажды, это было в феврале, я встретила в лагере одного крестьянина. Он предложил мне свои услуги: переправить через Буг в гетто, которое охранялось румынами. Провокатор ли, нет ли - некогда было долго думать. Решила рискнуть. Доверилась. Вместе с золовкой и подругой после проверки, все ли на месте, ночью, когда все стихло, крестьянин увез нас к Бугу. У реки он остановился и указал направление, куда идти. Больше мы его не видели.

К утру мы пришли в Бершадь. Разошлись в разных направлениях. Меня приютили два старика. Выделили уголок. Одежда моя была вся изодрана, на ногах обмотки из мешковины. Работы в гетто не было, приходилось каждый день искать хотя бы что-нибудь, чтобы заработать на мамалыгу, которую растягивала так долго, как могла.

Выйти за границы гетто было опасно, так как часто совершались облавы, немцы проверяли документы, искали партизан. А у меня никаких документов не было. Приходилось прятаться.

Здесь прожила до 14 марта сорок четвертого года, вплоть до прихода Красной армии, и сразу же решила искать свою семью.

К сожалению и к своему глубокому горю, нашла я лишь могилу своих детей и всех родных.

Следы прошедших этапов

Евгения Гехтман

К началу войны наша семья жила в местечке Липканы, что в Бессарабии. Как только прогремели первые бомбы, для семей военнослужащих был подан транспорт для эвакуации. Мои родители немедленно начали собирать котомки с вещами первой необходимости, припасли немного воды, еды, закрыли дом и взяли путь в далекую деревню к папиным знакомым. Туда мы не добрались. Нас захватил вооруженный конвой, в составе которого были немцы, румыны, местные хулиганы. Нас присоединили к этапу ранее схваченных евреев и с собаками под проливным дождем, палящим солнцем, несколько месяцев до самых морозов гнали, как скот, с той лишь разницей, что скотину кормят и поят.

По дороге из близлежащих сел присоединились полицаи – местные добровольцы, и дубинками избивали нас. Деревенские девчата, раздетые, с накрашенными щеками, громко хохотали при виде, как нас избивают полицаи. Нам запрещалось все. Даже у берега Днестра не разрешили набрать воды. За непослушание избивали и расстреливали. До сих пор в ушах стон, плач детей, женщин, стариков.

Наконец, настала длительная остановка. То было гетто Вертюжаны. Кормить не кормили, но выгоняли в карьер таскать камни. Отец заболел дизентерией, уже еле на ногах держался. В это время нас погнали в Косоуцкий лес. Тех, кто не мог передвигаться, увозили на подводах. Туда попал и мой отец. Когда пришли в лес, начали искать родных, ехавших на подводах, но увы... До сих пор перед глазами папа – в яме среди многих других трупов. На нем черное осеннее пальто с бархатным воротничком, в котором в добрые времена он ходил в синагогу. На ногах рваные ботинки, на голове коричневая кепка, а шея обмотана моей розовой трикотажной кофточкой – мама позаботилась, чтобы он не простыл...

Каждый день в лес прибывали "этапы" на ночлег. Потом дорога вела к Днестру. Холодной дождливой осенью нас все еще гнали по Украине. Босых, раздетых, изможденных, загнали в узкое, насквозь продуваемое помещение. Все дрожали, было

ужасно холодно. Кто-то положил мне в руку кусочек коричневого сахара. А снаружи за дверью гора неубранных трупов. Это следы прошедших этапов.

Не помню, сколько времени продолжался наш поход под конвоем, но в декабрьскую стужу нас пригнали в село Тимошивка, Винницкой области. Это между станцией Тростянец и Ободовка. Через дорогу была огороженная территория с пустовавшими зданиями бывшего сельхозтехникума. Туда нас разместили на истребление. Смерть, побои, изнасилование. Лежали на цементном полу рядом с мертвыми по несколько дней. Там, в Тимошивке, погибли моя сорокалетняя мама и двадцатилетний брат. Нас осталось двое – старший брат Яков и я.

Вскоре нас перегнали через мост в село Верховка. Но вот прибыл отряд СС. Всех выгнали на улицу. Мужчин, в том числе и моего брата, отправили на строительство моста через реку Буг в районе Николаева. Меня, в числе других сирот, – в Балту. Там в гетто в старой части города свирепствовали отряды СС. Трудно описать, что творилось, особенно в марте сорок четвертого года, перед бегством фашистов. Но в этих условиях не обошлось без чуда.

Однажды нас выгнали на чистку шоссе. Тогда в возрасте шестнадцати лет я была очень мала и худа. Солдат-немец посмотрел на меня и жестом приказал сесть на придорожный столбик. Вынул из кармана мандаринового цвета коробочку, намазал маслом кусочек хлеба и подал мне. Вдруг я услышала, как он тихо сказал: "Фарфлюхтер Гитлер". Он освободил меня от работы и сам вместе с мальчиком – узником очистил мой участок. Я знаю точно, если бы меня заставили взять лопату, я бы упала и больше бы не поднялась. Я еле стояла на ногах.

И все-таки наступил день, когда нас освободили...

Каждый день кого-то лишали жизни

Миля Гитерман

Я родилась в городе Тульчин, Винницкой области. Первого января 1941 года мне исполнилось двенадцать лет. Для семьи это был праздник: по еврейским законам – батмицва, пора совершеннолетия. Кто мог знать, что через полгода я по-настоящему повзрослею, что на детские плечи ляжет такая тяжесть бытия, страх за свою жизнь, жизнь дорогих, любимых и любящих людей. Я со всей семьей стали узниками гетто. К счастью, наш дом оказался на его территории. К нам подселили друзей моих родителей – муж с женой, их дочь Шевале и старенькая мама Розенфельд. Шевале окончила стоматологический институт и еще не успела поработать, а моя мама ждала очередного ребенка.

Пришло время маминых родов. Старенькая полуслепая повитуха сообщила, что не может принять роды, так как ребенок лежит неправильно. Наша соседка тетя Сурка, рискуя жизнью, ночью добралась до врача-гинеколога, доктора Чернега, в мирное время заведующая родильным отделением, и та велела ночью привезти маму в больницу. И еще один человек в ту ночь рисковал жизнью. Дядя Шмерл отвез маму, как было сказано. Врач не имела право принимать роды у евреек, но она сделала все, чтобы наш братик не только появился на свет, но и выжил, ибо родился бездыханным.

Потом потянулись страшные дни. Ежедневно немцы кого-то лишали жизни. Они врывались в еврейские дома, грабили, насиловали, издевались, убивали. Мы жили в страхе, почти что голодные, все запасы кончались, но не знали, что нас ждет еще худшее.

Было принято решение всех евреев Тульчинского гетто выслать в Печёру, где находился трудовой, по сути, лагерь смерти. Ранним декабрьским утром сорок первого года всех поднял страшный стук в дверь. На пороге показался немец. Прикладом он стал избивать всех подряд и кричать, чтобы мы покинули дом. Мама, даже не успев перепеленать трехмесячного

братика и одеться потеплее, накинула на плечи платок. Еле передвигавшийся после тифа мой пятнадцатилетний брат и я покинули дом. Под конвоем автоматчиков и собак нас повели в баню. (Теперь я понимаю, что наша гигиена вообще не волновала врага, просто торопились забрать у нас то ценное, что осталось). По обеим сторонам дороги собрались толпы людей, кто-то злорадствовал: «Долой жидов!», кто-то отворачивался, чтобы не встретиться взглядом. И вот мы в бане. Мне двенадцать лет, и я стеснялась раздеться донага, осталась в трусиках. Немец увидел, и я получила такой удар прикладом, что полетела от одной стены до другой. Затем нас разместили в школьном здании, как раз напротив нашего дома, в котором вечером загорелся свет, кто-то уже обосновался в нем. Рано утром следующего дня нас всех вывели и повели в неизвестность.

Морозное декабрьское утро. Идем по твердому грунту. Но вот выглянуло солнышко, и начало таять, дорога превратилась в сплошное месиво, ногу не вытащить. Вот и началась трагедия на наших глазах. Кто-то поотстал – стали расстреливать на месте. Здесь, у выезда из Тульчина остались лежать старые больные люди. Здесь осталась лежать и наша добрая, мудрая, любящая всех людей бабушка Розенфельд, в гетто погибла вся ее семья.

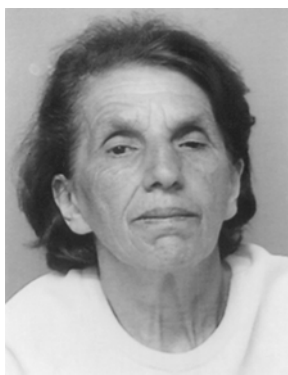
Измученные, голодные, без питья шли целый день. Отец маленькой девочки хотел набрать в ладони немного воды из лужи. Немец увидел это, железной тросточкой рассек ему голову. Не остановил его и страшный крик ребенка.

Убитые горем, страхом, происходящим вокруг них, матери оставляли своих плачущих детей у сельских хат, надеясь, что их примут с милосердием. Наша мама, измученная, голодная, опасаясь за всех нас, шла и приговаривала: «Мы умрем вместе, я его не брошу». Она его спасла, он остался жив!

На ночь нас разместили в какой-то конюшне. К утру несколько человек покончили счет с жизнью – повесились. Одна женщина утопилась в колодце. С рассветом нас повели опять. Перед нами лес. Послышались выстрелы. Прошла молва, что нас ведут на расстрел. Мне не было страшно. Я стала искать мать и брата, чтобы в последнюю минуту быть вместе. Но нас не расстреляли. Привели в корпус Печерского туберкулезного санатория, приготовленного для узников смерти. Скученность была такая, что мы с братом едва находили местечко, и все ночи просиживали на корточках. Выходить за территорию лагеря запрещалось, стреляли на месте. Особенно свирепствовал

полицай Сметанский. Но умирали люди и от голода. Из шестнадцати человек, находившихся в нашей девятиметровой палате, в живых осталось только нас четверо. Спас старовер, русский человек, дядя Андрей. Чудом он вывел нас и привел в Горшиковское гетто, где тоже могли убить в любую минуту, но все-таки иногда тайком удавалось раздобыть кусочек хлеба.

Освободили нас в марте сорок четвертого года.

Сами спасались, спасали и других

Гитлия Глейзерман (Донская)

Я родилась в селе Калинино, которое до войны называлось Богдановка, Тульчинского района, Винницкой области. На начало войны мне было почти четыре года. Отец мой, Донской Мошко Войловыйдерович, работал продавцом в нашем селе, мать, Туба Бенционовна, была колхозницей. Нас, детей, у родителей было четверо: одиннадцатилетний Борис, девятилетняя Блюма, семилетняя Зина и я. Наша Зиночка умерла от голода в Печёрском гетто.

Зимой 1941 года на телегах к нам приехали полицаи, и маму со всеми детьми вывезли в гетто, в Тульчин, которое находилось на территории средней школы №1. Там мы пробыли два месяца. Затем вместе с остальными узниками этапом погнали в Печёру, в помещение бывшего санатория, который немцы превратили в лагерь. Кругом колючая проволока, на вышках за всем следили немцы и полицаи. За выход за пределы территории грозили смертью. Очень мало кто спал на соломе, в основном устраивались на досках. Помещение не отапливалось, и мы всегда замерзали. Кроме того, мучил голод, редко кому удавалось что-то поесть, и только тогда, когда кто-то чудом пролезал через подкоп и умел выпросить что-то у местных жителей. К слову скажу, что они нас часто выручали. Только вот выходить редко кому удавалось. В нашей семье добыванием пищи занималась мама.

Помню, что было несколько полицаев, но на памяти фамилия одного, Сметанского. Он разбил маме голову. Была большая скученность, вместе жили и взрослые, и новорожденные. Не вынесшие мучений умирали, и их вывозили и пополняли яры, выкопанные для этого. Узников всегда было много, их количество сохранялось, а иногда и увеличивалось за счёт пригнанных из разных мест. Среди погибших были и моя двоюродная сестра Таня Бородатая, где-то тридцати четырёх – тридцати трёх лет. С ней были четверо детей, из которых

осталась в живых только одна дочь. Трое сыновей умерли вместе в ней.

Помню, как к нам пригнали евреев из Брацлава. Маленькие дети просили что-нибудь поесть, а у нас у самих ничего не было. И всё же, хоть мы и сами голодали, новеньким пытались помочь. Лучшая помощь в этой беде – это выбраться за пределы, огороженные колючей проволокой. Моя мама спасла Дору Ройтберг из села Калинино и двоих её детей, Мишу и Яшу. Вместе с нами она вывела их через подкоп. Так мы и остались живы.

А отец наш с войны не вернулся...

Рядом со смертью

Гавриил (Габриэль) Глейзерман

Когда началась война, мне было восемь лет, к этому времени я окончил первый класс. Мы жили в с. Верковка, Ободовского района, Винницкой области. Село наше подверглось бомбежке. Одна бомба угодила в техникум, разрушив его. Был взорван мост. Среди населения началась паника. Первыми в село вошли румыны. Тринадцать карателей. Они начали издеваться над евреями. Всех выгнали на гору и стали быть по спине нагайками, загоняя в став, не жалея ни детей, ни стариков. Пока часть из них занималась нами, другие мародерствовали, забирали продукты, наиболее ценные вещи.

На моих глазах убили дедушку: приставили к виску винтовку и выстрелили.

Позже пришли немцы, и стало еще хуже. Первым делом они установили комендантский час, и если кто-то появлялся на улице в запрещённое время, его тут же расстреливали. Назначили полицаев. Они издевались над нами не меньше, чем румыны и немцы. Вскоре в село пригнали бессарабских и буковинских евреев⁸. Это было зимой. Всех разместили по квартирам, в комнате проживало по восемнадцать человек. Условия были невыносимы. Началась эпидемия тифа, малярии, скарлатины. Люди умирали от голода, холода и болезней.

Но вот настало время, когда немцы ушли и опять хозяевами стали румыны. Кто-то передал немцам, что в селе находятся партизаны. Фашисты вернулись на танках и начали сжигать дома. Всех евреев собрали возле церкви с тем, чтобы отправить в концлагерь. Но пока всех выгоняли, собирали и решали, что с нами делать, из района приехал румынский посыльный с какой-то официальной бумагой, после чего нас отпустили. Видать,

⁸ Осенью 1941 года и зимой 1941-1942 годов в районе Заднепровья (Транснистрия), на территорию между Южным Бугом и Днестром, включающую части Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украины и левобережную часть Молдавии было депортировано 150 тысяч евреев из Бессарабии и Северной Буковины, почти все из которых погибли. *По материалам Википедии – свободной энциклопедии.*

время для нашего полного уничтожения еще не пришло. Мучения продолжались.

Нас выжило немного. Не сохранилась полностью и наша семья. Отца убили еще на войне с финнами. Мы же, мама и двое детей, после стольких мук и страданий, остались живы.

В марте 1944 года село наше освободили советские войска.

Началась новая жизнь.

Расправлялись по ночам

Клара Гринберг (Берман)

Когда началась война, двух моих старших братьев призвали на фронт, и там они погибли. Когда же в моём м. Песчанка, Винницкой области, пришли немцы, моих родителей, меня с братом выгнали из родного дома, как и всех остальных евреев местечка, разрешив взять самое необходимое, и погнали. Сказали, будто на работу, на самом же деле мы шли от села к селу, без остановок, без передышки, а куда - так и не знали. Только ночь заставляла приземлиться. Спали в конюшнях, сараях, там, где можно было приткнуться. Мне было в то время десять лет.

Шли мы уже по Одесской области через Кодыму, Обомельниково. Остановились на железнодорожной станции Котовского, там нас разместили в амбарах, конюшнях. По ночам группами выводили на расстрел. Папа понял, что и нас убьют, и мы решили бежать.

Шли ночами, а днём прятались в скирдах сена. Питались в основном мёрзлым буряком – свёклой, но иногда на подходе к селу встречались крестьяне, и кто-то из них, пожалев нас, вёл к себе покормить, а то и переночевать. Реже давали какую-то одежду согреться в пути, которую потом нам приходилось снимать с себя и выменивать на кусок хлеба.

Так мы добрались до Тульчина. Дальше была Печёра. Встретившиеся украинцы сказали, чтобы мы вернулись обратно, потому что в Печёре создано гетто, концлагерь. Послушались совета, пошли в сторону Крыжополя. Там нас приютили наши родственники. Вокруг жили ещё евреи, и мы думали, что потихонечку дождёмся конца войны. Но это только казалось. Очень скоро всех евреев согнали в одно место, несколько улиц огородили колючей проволокой, и мы оказались в гетто.

Каждое утро приходил полицай и всех выгонял на работу, мужчин на одну, женщин – на другую. Отец с братом уходили на строительство дороги, использовали их и на других тяжёлых участках. Мы с мамой были в поле и выполняли всё, что было связано с ним: сажали, окучивали, собирали урожай. Кормились

тоже с поля, а зимой ходили по мусоркам, собирали остатки еды после немцев.

Так мы промучились вплоть до освобождения Крыжополя советскими войсками. Был март, было очень холодно и мокро. Дождь сменял снег. Мы обернули ноги тряпками и пошли домой, в Песчанку, которую к этому времени тоже освободили. Дом наш был полностью разобран и разграблен. Соседи – украинцы сказали, что это немцы сделали. Но разве в спешке, когда удирали, немцы бы взяли с собой наши кирпичи и доски? Мы поселились в соседнем дворе, чужом, там была только крыша и стены. Позже мы узнали, что его хозяев, евреев, расстреляли. Вскоре, сразу после войны, умер и мой брат Яша – от тяжелого труда, от постоянных побоев.

Мы обязаны рассказать об этом

Пиня Гринберг

Я родился в м. Шаргород, Винницкой области, на Украине, в котором с июля 1941 по март 1944 года было гетто.

К началу войны мне было три года. С первых её дней моего отца призвали в армию. Помню, как он нёс меня на руках до призывного пункта, как вместе с другими призванными на подводах он уезжал на фронт.

Отец наказывал матери оставить дом, уйти с детьми, так как он находился на развилке дорог, а потому в сложных условиях был плохо защищён и ото всюду виден. Не могу сказать, что папа был провидцем, но через пару дней на нас упала немецкая бомба. Дом рухнул. Остался кусочек потолка над дверью. Я был на руках у матери, а по бокам у неё две моих сестры, двенадцати и тринадцати лет. Выжили. Мать с нами ушла в пустующий дом, который вскоре заполнился беженцами из Бессарабии. Было много людей. Целыми семьями спали на двух- и трехъярусных нарах. Наша семья разговаривала на украинском, беженцы – на румынском, а языком общения стал идиш. Все – и млад, и стар – тяжело болели. Не было лекарств, кругом нищета, голод, холод, нечистоты. Люди умирали ежедневно. Трупы вывозили на подводах и хоронили на окраине местечка.

Единственным кормильцем нашей семьи была мама. Однажды, чтобы как-то накормить, она сняла и продала свои золотые коронки. Когда мы, дети, увидели её пустующий рот, мы рыдали.

Каждое утро маму увозили на работу – восстанавливать сахарный завод в Сосновке. Мы жили в страшной нищете. Одевались в тряпье, везде искали еду. Вечерами едва освещала коптилка. Спасибо украинцам, передававшим в гетто, что могли, так как нам выходить за установленные границы запрещалось. Раньше, до войны, мы жили с украинцами дружно, многие из них, так же, как евреи, говорили на идиш. Конечно, в это трудное время им досталось не так, как нам, они были свободными.

Однако те, кто жил честно и не предавал, тоже узнали, что такое власть немцев.

Часто мама рассказывала об издевательствах фашистов. Запомнилось, как один из них заставлял её снять с его ног сапоги. Когда она пыталась это сделать, напрягаясь от усилия, он сжимал внутри пальцы ног, затем расправлял их, и она падала вместе с сапогом. Его друзья хохотали. Мою старшую сестру Асю за то, что с группой подростков находилась на улице, били по ногам резиновыми нагайками. Раны остались до конца жизни, каждую осень раскрывались, и даже здесь, в Израиле.

Когда фашисты особо свирепствовали, нам приходилось прятаться под полом кухни, в погребе у родственников. Набиралось человек по двадцать - двадцать пять. Однажды какой-то дедушка пукнул. Я, маленький, засмеялся. Чтобы фашисты не услышали мой смех, взрослые закрыли мне рот и нос. Я задыхался и уже умирал, но топот сапог удалился, руки убрали. После такого больше не хотелось смеяться.

От различных инфекций умирали, как мухи. Болели часто мои сёстры и я. Как мы выжили, одному Б-гу известно. А ведь над нами и медицинские эксперименты проводили.

Кончилась война, а у нас - ничего.

В ноябре 1945 года, не долечившись в госпитале, с ранениями и контузией, приехал с войны отец. Он прожил до марта сорок шестого года и на мой день рождения, 8 марта, умер. Мама одна вырастила нас, троих детей. Пережить гетто, потом голод, было не просто. По воспоминаниям матери, из родственников никто не выжил. Одну из её сестёр, проживавшую в другом районе, по свидетельству очевидца, партизана, фашисты закопали в землю живьём. Сначала, на её глазах, бросили в яму ребёнка моего тогдашнего возраста, его тоже звали Пиня, затем толкнули её, других евреев. Рассказывали, земля в том месте несколько дней шевелилась.

Забыть о зверствах фашистов невозможно.

Живые обязаны рассказать об этом.

“Не ждите никого – всех убили”

Фрима Гриншпун (Шустер)

Начну с того, что мое детство – это сплошные страдания. Я осталась без отца, когда мне было всего два месяца. Это случилось в 1935 году. Моя мама одна воспитывала троих детей. Когда началась война, мне было всего шесть лет.

Нашу семью, вместе с другими евреями, выгнали из города Хотин. Из того, что можно было брать из дому, взяли с собой только вещи первой необходимости. Гнали нас, как скот, подгоняя плетьюми и под охраной собак. Даже попить не давали. Дорога шла через Сокиряны. К вечеру, наконец, остановились. Моему брату в то время было тринадцать лет. После того, как мы заняли свои места, он вышел на улицу. К стоявшей недалеко бане привезли бревна. Он попросился помочь разгрузить их. Ему пообещали дать за это пару рублей на хлеб. Во время разгрузки неожиданно упало бревно. Брат не успел увернуться – большого пальца на ноге как не бывало. Помощи ему никто не оказал.

Утром нас погнали дальше. Под городом Сокиряны сказали, что больных и малых детей надо оставить на площади, для них подадут подводы. Приказали остаться и моему брату. Нас с мамой не пускали к нему, и лишь издали мы видели, как он плакал. Ночью всех расстреляли. Мама побежала посмотреть, где жертвы. Через какое-то время вернулся оттуда голый мужчина, чудом сумевший вырваться с места казни, и сказал: «Не ждите никого, всех убили». Брата звали Шустер Велвл. Моих деда и бабушку утопили под Могилев-Подольским. Это были родители моей мамы.

Такая смерть дорогих нам людей – разве этого мало для одной семьи?...

Нам повезло

Фаня Гройцберг

Когда началась война, мне было пятнадцать лет. В июне она началась, а в конце августа немцы были уже у нас, в Звенигородске, Киевской области. Моя мама, бабушка и я не успели эвакуироваться и остались на месте.

На следующий день после прихода немцев собрали всех евреев города и полицаи объявили, чтобы все они освободили свои дома и перешли на постоянное жительство на одну большую улицу и чтобы никто не посмел бежать. Нас охраняли полицаи. До мая мы были в этом гетто, потом нас перевели в село Неморож, Звенигородского района. Освободили коровники, на пол бросили солому, оградили колючей проволокой и поставили часовых. И так продолжалась наша жизнь.

Немцы утром уводили нас на работу, а вечером приводили в бараки. Начались холода. Ни обуться, ни одеться, у нас ничего не было. Люди стали болеть. Когда утром на проверку кто-то не выходил, немцы моментально бежали в бараки и расстреливали всех лежащих. Если услышат, что кто-то плачет или что-то сказал по поводу этих убийств, избивали железными шомполами до полусмерти. Так мы прожили до ноября сорок второго года.

Однажды во время работы подъехала грузовая машина, и всех стали хватать и сажать в кузов. Началась паника. В этой обстановке, кто сориентировался, начал убегать в поле. Две девушки постарше схватили меня и кинулись к реке. Понятно было каждой из нас, что если пуля догонит, значит, не судьба нам жить. А жить так хотелось. Нам удалось остаться в живых.

В эту ночь нас спрятали у себя добрые люди, но к утру они предложили уйти. Куда податься, куда деться, когда на улице снег и мороз, а мы даже без теплой обуви и одежды. Что делать? И все-таки пошли, подальше от людей и поселений. Обморозили руки, ноги, а выхода из создавшейся ситуации не видели. Вдруг вспомнили, что в двадцати километрах от места, из которого бежали, есть лагерь. Мелькнула надежда, может, там полегче. О возвращении обратно и речи не могло быть, а надеяться на то,

что кто-то примет, спрячет надолго, невозможно было. Один раз мы уже попробовали.

Мы дошли до этого лагеря и оставались там до конца августа сорок третьего года. Потом вновь расстрел, вновь побег. Хорошо, что работали около леса, мы и убежали туда. С этого момента начались наши скитания по всей Украине. Ночевали в заброшенных домах. Однажды нас обнаружила связная партизанского отряда, забрала и опекала до ноября сорок третьего года. А когда советские войска форсировали Днепр и освободили Киев, мы вместе с этой партизанкой добрались до столицы Украины.

Мои подруги по беде устроились в эвакогоспиталь, а я была при них. Из-за возраста меня не брали на работу.

В начале сорок четвертого года к нам привезли раненого главнокомандующего Первого Украинского фронта Ватутина. Меня взяли убирать у него в палате. Около него я была до тех пор, пока он не умер. Потом освободили мой город Звенигород, и я, где пешком, где на поезде, где на попутке, пошла искать своего отца и старшую сестру, которые были взяты на войну в первые ее дни...

Желали себе смерти

Семен Дарховский

При воспоминании о том, что мы пережили в годы Второй мировой войны ужас и страх охватывают в ту же минуту, и душевная тяжесть придавливает, все ярче высвечивая былые страдания.

Я и моя жена Роза родились в местечке Яруга, что на Украине, в Винницкой области, Могилев-Подольского района. В Яруге был еврейский колхоз, сельсовет. Большинство жителей работали в этом колхозе. Война 1941 года прервала мирный труд, и в каждой еврейской семье поселился страх и тревога. Наша семья – папа, мама, две сестры, я и брат решили поехать в Маленькие Черновцы, находившиеся в тридцати километрах от Яруги, думали, что там мы спасемся. Мы еще не знали, какие изверги придут. Но через несколько дней, в августе сорок первого нас оккупировали фашисты и румыны.

Когда немцы вошли в городок, первым их злодеянием было то, что они расстреляли всех, кто находился на улице. Через некоторое время пришли румыны. Мы вернулись в Яругу. В еврейских домах все было разграблено, окна и двери сняты. Как смогли, мы отремонтировали одну комнату и стали в ней жить. В местечке создали гетто, каждый его узник обязан был иметь на одежде желтую звезду. Ежедневно выгоняли на работу, при неподчинении били и издевались. Условия жизни были тяжелы – без света, топлива, едва прикрытые, одежду шили из мешковины. В пищу шли травы, цветы акаций, зимой было еще сложнее. Люди болели, мучились, желали себе смерти.

В начале сорок второго года стариков, детей выдворили в гетто “Сказинцы”. Оно находилось в лесу. Поместили в бывших скотных фермах, спали на цементном полу. Те, кто не выдерживал этих условий, умирали, и каждое утро мертвых забрасывали на повозки и увозили. Ежедневно видеть вокруг себя трупы было невыносимо тяжело, думаю, не только мне, шестнадцатилетнему подростку, но и всем остальным, находящимся в этом огороженном колючей проволокой пространстве. Жили мы в этих условиях вплоть до сорок второго года, затем немцы передали эту территорию румынам. Нас снова

вернули в гетто. Вскоре молодых людей, в том числе и меня, отправили в Тульчин на торфоразработки. Непосильно тяжкий труд по колено в холодной воде, болоте. Мы жили в неотапливаемых бараках, каждое утро выгоняли на работу, и пятнадцать часов, без минуты передышки, мы занимались заготовкой торфа, который потом, по рассказам, вывозили в Германию.

Зимой работу остановили, и в вагонах, в которых перевозили скот, под конвоем нас отправили обратно в гетто Яруга. Здесь вплоть до освобождения использовали на разных работах. Не оставались без дела и те, кто был младше меня. Маленькие девочки, подростки постоянно помогали больным, а нуждавшимся в помощи было очень много. Помогала им и моя будущая жена Роза. Так опекала она старушку Снитман, одинокую, больную, жившую рядом с их домом. Девочка, а к началу войны ей исполнилось лишь восемь лет, постоянно навещала эту еле передвигавшуюся бабушку. С ведома и позволения мамы делились любым куском, супом, из чего бы он ни был. У пожилой женщины сильно болели ноги, и однажды она размечталась: были бы теплые носки, ей было бы намного легче. Роза не умела вязать, но с помощью матери все же связала носки и принесла старушке. Та смотрела на девочку и носки, не веря глазам своим. Она была счастлива. Счастлива была и мать за свою дочь, за ее отзывчивость. Так даже в нечеловеческих условиях старались выручать друг друга.

В начале 1944 года гетто было освобождено советскими войсками.

Мне сейчас восемьдесят, жене Розе семьдесят пять. Как и я, она пережила все ужасы и мучения, выпавшие на ее долю во время пребывания в гетто.

Скорбный счёт

Эмма Дулькина (Сильвестрова)

Мой отец, Шафар Давид Израилевич, родился в г. Жидковичи, Гомельской области, в Белоруссии, в семье раввина. Учился в Минске в институте народного хозяйства на экономическом факультете.

До войны работал главным бухгалтером плодовоощторга в Минске. Он был офицером запаса, и когда началась война, его сразу призвали в армию. Моя мать, Кацман Любовь Иосифовна, родилась в 1906 году в г. Наровль, Гомельской области. До моего рождения работала секретарём-машинисткой в разных организациях, а с моим появлением занималась домом и мною.

Я родилась 28 ноября 1932 года там же, где и мама, в г. Наровль. Когда мне исполнился год, меня привезли в Минск. Жили мы по Северному переулку. С нами проживали мамина сестра Даша и слепой дядя Анцель.

Когда мне исполнилось восемь лет, я пошла учиться в первый класс двенадцатой средней школы. Успела проучиться лишь год, и тут началась война. Организованной эвакуации в городе не было. И вот мама с двумя бабушками, слепым братом, сестрой и мной пешком двинулась в сторону Могилёва. Казалось, в путь пошёл весь Минск. Помню, по обе стороны дороги лежали трупы, некоторые из них – обгоревшие.

Пройти много мы не смогли. Где-то через тридцать-сорок километров встретились с фашистским десантом. Вынуждены были вернуться в Минск. В своей квартире, по Северному переулку, прожили месяца два. Когда образовалось гетто, оказалось, что наша улица находилась на территории с русским населением. Пришлось искать приют у знакомых. Так мы остановились на улице Подзамковой. Нам уступили комнату, и мы стали жить семьёй в восемь человек. На ночь укладывались по двое-трое на одно спальное место.

Первый погром в гетто случился 7 ноября 1941 года. Ещё накануне вечером пронёсся слух о том, что в день Октябрьской революции будет облава на евреев. Ночью все взрослые

спрятались в погреб, а я с ещё одной девочкой (имени не помню) укрылись в соломе на чердаке, предварительно отбросив лестницу, по которой поднимались наверх. Пролежали до поздней ночи, пока оставшиеся в живых взрослые не сняли нас оттуда. В этой акции погибли моя бабушка Тайбе (мать отца) и брат отца с семьёй.

Второй погром состоялся 20 ноября того же года. Вооружённые немецкие солдаты и полицаи заходили в каждый дом, проверяли каждую комнату. Всех выгоняли на улицу, строили в шеренгу и затем грузили людей в подъезжавшие машины. Расстреливали в этот раз за городом, в районе, который называли “Тучинка”. На какое-то мгновение конвоир отвернулся, и люди бросились бежать. Помчались и мы с мамой. Конечно, по беглецам стреляли. К счастью, в нас не попали. Всю ночь мы прятались в разных местах. Наутро, выйдя из укрытия, встретили несколько человек, которым, раненым, удалось вылезть из-под трупов. Они рассказали, как моя бабушка (мать моей мамы), мамина сестра и её слепой брат с женой мертвыми упали в яму. В двух погромах я потеряла девять родных мне людей. Теперь мы с мамой остались вдвоём. Ещё жива была сестра отца, но она жила отдельно.

Так как на тех улицах, по которым прошли немцы и полицаи, неся с собой смерть, жить уже нельзя было, нас с мамой приютили наши бывшие соседи, с Коллекторной улицы. Наше существование было очень тяжёлым, средств выживания вообще не было. В это время сотрудница отца, полячка по национальности, Черепович Мария Карловна, рискуя жизнью, пролезала через колючую проволоку, которой было огорожено гетто, и приносила нам еду. Это было опасно, днём и ночью гетто охранялось немецкими солдатами и белорусскими полициями.

Как-то мама узнала, что за обеды узников гетто берут мыть бараки. Нас строем, под охраной, вели на работу и обратно. Мы мыли бараки. Мне в то время было девять лет.

В один из дней, точнее, 5 декабря сорок первого года, когда мы вернулись с работы, в два дома в нашем дворе ворвались полицаи. Расстреливали всех жильцов подряд.

В нашей комнате было человек двенадцать. Помню, что из пистолета стрелял только один. Среди ворвавшихся была одна женщина. Вероятно, думала, что так будет легче грабить. Мама держала меня за руку и просила, чтобы меня не трогали. В это

время в неё выстрелили, и она упала. Убийца уже целился в меня, но кто-то сказал:” Не трогай пацанку”.

Они ушли. В комнате все были мертвы. Мама была ещё одной моей потерей. Я была в шоковом состоянии, ничего не соображала и бросилась на чердак. Утром пришла папина сестра и забрала меня. В этом погроме, устроенном в двух домах, погибло около пятидесяти человек (точное число не помню).

Третий погром состоялся в марте 1942 года. В это время я жила с сестрой отца, напротив Юбилейного рынка. Расстреливали прямо на его территории. Я опять пряталась, и опять до меня не добрались. Сестра отца Мера жила в гетто до сорок третьего года. О её гибели я ничего не знаю, так как к тому времени была уже в другом месте.

Когда Мария Карловна узнала, что я осталась без мамы, она решила забрать меня к себе. Рискуя жизнью, пробралась в гетто. Выбираться за его пределы было практически невозможно: вокруг ограждения из колючей проволоки, всё охранялось немецкими солдатами и полицией. В любую секунду мог прогреметь выстрел. Однако и на этот раз свершилось чудо – мы проскочили.

Жила я в семье Череповичей месяцев пять-шесть. Когда за их домом началась слежка (сын Марии Карловны – Чеслав – был одним из организаторов комсомольского подполья), а соседи начали смотреть на меня подозрительно, решили отдать меня в детский дом под фамилией нашего соседа Сильвестрова. Но решить отдать – это ещё не значило, что можно сразу попасть туда. Сначала меня направили в детский приёмник-распределитель. Там прошла через комиссию по выявлению еврейских детей. Двоих отправили обратно в гетто. Меня, возможно, спасло то, что я чисто говорила по-русски. И только потом я попала в детский дом №4. Питание было нищенским. В день давали ломтик хлеба. Чтобы продлить удовольствие, мы разламывали этот скудный кусочек на более мелкие, клали в карман, а потом пытались растянуть, как можно на дольше. Если кому-нибудь попадалась косточка от мяса, что было крайне редко, её прятали на ночь под подушку, а днём обсасывали, притупляя чувство голода.

Я была хилым ребёнком, и меня отправили в детский дом №7, заведовала которым Вера Леонардовна Спарнинг.

Распределением детей по детским домам занимался Василий Семёнович Орлов. Педагог по образованию, он работал в отделе

просвещения городской управы. Это он через немецкую управу направлял еврейских детей к Вере Леонардовне, чтобы спасти их. Это его заслуга в том, что в этом доме оказалось более двадцати еврейских детей.

Мы, конечно, ничего не знали о его работе. Гораздо позже Вера Леонардовна рассказала мне о той стороне его работы, о которой мы и не догадывались.

Новый детский дом находился в переулке Красивый. Условия жизни в нём были гораздо лучше, чем в других таких же детских учреждениях. Наш директор привлекала к шефству проповедников евангелистской церкви, и это была хорошая защита.

О том, что среди воспитанников было много еврейских детей, знали и сотрудники, и подопечные, но Вера Леонардовна сумела создать такую обстановку, что никто ни разу не проговорился. Это по её распоряжению на входных дверях почти всегда висел плакат, предупреждающий, что у нас сыпной тиф. Фашисты боялись этой болезни хуже огня и не переступали порог нашего заведения.

Спустя много лет этой женщине, педагогу и воспитателю, сохранившей столько еврейских детей, в Израиле будет присвоено почётное звание Праведник Мира.

Пока же шла война. Мой отец, воевавший на Ленинградском и Прибалтийском фронтах, когда освободили Минск, написал письмо на наш довоенный адрес. Когда, благодаря добрым людям, письмо нашло меня, я сразу же ответила ему, подробно описав всё, что произошло со мной, со всей нашей большой семьёй. Вскоре, взяв короткий отпуск, отец приехал за мной, отвёз к маминым родственникам, тёте Мере и дяде Андрею, и опять отправился на фронт.

Война продолжалась...

“Чудо в том, что я выжила”

Евгения Заславер (Скляр)

Место моего рождения – село Красноселка, Джулинского района, Винницкой области. Наша семья состояла из пяти человек: отец – Скляр Шимко Гершкович, 1902 года рождения, мать – Скляр Софья Борисовна, 1910 года, сестра Бузя, к началу войны ей было двенадцать лет, брат Семен, которому к тому времени исполнилось немногим больше трех лет, и последний член семьи – это я, ко дню объявления войны я прожила всего одиннадцать дней.

Так как я была очень маленькой и не могла помнить о тех событиях, то пишу со слов мамы, отца, сестры.

Когда немцы захватили Украину, в городах и селах начались массовые расстрелы евреев.

В октябре сорок первого всех евреев села, в том числе и нашу семью, угнали в Бершадь, в гетто. Мы жили в холодных сараях. Мама ежедневно выходила на работу и находилась там с раннего утра и до позднего вечера. Меня брать не разрешалось, и я оставалась дома. Сестра делала мякиш из хлеба, если он был, заворачивала в тряпицу и давала мне сосать. Когда ее заставляли подметать улицы, она привязывала меня к себе и выходила на работу.

Дети и взрослые голодали, болели, умирали. Мертвых не всегда уносили, и видеть их, проходить мимо них было страшно. Если кто-то осмеливался не выполнить приказ, убивали у всех на глазах. Наша мама, как и другие узники гетто, тайком ночью уходила просить у сельчан еду. Кто мог помочь продуктами, помогал. Благодаря этим людям мы выжили. Но не дай Б-г, если кого-то поймут, расстреливали тут же. Все узники были похожи на скелеты: голодные, больные, раздетые.

В марте сорок четвертого нас освободили. Мы вернулись на прежнее место жительства, в село Красноселка, но нашего дома не оказалось, в него попала бомба, и мы застали одни развалины.

Огромная благодарность всем, кто помогал нам, когда мы были в гетто и после окончания войны.

Делились последним куском

Рива Зеликман (Зафрин)

Родом я из маленького еврейского местечка Лучинец, Винницкой области.

К началу войны я была совсем маленькой – мне было чуть больше четырёх лет, но некоторые эпизоды того времени запомнила, и в памяти моей они сохранились на всю оставшуюся жизнь.

В первые дни войны мой папа – Волько Зафрин, ушёл на фронт, а мама – Перл Зафрин, осталась с нами, тремя детьми: сестра Лиза, я и маленький братик Юлиус, младенец.

Жили мы на оккупированной территории, познали голод, нищету, побои.

С приходом немцев сразу было организовано еврейское гетто. Наше местечко обнесли колючей проволокой. Так называемая префектура находилась в бывшем клубе. Каждую пятницу под конвоем с повязками на рукаве с изображением желтой звезды нас гнали туда, как скот, с криками: "На опель! Все на опель!" – "На проверку! Все на проверку!"

Полицаи с дубинками в руках погоняли и били, в основном, по голове. У меня тоже осталась шишка на голове, которая болит по сегодняшний день.

В один из таких походов во время переключки стали вызывать моего братика, бывшего у мамы на руках. Полицаи думали, что это взрослый человек, но поняв, что ошиблись, стали бить маму. Пытаясь защититься, она уронила Юлиуса на землю, и его чуть не затоптала сзади идущая толпа.

Ещё помню, как, по указке полицаев, вывели из домов наших соседей – Штрикмана и Воскобойникова и на наших глазах расстреляли.

Издавательствам и бесчинствам на протяжении войны не было конца. Ночами устраивали облавы.

В наше местечко было депортировано много еврейских семей из Молдавии и Румынии. У нас, в нашем доме, тоже жили две семьи, и хотя сами мы голодали, но делились с ними последним куском.

Со временем начались эпидемии: стали болеть тифом, чесоткой. Наша семья от голода опухла, ноги и руки покрылись гнойниками.

Вот так мы и жили в то время, если только это можно назвать жизнью.

Отец мой погиб на фронте 9 сентября 1944 года. В марте этого же года нас освободили от проклятого ига. Радости не было конца. Но это была радость со слезами на глазах, ибо не было ни одной семьи, которая бы не потеряла отца, брата, родственников.

Враги были беспощадны

Борис Зельтер

Летом 1941 года немецкие войска вступили в наш город Рыбница, что в Молдавии. Накануне мы успели уйти из него. Отец был настолько близоруким, что в армию его не призвали. Мне в ту пору было семь лет, а сестрёнке – три года.

Путь был нелегким. Где пешком, где на подводах, с большим трудом добрались до г. Балты, Одесской области, где проживал мамин брат. Немцев там ещё не было. Судя по каким-то доходившим до нас отрывочным сведениям, если бы мы остались в Рыбнице, то судьба наша сложилась бы иначе, и трудно сказать, остались ли бы мы живы, потому что большинство, кто там остался, погибли.⁹

Немцы были беспощадны. Многих евреев утопили в Днестре. Других расстреляли и бросили в яму в районе лесопосадки за железной дорогой (после войны эти невинные жертвы были перезахоронены).

Спустя месяц после нашего прибытия, в Балту пришли немцы. Взрослые рассказывают, что сразу же фашисты издали приказ о создании еврейского гетто. Трудоспособное население обязано было работать. Отца и дядю забрали на строительство аэродрома. Они копали землю, разгружали песок, камни. Не отдыхали ни минуты. Отец тогда еле остался в живых.

В поисках евреев немцы устраивали облавы. Украинские совестливые соседи спрятали дядю с семьёй. Нас же смогли оставить только на одну ночь. В пять часов поутру нам пришлось отправиться пешком обратно в г. Рыбница. Уже наступила зима. Днём шли лесом, ночью пускали на ночлег добрые люди. Так мы брели от деревни к деревне, и с большими трудностями недели через три оказались в родном городе, где после немцев хозяйничали румыны.

Вся улица, на которой находился и наш большой двухэтажный дом, была снесена. Мы остались без крова, у нас не

⁹ В 1941-1942 годах немецкими и румынскими оккупантами было зверски замучено оставшееся еврейское население Рыбницы. Около 3 тысяч человек умерло от тифа в еврейском гетто. *Википедия. Рыбница.*

было ничего. Мы много голодали. Чтобы как-то прокормиться, собирали по огородам случайно оставшуюся кормовую свёклу. Страдания и болезни преследовали постоянно. Румыны разрушили еврейское кладбище, а мрамор использовали для того, чтобы поставить в Рыбнице памятник Антонеску¹⁰. Строили его узники гетто. Установили на той улице, где снесли дома. На месте нашего, по указанию румын, был разбит сквер.

Нам некуда было деться. Отец еле упросил местного аптекаря пустить в свой дом. Вчетвером мы ютились в маленькой комнатухе.

Перед отступлением оккупанты особенно свирепствовали. Остаться в городе было опасно. Население гетто сумело уйти на окраину города, и в течение нескольких дней пряталось в большом сарае, без пищи, без воды.

Весной сорок четвёртого года наш город был освобождён, нацистские убийцы были разгромлены.

¹⁰ Йон Антонеску – генерал, военный диктатор Румынии в 1940-1944 годах. Подписал протокол о присоединении Румынии к державам “оси” и вверг её в войну против СССР на стороне нацистской Германии. *По материалам советской военной энциклопедии.*

Мама навсегда осталась инвалидом

Бетя Злотникова (Эпштейн)

Родилась я в городе Винница, что на Украине.

В 1941 году отец ушел на фронт. Мне в то время было всего десять месяцев, мама осталась одна со мной и моей старшей сестрой Ривой, которой исполнилось четыре года. Я, конечно, в силу своего возраста, ничего не помню, но мамины рассказы о том, как жили и как спасались, в памяти остались навсегда.

Когда пришли немцы, страх поселился в каждом еврейском доме. Вскоре в городе появились объявления: «Всем евреям явиться на стадион». Всех, кто там собрался, повели в Пятничанский лес и расстреляли.

Мама не выполнила приказа и не пошла на место сбора, предчувствуя, что добром это не кончится. Нас спрятала соседка. Но долго держать она не могла – боялась немцев. Она дала маме большой клетчатый платок и буханку хлеба в дорогу, и мы пошли.

Стоял декабрь, и было очень холодно. Мама несла меня на руках, а Рива держалась за ее юбку. По дорогам встречались немцы, и при каждой такой встрече все цепенели. У мамы было ярковыраженное еврейское лицо, и чтобы ее не узнали, она плотно закрыла его шалью, оставив одни глаза. Дошли до Буга. Боясь встречи с кем бы то ни было, замерзшую реку перешли на рассвете. Мне было в то время менее полутора лет, но, по словам мамы, и я чувствовала, что нельзя ни плакать, ни говорить. Дети в ту пору рано становились взрослыми.

В дома нас пускали редко, иногда давали что-нибудь поесть. Так мы дошли до Жмеринки, а потом прошагали еще девять километров до села Станиславчик, где жили мамины родители, ее брат и сестра. Шли к родным, а попали в гетто.

Немцы свезли всех евреев округи в коровники за Станиславчиком. Назвали гетто «Затишье». Наверное, оно соответствовало тому, что там было, но в нем был другой смысл. Голод, страх, когда в каждую минуту с любым могли

расправиться по фашистским законам, заставляли молчать, и это было одним из законов самосохранения. Чтобы спасти и хоть как-то прокормить детей, мама не роптала, а бралась за любую работу: убирала, чистила конюшни, свинарники, и все это делала в любую погоду. А вокруг умирали от голода, холода и болезней.

И все же пришел конец нашим мучениям. 18 марта 1944 года нас освободили. Мы выжили, но мама уже навсегда осталась инвалидом.

В сорок шестом пришло извещение о том, что мой отец, Эпштейн Абрам Абович пропал без вести в сентябре 1941 года.

Вот что такое для меня и для моей старшей сестры Ривы, которая стала впоследствии председателем объединения бывших узников концлагерей и гетто в г. Кармиэль, прошедшая война.

Я родила двух сыновей, сейчас у меня трое внуков. Мое желание – чтобы они никогда не испытали тех ужасов, но знали о них только по нашим рассказам.

Надеялись увидеть живыми

Дора Зецер

Когда началась война, мы жили в посёлке Брацлав, Немировского района, Винницкой области. Мне было тогда одиннадцать лет.

В августе всех евреев согнали в одно место, и эту территорию оградил колючей проволокой, за пределы которой никто не имел право выйти.

Помню, у всех евреев на правой руке были повязки в шестиконечными звёздами. Жить в этом ограждении было жутко. Особенно страшно оказалось на Октябрьские праздники, когда в стране должны были отмечать очередную годовщину революции. Немцы стреляли, убивали, везде валялись трупы¹¹. 31 декабря сорок первого года нас выгнали на улицу и повели в сторону Печёр. По дороге тех, кто не мог идти, убивали. Уничтожали и тех, кто отставал. Нас вели и подгоняли вооружённые немецкие солдаты и полицаи. Ночь застала в дороге. Спали прямо на земле. Утром, из-за лютого холода, многие так и не проснулись. Для них земной путь завершился с наступлением нового года.

Только вечером нас привели в здание бывшего санатория. Там уже находились узники, прибывшие до нас. Теснота была такая, что даже бочком невозможно было протиснуться.

Моя семья была в полном составе: я, мой шестилетний братик Хоскале, трёхлетняя Белочка, мама с грудным ребёнком, отец и тринадцатилетняя сестра Сарра.

В этом логове смерти многие умирали от душевных терзаний, голода и холода¹². В их число попала и моя мама.

¹¹ Как сообщается в справочнике лагерей, тюрем и гетто на оккупированной территории Украины (Государственный комитет архивов Украины), в Брацлаве в немецких лагерях, находившихся в помещениях МТС и школы в 1941 году умерли все узники-евреи.

¹² Печёры – гетто, концлагерь. В еврейский концлагерь смерти, прозванный самими узниками “Мёртвая петля”, были согнаны почти 40 тысяч евреев из местечек Винницкой области – Брацлава, Могилёв-Подольского, Тростяница, Ладыжина, Тульчина и других. Кроме того, сюда же попала часть евреев, депортированных из Бессарабии, Буковины, Румынии. Контролировался лагерь румынскими полицейскими. В отличие от немцев, которые входили в

Её сердце не выдержало, мучения детей не давали ей покоя. Она умерла, а грудной ребёнок ещё три дня сосал пустую грудь мёртвой матери. Потом и сам умер. Это были первые жертвы нашей семьи.

Несмотря на то, что немцы и полицаи днём и ночью охраняли гетто со всей строгостью, моей сестре Сарре и её подругам удалось выбраться из ограждения. Девочки хотели принести нам хоть что-нибудь съестное. Они не вернулись. Крестьяне, приходившие к гетто менять еду на вещи, драгоценности, рассказали, что сестру и её подруг расстрелял полицай. Она была третьей, кого мы потеряли. Семья опять уменьшилась, но оставались мой отец, Хоскале, Белочка и я.

Немцы начали отбирать относительно здоровых и молодых на работу в с. Заруденцы. Взяли и меня с отцом. Приехали машины, в одну из них бросили отца, в другую – меня. Никогда не забуду, как мой шестилетний братик Хоскале плакал и кричал:” На кого меня ты оставляешь?” Я только увидела, как немец прикладом автомата стукнул его по голове. Всё. Нас отправили.

Там, в Заруденцах, мы оказались с отцом вместе. Не угасала надежда, что мы вернёмся в гетто и увидим Хоскале и Белочку живыми.

Мы строили дорогу. Теперь не помню точно, сколько это продолжалось. Но вдруг прошёл слух, что нас всех уничтожат. Ночью мы с отцом решили бежать. Нам повезло, хотя многим другим – нет. После многочисленных приключений мы вернулись в Печёру, где оставались Хоскале и Белочка. Но, к нашей скорби и беде, в живых их уже не было. С папой мы остались только вдвоём. После этого отец практически ослеп.

Фронт освобождения приближался. Фашисты, полицаи зверствовали. Все считали, что нас убьют. Последние дни были особенно страшными. Но наступило 17 марта сорок четвёртого года. Пришли советские солдаты и нас освободили.

Мне уже семьдесят восемь лет. Трудно вспоминать то время и что оно принесло нам. Я знаю, эта рана заживёт только с моей смертью.

лагерь с целью расстрела людей, румыны действовали более “благородно” - морили людей голодом, холодом, болезнями. К моменту прихода советских войск живых в лагере осталось не более 300-400 человек. *Александр Вишневецкий. Шесть веков еврейского Брацлава. Приложение “Еврейский камертон” газеты “Новости недели” (Израиль) от 22 марта 2007 года.*

Непроходящая боль

Ольга Ицилева

О своем пребывании в гетто я не помню, так как мне было тогда всего два года. Но когда стала подрастать, я многое не могла понять. Почему бабушка вдруг начинает рыдать и даже биться головой об стену? Тогда я решила, что ее обижают дочери – моя мама и тетя. Когда раздавалась песня "Раскинулось море широко", в которой были слова: "... напрасно старушка ждет сына домой...", я говорила: "Не пойте эту песню, а то бабушка будет плакать". Таких случаев, вопросов, на которые в то время я не могла ответить, было немало.

А все начиналось так...

В июне 1941 года мама вместе со мной (а мне было полтора года) поехала из Ленинграда в Усвяты (в то время Смоленской, а сейчас Псковской области) на лето к своим родителям. Мой отец работал на заводе "Большевик" и ехать с нами не мог. Но он нас провожал, даже и не предполагая, что разлука окажется долгой.

Мы приехали в Усвяты, а вскоре началась война. Когда в наше местечко пришли немцы, точно и не знаю. Вроде бы в июле 1941 года. Сначала, рассказывали, были "хорошие" немцы. Они говорили, что не хотели воевать, но ничего не могли поделать. Один немец иногда даже давал мне шоколад. А однажды он показал мне портрет Гитлера и спросил, кто это. Я ответила: "Ворошилов". Он тут же обратился к маме: "Зай форзихтиг" ("будь осторожна"). Через много лет я задумалась, как я могла знать имя Ворошилова в таком возрасте? Однажды я поняла. У моей мамы был брат. К началу войны ему исполнилось шестнадцать. Рассказывали, у него над кроватью висели портреты пяти маршалов. К тому времени, о котором говорю, осталось два – Буденного и Ворошилова (остальных, как "врагов народа" расстреляли, и потому портреты не должны были оставаться). Видимо, от дяди я и запомнила фамилию Ворошилов.

К осени пришли эсэсовцы, карательные отряды. Всем евреям было приказано выйти на площадь. Все пошли, не думая, чем это обернется. Тут же всех шестнадцатилетних и старше расстреляли.

Не было ни одной еврейской семьи, которая бы не пострадала. Мой дядя, мамин брат, был тоже в числе убитых. Дедушка с бабушкой чуть не лишились рассудка, и дедушка после этого сразу ослеп.

Сделав свое черное дело, эсэсовцы загнали всех евреев в гетто. Жили в тревоге и страхе, голоде и холоде. К счастью, фашистам не удалось долго измываться над нами. Примерно месяцев через пять-шесть в Усвятъе пришла Красная армия, и немцев выгнали. Но жестокие бои в местечке продолжались еще долго. Местные жители ушли в окрестные деревни. Мы – тоже. Через какое-то время мы начали добираться до железной дороги и отправились в эвакуацию, где прожили до 1944 года.

Когда вернулись в Усвятъе, обнаружили, что местные жители унесли из еврейских домов все, остались одни стены.

Хотя я была слишком мала и не помню жизнь в гетто, но мысль о нем и об утратах никогда не оставляет меня в покое. Моя двоюродная сестра родилась уже после войны, но однажды она поделилась со мной, что, когда слушает воспоминания наших мам, чувствует, будто сама все перенесла. Это наша непроходящая боль.

Остались на погибель

Владимир Каплин

Ко времени, когда началась война 1941 года, мне было двенадцать лет. 16 октября наш город Таганрог, Ростовской области, где я родился и жил с родителями и братом, был оккупирован немцами. Двадцать два месяца они находились там.

Мы не смогли эвакуироваться из-за тяжёлой болезни отца. С диагнозом гнойный аппендицит его увезли в больницу. Когда он уже лежал на операционном столе, объявили воздушную тревогу. Отключили свет, всё остановилось. На следующий день его выписали, но что удивительно, приступы болезни прекратились. Позже врачи говорили, что в экстремальных ситуациях может произойти самовыздоровление. А война была экстремальной ситуацией.

Перед приходом немцев всё исчезло. Первые захватчики были фронтовиками. Поначалу по отношению к местному населению они вели себя даже очень доброжелательно. Иногда тех, кто обижал евреев, сажали на шесть суток на гауптвахту.

Вскоре начался голод. Недалеко от нас была фронтовая пекарня, охранял которую один немец-солдат. После окончания рабочего дня окна в ней оставались открытыми, чтобы перед отправкой на фронт хлеб быстрее остыл. Когда охранник уходил за угол, мы с мальчишками пользовались этим, через окно хватали хлеб, булки и убегали. В очередной раз, когда я опять перегнулся через проём окна, почувствовал, как меня ударили прикладом по кобчику. Потеряв сознание, я продолжал висеть на подоконнике. После ребята, стоявшие через дорогу и смеявшиеся надо мной за то, что попался, рассказали, что немец схватил меня за одежду, как собачонку, снял с подоконника и бросил на траву. Мог и застрелить, но пока до этого не доходило.

С приходом эсесовцев, подразделений СД, СА ситуация в городе резко изменилась. Начался арест коммунистов и евреев, частым явлением стали расстрелы. Вот кого мы боялись. В городе стало столько немцев, что шагу ступить невозможно было, чтобы не встретить их.

Мой папа был заведующим городского отдела народного образования. Благодаря его авторитету мы и остались жить. Как-

то учительница немецкого языка, помню, её звали Марта, сказала отцу, чтобы он немедленно уходил из города. Позже Марта была переводчицей у какого-то большого начальника – немца. Зная всех учителей не только в городе, но и в районах, папа связался со своими друзьями и попросил укрытия для семьи. Вначале мы жили у одного учителя сельской школы, что была в тридцати километрах от Таганрога, но так как он боялся за свою жизнь и не скрывал этого, то вскоре нам пришлось уйти оттуда. Всех наших родственников, что остались в городе, расстреляли в Петрушанской Балке смерти, что была за городом. Расстреляли большинство еврейского населения.

Мы перебрались в другую деревню, она находилась в глубинке, и немцев в ней было не так много. Скрывались в доме с высоким забором. По соседству жили фашисты. Когда они уходили, мы пытались помочь хозяевам в огороде, в надежде, что потом нас покормят. Иногда с хозяйскими детьми и братом Женей ходили на речку ловить рыбу.

30 августа 1943 года нас освободили советские войска. Когда дождались своих, отца сразу забрали на фронт.

Следы на песке

Полина Каушанская (Перл Кантор)

Есть такая притча.

Человек видит сон. Вся его земная дорога, вся его судьба предстаёт в этом сне как путь, пролегающий вдоль бурного моря – две цепочки следов. Следы человека и следы Бога... И видит спящий: в самые крошечные, в самые горькие времена одна цепочка следов пропадает. И спрашивает человек у Бога: "Господи, когда мне было так страшно, так одиноко, почему Ты оставил меня?" – "Нет," – отвечает Бог, – "В эти минуты я нёс тебя на руках..."¹³

Притча эта имеет к моей жизни непосредственное отношение.

...Было когда-то в Винницкой области Украины еврейское местечко Любар. Я говорю "было", потому что на карте Житомирской области можно найти райцентр Любар, но это уже совсем не тот. Ничего от него не осталось. Он изменился не только внешне. Он другой по своему духу. До 13 сентября 1941 года он дышал еврейством. Даже немногие русские и украинцы, проживавшие в нём, говорили на идиш. А 13 сентября всё кончилось. Тот Любар расстрелян фашистами и похоронен в общей могиле, где остались навечно лежать три тысячи любарчан, и среди них более шестидесяти моих родственников.

Эвакуироваться не удалось. Пришлось вернуться. Там, куда мы шли, были уже немцы. И мы вернулись в Любар. Мы – это папа с мамой, я – девочка, только закончившая среднюю еврейскую школу, и младшая сестрёнка Минэлэ.

13 сентября в Любаре началось столпотворение. Шум, стрельба. Стало ясно: это начало акции. Мама вытолкнула меня через окно на задворки и велела спрятаться на Стрижёвке, куда вела дорога от нашего дома, и ждать. И я ждала, спрятавшись в высокой и густой кукурузе. Ждала до рассвета. А утром вернулась. На улицах следы погрома: валяются чьи-то пожитки, разбитая мебель, рваные подушки и перья, как снег, рассыпанные тут и там.

¹³ Вольный пересказ: "Исайя"-46: 3-4 (Л.К.)

Дома двери настежь. В квартире та же картина, что и на улице - полный разгром. Подняла с пола рассыпанные фото, зеркало, завернула в тряпку и спрятала в ящик шкафа.

Вдруг голоса. Полицай. Куда деваться? Забралась на чердак и спряталась за печную трубу. Один полицай заглянул на чердак. Меня не увидел. Они ушли. А я надела деревенский жакет, перебросила через плечо вязанку лука, что сушился на чердаке, завязала платок так, что видны были только глаза, вышла из дома и пошла.

Белесая, со светлыми глазами, я не была похожа на еврейку. А так, повязанная, да ещё с луком через плечо, и вовсе походила на деревенскую украинскую девчущку. И меня не задерживали. Я шла и шла, сама не зная куда. И пришла в Салхов, что в семи километрах от Любар. Туда же пришёл из Любар Муся Кучер. Он был старше меня года на два-три. Муся рассказал, что вместе с моим отцом он был в “детском городке”, куда согнали всех мужчин, оставшихся после погрома. Папа помог ему бежать оттуда и наказал найти меня, всё рассказать. Ночевать Муся пошёл на элеватор, а я – поискать что-нибудь поесть. Вернулась, а его нет. Узнала, что Мусю нашёл полицай и расстрелял.

...Снова пошла. Мне предстояло пройти не один круг ада. Из одного гетто в другое, из гетто - в концлагерь, где в ледяной воде мы таскали на носилках камни. Там строился аэродром.

Салхов, Уланов, Хмельник, Литин, Жмеринка, Могилёв-Подольский...Постоянное, незатихающее ни на одну минуту чувство голода, вши, опухшие ноги, вся кожа в фурункулах и какой-то коросте, нарывы на ушах, которые мне удалось вылечить только через много лет, когда я была уже замужем.

Как только появлялись слухи о том, что готовится акция, я искала и находила возможность бежать оттуда. Куда? Нет, не к украинцам, а снова к евреям, в другое гетто. Только один раз я ночевала в крестьянской избе. Ночью хозяйка услышала, что во сне я говорю на идиш, и выгнала меня, заодно забрав мой жакет.

Только в гетто, среди евреев я могла как-то жить. Голод, постоянный страх, непосильный труд. А сколько раз мне везло! Каких замечательных людей я встречала в аду. В Салхове я жила у Ребецн Мунци. Она заботилась обо мне, как о собственной дочери. Однажды, убегая из дома во время акции, мы попали в какой-то огород. Мунци затолкнула меня в маленький курятник, потом – дочку и только затем сама едва втиснулась. Благодаря

этому мы остались живы... “Это потому, что я тебя первой в курятник впустила. Бог помог нам”, – потом говорила она.

И ещё один пример того, как меня спасали евреи.

Четвёртое “моё” гетто, куда я еле-еле добралась, было в Жмеринке (Транснистрия). Там меня ждала ещё одна опасность. Местная община по приказу немцев обязана была выдавать им всех евреев, кто придёт к ним после погромов из других гетто¹⁴. Дальше идти я не могла: опухшие, разбитые до мяса ноги, полное истощение...Руководитель местной общины Юкелис определил меня в семью Каушанских, у которых дочь, моя ровесница успела эвакуироваться. Они меня выдали за свою дочь. Так я , Пэрл Кантор, стала Полиной Каушанской.

По-разному удавалось мне убежать из гетто. Как-то приснилось: тропинка, которая упирается в забор, а в заборе одна оторванная доска. Потом – дорога, овраг, из которого можно выбраться по ступенькам, кем-то заботливо сделанным. Всё так и оказалось, как в этом сне.

А из лагеря в Корделевке, Калиновского района, я бежала через отхожее место, которое стояло вплотную у забора.

Можно ли винить волка за то, что он убил овцу? Он сделал это, чтобы прокормить себя и своих волчат. Фашисты и их пособники хуже этого волка. Они убивали нас просто потому, что мы евреи.

Что сделал им мой белобородый дедушка Шалом, всегда озабоченный тем, чтобы помочь людям? Дедушка Шалом , любарский шойхат, к которому все шли за советом? Мой умный, скромный, немногословный, гордый дедушка, призвавший земляков, согнанных для расстрела, не стенать, а показать убийцам, что мы не склоним перед ними голову... Сам он не дал

¹⁴ В каждом гетто немецкие власти назначали юденрат (еврейский совет), в большинстве случаев состоявший из лиц, игравших в прошлом некоторую роль в жизни общины. Главе юденрата предоставляли некоторые полномочия внутри гетто, но использовали его главным образом в качестве исполнителя своих предписаний. Основной задачей руководства гетто было осуществление контактов с властями. Юденраты были нужны оккупационным властям для регистрации еврейского населения, обеспечения сбора контрибуций, организации трудовой повинности, обеспечения снабжения и медицинского обслуживания узников. Члены юденрата становились заложниками при проведении конфискационных или карательных операций. По материалам электронной еврейской энциклопедии. История еврейского народа (Ассоциация по изучению еврейских общин в диаспоре).

себя расстрелять. По дороге на расстрел он бросился с моста в реку со словами :”Прости...”

Что сделали им мои родители Блюмке и Шлойме, моя сестрёнка Мина? Мы жили скромно, окружённые уважением и любовью всех любарчан. Ведь мама была ведущая актриса местного любительского театра, настолько талантливая, что её приглашали к себе заезжие еврейские профессиональные труппы.

А что сделала им мамина сестра Рохл, которая сошла с ума, когда немец вырвал у неё из рук трёхлетнюю дочь и разбил об столб её головку?

Тот же вопрос я могла бы задать по поводу каждого из более чем шестидесяти своих родных, закопанных в ров на окраине Любара. Обвиняю не я одна. Обвиняют шесть миллионов евреев, загубленных фашистскими зверями.

А почему я осталась жива? Этот вопрос настойчиво задавал офицер НКВД, направив мне в лицо слепящий свет настольной лампы. Что я могла ему ответить? Я и сама себе всё время задавала этот вопрос. Теперь-то я знаю, почему. Потому, что во все годы оккупации, в самых страшных и безнадёжных ситуациях, пережитых мною в пяти гетто и концлагере, Б-г нёс меня на руках.

Как за зверем на охоте

Эстер Киперман (Видер)

Место моего рождения – город Сегет Марамуреш. Он находится в Румынии. Вскоре после моего появления на свет наша семья переехала в Черновицы, где мы и прожили четырнадцать лет до начала войны.

С приходом немцев жизнь резко изменилась. В городе стало очень тревожно и опасно. В один из дней папа пошел помолиться в синагогу. Мама умоляла остаться дома, но папу ничто не могло остановить. До синагоги он не успел дойти. На улицах орудовали немцы. Они бежали за каждым евреем и каждого убивали в упор. В этот день было расстреляно девятьсот евреев, за каждым гнались, как за зверем на охоте.

Вслед за этим, в октябре сорок первого года, всех евреев города выгнали в Мер-Кулеште. Молодые шли пешком, стариков и женщин с детьми, говорили, отправят на подводах. Среди последних была и моя мама, и с этого времени мы потеряли ее след и долго ничего не знали о ее судьбе.

Нас привели в Косоуцкий лес, где, видимо, заранее были вырыты длинные и глубокие ямы. Здесь уже расправлялись с людьми. На наших глазах у матерей вырывали младенцев и расстреливали.

Нас не убили. Под проливным дождем заставили стоять и смотреть. Наутро погнали в Ямполь, поместили в гетто. Про судьбу родных, отправленных будто бы на подводах, никто ничего не рассказывал. Мы уже решили, что все они погибли. Но с мамой мы все-таки встретились. Было это уже за год до окончания войны, в Ободовском гетто. Пока же в Ямполье мы только переночевали. Через несколько дней нас повели в село Цибулилки. Там нас, тысяча четыреста человек, загнали в помещение бывшей свинарни. Без окон, без отопления. А зима сорок первого - сорок второго была суровая. Вскоре начал свирепствовать тиф. Заболел и мой старший брат Мартин Видер и я. Сестра Гизела, как могла, ухаживала за нами. Через несколько дней и она заболела, а вскоре умерла. Две недели ее труп лежал рядом с нами. С одной стороны не давали, с другой – мы не могли похоронить ее, так как подняться, может быть, уже и

смогли бы, но у меня были отморожены ноги. Каждый день голод, холод. Тиф уносил людей. Из тысячи четырёхсот нас уже осталось двести человек. Вскоре нам сообщили, что это гетто закрывается. Мой путь лежал в Ободовское гетто, где и пробыла до 14 марта сорок четвертого года – дня освобождения Ободовки от фашистов.

Я чудом выжила, на всю жизнь оставшись больной.

Скитания по войне

Вера Кирилина (Калмыкова)

Война вошла в нашу жизнь, когда мне было шесть с половиной лет. Мы жили в Мариуполе, Донецкой области, на улице Артёма, во дворе, где располагалась городская телефонная станция. Отца, Калмыкова Ивана Николаевича, грека по национальности, сразу призвали в армию.

В своих письмах он наказывал уезжать в Среднюю Азию, а если не сумеем, пробираться в сёла, где проживали три его сестры.

Нам не посчастливилось эвакуироваться. Мариуполь был город металлургов, и в первую очередь отправляли всё и всех, что было связано с основной работой заводов.

Жизнь сразу перевернулась. Я видела, как три дня босиком бежали красноармейцы, перекинув через плечо связанные шнурками и обмотками ботинки.

8 октября 1941 года фашисты вошли в город. Сразу весь наш двор заполнили мотоциклы, машины. Мамы не было дома, она всё ещё стояла в военкомате за разрешением эвакуироваться. Появились немцы, полицаи, русские, сопровождавшие их. Нашу квартиру занял немецкий офицер. Мы с братом Гришей крутились тут же во дворе. Заметив нас, сосед-грек Михаил Егупов стал прогонять, а вернувшейся маме сказал, чтобы немедленно уходила, добавив, что евреям будет плохо. Впоследствии дядя Миша и организовал наш побег, но вначале, не заходя в свою квартиру, так как там уже находились немцы, мы бежали в другой район, к маминым родителям, жившим в районе Слободка, что ближе в Азовскому морю.

Дальнейшие несколько дней жизни евреев проходили, как везде на оккупированной территории – приказы, жёлтые звёзды, непонятное слово “гетто” витали в воздухе, паника, расстрелы. А ещё через какое-то время новые хозяева города объявили, что на следующий день к десяти часам все евреи должны явиться на построение для их отправки в гетто, имея при себе тёплые вещи, драгоценности, питание на три дня.

Тринадцатилетний брат Гриша тайком пробирался в наш дом и встречался с дядей Мишей Егуповым, а тот постоянно говорил, что нам надо уходить в сёла. Наш дедушка знал об этом, не

разрешал отрываться от семьи. Первое, по его мнению, все должны быть вместе, второе, говорил он, вы же сами слышали, что немцы обещали, что всё будет в порядке, есть кухня, где будут готовить еду, детей не обидят¹⁵. Словом, дедушка поверил этим обещаниям и хотел, чтобы и мы их приняли.

Мы пошли вместе со всеми. Когда брат увидел, что нас загнали за забор, он сказал, что если мама не пойдёт вместе с ним, он уйдёт сам. Мама приняла сторону сына и у охранников стала отпрашиваться домой, ссылаясь на то, что забыла там вещи и драгоценности. Её выпустили. Брат и я незаметно вылезли через решётки забора.

Пришли к Михаилу Егупову. Он окончательно убедил маму не возвращаться в гетто. Началась быстрая подготовка к побегу. Гриша и дядя Миша искали тушь и спорили, как слово “еврейка” исправить на “русская”. Помню, что было мало туши и не получалась “клякса”. Наконец, мама закутала меня в тёплую одежду, взяла несколько отрезов материи, обрядилась под сельскую женщину, и мы двинулись по направлению к с. Чердакли в сопровождении гостившего у Егупова племянника, проживавшего в этом селе. На городском контрольно-пропускном пункте он сказал, что идёт с тётей и своими двоюродными сестрой и братом. Вот где я впервые узнала, что такое страх, ужас, замирение души.

Паспорт прошёл первую проверку. Нас пропустили. Вот и село Чердакли. Отрезы материалов, прихваченные мамой, поменяли на хлебные пышки. Оставаться невозможно было, люди боялись за свои жизни. Было ещё темно, когда нас разбудили и предложили уйти. Куда идти, не знали. Ночевали в стогах сена. Мыши, крысы на ночлеге, страх встретить в пути немцев, по этой же причине невозможность заходить в сёла – всё это вызывало ужас, который помню до сих пор. Почти не прекращался густой, мелкий дождь. Шли по одному: далеко впереди брат, за ним мама, а позади, обливаясь слезами под непрекращающимся дождём – я. Валенки с галошами были

¹⁵ Многие евреи, вначале не подозревавшие о намерениях нацистов, надеялись, что даже в условиях гетто самоуправление (юденрат) поможет им легче перенести период репрессий. Однако установленный нацистскими властями бесчеловечный режим для гетто и особенно “акции” по депортации, откуда никто не возвращался, вскоре разрушили эту иллюзию. *История еврейского народа. Электронная еврейская энциклопедия (Ассоциация по изучению еврейских общин).*

велики. Грязь засасывала, часто вытаскивала голую ногу и, пытаясь опять попасть в свою размокшую обувь, падала. Мокрое зимнее пальто тянуло к земле. Подавлял меня и страх отстать.

Кончились запасы хлебных пышек. Рыли картошку, свёклу на полях. Варить негде было. Всю организацию нашей борьбы за жизнь взял на себя наш тринадцатилетний Гриша. Уходя вперёд, он определял, куда идти, иногда заходил в дома, заводил разговор с местными женщинами, просил отварить картошку. Иной раз просил ночлег для всех нас.

Наконец подошли к с.Анадоль. К вечеру решили постучаться к старшей сестре отца. Каково было наше горе, когда она даже в дом не хотела нас впустить. Мы выплакали ночлег и возможность обсушиться. Следующий день провели в погребе. Немецкий приказ об укрывательстве евреев знали все, боялись за жизни своих детей, за себя. Вечером пошли к младшей сестре, жившей в центре села. Нерадостно встретила и она, но не выгнала, хотя обстоятельства были сложными. У неё поселили четырёх немцев. Они занимали большую комнату, утром уходили, а вечером возвращались. Пока немцев не было, тётя Маня уложила двух своих детей, меня с братом и маму на полати, укрыла, замаскировала. “Каганец” не зажигала. Пришли немцы. Фонариком осветили себе путь и зашли в “свою” комнату. Что за это время испытали мы? Что почувствовала тётя? Ночью я проснулась оттого, что встала мама. Вместе с тётей Маней она вышла в сени. Через короткое время обе вернулись. Мама легла рядом со мной, вся в слезах. Утром узнали, что нас разыскал младший шестнадцатилетний мамин брат Семён. Это было чудом. Он убегал догонять Красную Армию, но она была уже далеко. Пришлось вернуться. Разыскал место сбора евреев для отправки в гетто и нашёл нашего дедушку. На второй день начали массовый расстрел. Семён стал свидетелем этой трагедии. За день немцы не успели расправиться со всеми. Темнело. И тогда всех, даже стоявших в шеренге по пояс раздетых людей, загнали в барак. Ночью мужчины организовали побег.

И вот Семён с нами. Закончился период, когда мы боролись за жизнь втроём. Теперь нас стало четверо. Что дальше? Я ходить не могла – до крови растёрты ноги. Тётя Маня решила меня оставить и подлечить. Часто я находилась в маленьком стоге сена в огороде, отсиживалась на чердаке. На ночь меня забирали в дом. Мама, Гриша и Семён ушли.

Впереди были ещё долгие месяцы, которые можно сравнить в ожиданием смертного приговора...

...Фашисты расстреляли двадцать одного моего родственника.

На снимке: 1940 год. Город Мариуполь, Украина. Шабат. К дедушке Якову Соломоновичу Воину пришли родные и близкие (справа налево, снизу – вверх) – внуки Гриша (мой брат), Сашенька (расстрелян немцами, октябрь, 1941 год), дочь Розалия (моя мама), дедушка Яков (расстрелян немцами, октябрь 1941 год), племянница Ева Рыкант (моя тётя), единственная из семьи, кому удалось эвакуироваться, я – Вера Калмыкова (Кирилина), внук Женя (расстрелян немцами, октябрь, 1941 год. Его маму на глазах у всей семьи вначале изнасиловали, потом расстреляли), зять (мой папа) Калмыков Иван (все годы воевал в частях Красной Армии, вернулся контуженый с осколком в голове), племянник Арон Рыкант (мой дядя, воевал в составе Красной Армии, пропал без вести), сын Моисей (расстрелян немцами, октябрь, 1941 год).

Две тысячи марок за каждую голову

Нина Китайгородская (Быкова)

Я родилась в Киевской области, в районном центре Сквире. У нас была большая семья: папа, мама и пятеро детей. Старшего брата Муцика с началом войны призвали в армию. Второй брат Александр в тот же день идёт на фронт добровольцем.

Сестра Роза со знакомыми уехала в эвакуацию. Все оставшиеся жили в селе Шамраивка, находившемся в лесу в Сквирском районе. Папу после операции направили на “лёгкую работу”, охранять мост через реку Рось.

Немцы очень быстро наступали. Красноармейцы в лесу бросали винтовки, гранаты, патроны, выпрашивали у населения гражданскую одежду и разбегались. Кто-то искал приюта у местных женщин, чьи мужья были на фронте. Мы с братом Мишей (ему в ту пору было четырнадцать лет, а мне – одиннадцать), сколько могли, собирали разбросанное в лесу оружие, выкопали яму, сложили туда, а потом зарыли. В то время я не понимала до конца, зачем мы это делаем, но вокруг боеприпасов было столько, что жалко было оставлять. Брат же приговаривал: “Тащи всё, что видишь” – я и несла.

Вскоре зашли немцы. Мы в чём стояли, ушли в село Дулидское, где жили наши знакомые. На следующий день мы с мамой вернулись, но в дом не вошли, там уже были немцы, а со стороны наблюдали, как фашисты уничтожали трудом нажитое хозяйство: забили двух тёлочек, сворачивали головы индюкам, гусям – словом, пир шёл уже вовсю.

Прошло пару недель, и старший брат Муцик, сумев вырваться из плена, пришёл к нам. В деревне было много молодёжи, хороших друзей, комсомольцев. Жил в ней ветеринар. Он ненавидел евреев. На лето к нему приехали его дети, в том числе и сын, Ковмир Юрий Емельянович, декан факультета (не помню какого) из Житомира и его сестра с маленьким мальчиком. Уехать обратно они не смогли, так как вся Украина уже была оккупирована немцами. Так случилось, что Юрий Ковмир познакомился с моим старшим братом и, оказалось, что

хоть Юрий Емельянович и был сыном своего отца, но взгляды у них не сходились. Наверное, так и должно было случиться, не знаю, когда, но в селе была создана подпольная организация.

Как-то кто-то из друзей из райцентра узнал, что наутро немцы пойдут за очередной еврейской семьёй, за нашей. В десять вечера нас предупредили. До этого за нами приходили дважды. Мы тут же ушли из дому. Ведущим был брат Муцик, хорошо знавший места, но так случилось, что мы блуждали всю ночь и возвращались в одно и то же место. Только на рассвете наткнулись на нужную скирду соломы на опушке леса. Мы зарылись и пробыли там две недели. По ночам Муцик пробирался в деревню за продуктами. В селе нас искали, грозили расстрелом за укрывательство, обещали две тысячи марок за каждую голову.

Пришло время, когда к стогу стали приезжать за соломой. Мы пролежали ещё день, а потом нашли приют на чердаке дома отца Ковмира. Три месяца мы пролежали там, и его отец даже и не предполагал, что мы рядом. Наступила весна, началась посевная. В одну из ночей мы с мамой пошли на поиски работы. Прошли более двадцати километров и попали в Великополовецкий район. Добрались до хутора Дунайка. У первого же домика увидела в огороде женщину, копавшуюся на грядках. Рядом в плетёной люльке плакал ребёнок. Я предложила свою помощь, взяла ребёнка на руки, и он тут же замолчал. Женщина удивилась и обрадовалась тому, что мальчик успокоился. Тогда я предложила, чтобы женщина покормила малыша, а я тем временем, вместо неё, посажу лук на грядках. Пришёл её муж, они долго о чём-то беседовали. Я, посадив лук, начала играть с их четырьмя детьми, старшему из которых было восемь лет, а младшему – два месяца.

Хозяева оставили меня у себя, но житьё у них – это была пытка. Меня снова и снова расспрашивали, кто я и откуда, видно, догадываясь, что я еврейка. Рассказать правду нельзя было. И кто бы к ним ни приходил, всё начиналось с начала. Однажды зашёл староста, и опять тоже самое. После этого не выдержала, ушла из хаты. Всю ночь пробыла в бурьяне в овраге. А идти некуда. Наутро вернулась, нянчила детей, делала всё, что скажут. Мои родные устроились поблизости, в совхозе Новосёловцы.

К этому времени Юрием Емельяновичем Ковмиром был создан партизанский отряд. Вот где и пригодилось закопанное нами оружие. Мои оба брата добывали сведения. По выходным, когда меня отпускали, и я выполняла какие-то поручения там, где

им невозможно было показываться. Вскоре они ушли в лес. Незадолго до этого папу выдал один знакомый крестьянин. Разрешил ему остаться, предложил отдохнуть, а сам пошёл за немцами. После смерти отца он получил от фашистов обещанные две тысячи марок.

Долго не было новостей от ушедших в партизанский отряд, но когда дошёл слух... Оба брата, Муцик, по кличке Сеня, и Миша-Моше, по партизанской кличке Ваня, вместе с отрядом шли на соединение с белорусскими партизанами. Остановились на привал в каком-то лесу, вперёд послали несколько ребят разведать обстановку. Вернулись. Сказали, в деревне тихо. Когда же “Ваня” ещё с одним парнем повели на водопой лошадей, на них напали бандеровцы. Паренёк, бывший с ним, увидел их раньше и успел сползти в овраг, а моего брата поймали. Пытали, резали кусками. Об этом потом рассказал успевший спрятаться паренёк. В тех условиях никто из близких не мог позволить себе даже поплакать. Горе спрятали в душе. До сих пор болит.

В Киеве над Днепром есть музей партизан Украины, в колонке героев вписано и его имя – Ваня Быков.

Я продолжала жить в той же украинской семье. Вместо своей хозяйки ходила на сельхозработы. Однажды отгребала полову у молотилки. Кто-то попросил прихватить граблями немного зерна. Сами боялись, а меня, чужую, не жалко было. Я не посмела отказать, начала отгребать. Надзиратель сразу заметил и так врезал, что я отлетела метров на пять-шесть, а рукав от моей куртки полетел в другую сторону. После этого меня ставили туда, где не было зерна. А ведь могли и расстрелять.

Всё время продолжала поддерживать отношения с партизанами. Через брата передавала, где работает молотилка, на какую станцию отвозят зерно. Меня посылали в ближние деревни с сообщениями к доверенным людям. Как-то ночью пришёл брат “Сенька”. Из-за очередной облавы немцев ему и его группе партизан пришлось долго пережидать в лесу, и времени не хватило дойти до нужного поселения. Надо было где-то переждать день. Вот они и пришли к хате моих хозяев. Незадолго до этого немцы повесили брата моего хозяина. После этого ситуация начала меняться в деревне, и не только мой хозяин стал искать связи с партизанами. Вот и в этот раз ему показалось, что напал на след. Потому и устроил хороший обед для всех. А в селе многие стали поддерживать связь, помогать партизанам. Я никому не говорила, что “Сеня” – мой брат,

объясняла, что знакомый дядя, но жить мне стало легче. Партизаны пробирались в село, грозили предателям. Побывали и у надзирателя, вывели его за село, перечислили все его преступления. Он клялся, что больше не будет так поступать. Ребята не захотели мारать рук, отпустили его. Но вот что удивительно: во время наступления советских войск в его дом попала бомба – погиб он и его сын.

Наши приближались. Мы видели, как горел Фастов, слышали грохот взрывов. Немцы бесновались. В Строковке стоял отряд эсесовцев. Кто-то донёс партизанам, что имеется список сёл, подлежащих сожжению. Дунайка, где я жила, числилась в нём тоже. В эти дни был какой-то христианский праздник. Пришла мама под видом моей знакомой и отпросила меня в “свое” село Новоселица. В это время группа партизан, находившаяся там, обстреляла двух эсесовцев, но не добила. Через двадцать минут в село прибыл отряд СС. Силы были неравные, но партизаны всё-таки сумели прорваться. После этого фашисты собрали мужчин, подростков, вывели за деревню и расстреляли. Затем зажгли факелы и подожгли все дома. Хаты под соломенными крышами сразу вспыхнули. Мы спрятались в один из рвов, выкопанных для стока дождевой воды. Уткнулись в землю. По убежавшим жителям села стреляли, в укрытия кидали гранаты.

Через два дня я вернулась в Дунаевку. Кругом только и говорили, что о сожжённой Новоселице. Хозяева, считая, что я там погибла, вроде, обрадовались моему возвращению. Потом сказали, что уезжают ненадолго из дому, а я тем временем должна приготовить для них обед. Позже выяснилось, что вся деревня попряталась в где-то выкопанном бункере, я одна оставалась в селе. Детским умом трудно было всё понять. Начала готовить обед. Стою, чищу картошку и вдруг слышу грохот. Выскакиваю на улицу с картофелиной и ножом в руках, вижу танки. Я не могла понять, чьи они. И тут увидела – мне машут. Солдаты! Наши! Из рук – и картошка, и нож. Очнулась, когда услышала, что откуда-то бегут люди. Я всё стою, не двигаясь. Наконец, оторвала ноги. Вижу – люди целуются, обнимают солдат, поют песни. Солдаты раздают подарки – кому мыло, кому сигареты, зубную пасту. И меня поздравил один из них – подаёт двухкилограммовый пакет манки. То-то была каша.

Ушли солдаты. Видно, они прорвались как-то, потому что за ними “наши” больше не появлялись. Вечером нас опять бомбили немцы. Я ушла к маме. Жили в вырытой землянке. Когда снег

таял, мы выходили из неё, когда же он сыпал с неба, мы не выходили, чтобы не было следов. Однажды слышим, кто-то идёт. Съёжились, перестали дышать. И вдруг громом грянуло: “Братья, сёстры – выходите, мы свои”. Выглядываем – перед нами солдаты в маскировочной форме, на лыжах. Вот радости-то было. А они к нам с просьбой: помочь собрать и доставить раненых в санбат, устроенный в сельской школе, и помочь похоронить убитых. Страшная это была работа, особенно для ребёнка.

Вскоре приехал брат “Сенька”-Муцик, отвёз меня в Дулицкое. Надо было идти в школу...

На снимке:

Удостоверение Быковой (Китайгородской) Нины, подтверждающее связь с партизанским отрядом в период с октября 1942 по декабрь 1943 годов.

Мародерствовали в любое время

Яков Клапоух

Родился я 30 марта 1940 года в г. Шаргород, что на Украине. В первые дни войны мой отец ушел воевать, а мать с пятью детьми осталась в городе, который вскоре оккупировали фашисты. Для еврейского населения сразу организовали гетто. Мы с мамой вплоть до освобождения от фашистского гнета находились там.

Из раннего детства я помню только, что мы постоянно были голодными, а в зимнее время страшно страдали от холода. Мама собирала все тряпье по дому, чтобы как-то прикрыть нас. По воспоминаниям матери и старших сестер карательные отряды в любое время врываются на территорию гетто, отбирали все более или менее хорошие вещи, всю еду. Всех, кто хоть как-то стоял на ногах, гнали работать в каменоломни.

Наш дом состоял из трех комнат. Вскоре после создания гетто к нам подселили еще три семьи румынских евреев. Теснота, голод, холод — выживали в том аду, кто как мог. Варили мамалыгу, продавали кое-что с огорода и так и выжили.

Помню освобождение Шаргорода советскими войсками. Рядом с нами была кузница, где еврей-кузнец подковывал лошадей освободителей. Солдаты давали нам серые кусочки сахара, конфеты.

В конце сорок пятого года вернулся с фронта отец. Мне к тому времени было чуть больше пяти. Помню, как тяжело работали мои родители и старшие дети семьи, чтобы все как-то могли прокормиться. Мыли картофельные очистки, пекли на костре и ели.

В сорок восьмом году я пошел в первый класс. Жизнь в городе начала чуть-чуть налаживаться. Нас выручал свой огород, где день и ночь работали мы всей семьей.

В благодарность за спасение – ношу их фамилию

Елизавета Коворотная (Рохрберг)

До войны вместе с родителями я проживала в г. Борислав, Львовской области (Украина).

Когда в июне 1941 года начались роковые события и вокруг разрывались бомбы, мои родные и близкие не смогли эвакуироваться и все погибли в гетто, созданном в нашем городе. Погиб там и мой брат Бернард. Когда, будучи узником трудового лагеря, он шёл на работу, навстречу гнали советских военнопленных. Брат бросил пачку папирос в колонну. Фашисты, полиция его запомнили и , когда он возвращался с работы, его расстреляли.

Из всей семьи в живых осталась лишь я одна, и то, благодаря тому, что успела уехать на товарном эшелоне, отправившемся из Борислава. Но отдалиться основательно не суждено было. Под городом Богодухов фашисты высадили десант, и наш эшелон попал в окружение. Из поезда все ринулись кто куда. Ночами я стала пробираться обратно. Под г. Нежин попала в облаву, и по счастливой случайности удалось избежать расправы. Какой-то крестьянин увидел меня убегающую, позвал в свою телегу и закрыл сеном. Когда подбежавшие полиция спросили его обо мне, он ответил, что не видел. Каратели ушли. Крестьянин выпустил меня. Ночью, пробежав двенадцать километров, добралась до села Колесники, Нежинского района и постучала в хату к родителям своего бывшего руководителя – Марии и Андрея Коворотных. Дело в том, что до войны я работала секретарём в гороно, а их сын – Коворотный Иван Андреевич – был заведующим городского отдела Народного образования. Перед уходом на фронт он сказал, что ждёт впереди мой народ, и предложил в трудную минуту обратиться к его отцу и матери. Так я и оказалась у них. Несмотря на грозивший им расстрел за укрывательство еврейки, эти люди приняли меня. К счастью, в этом селе не было немцев, но полиция жили и контролировали всю ситуацию, выискивая евреев.

А кругом свирепствовали фашисты. Под карой смерти запрещалось собираться более двух человек, обязали сдать деньги, радиоприёмники, фотоаппараты, драгоценности. За малейшее непослушание – смерть. Трудно было освоиться и с навалившимся на меня крестьянским трудом. Хозяйка была больна, и мне пришлось вести и всё хозяйство. Работала в поле, доила корову, ухаживала за свиньями. А чего стоила стирка в реке в сорокаградусный мороз. Бельё примерзало к рукам, и отрывать его приходилось вместе с кожей. Спасало то, что Мария и Андрей относились ко мне очень тепло, как к дочке. Однажды предложили взять себе их фамилию. К этому времени все их дети погибли на фронте. Я согласилась, и в благодарность за спасение ношу её до сих пор.

В апреле сорок третьего года умерла Мария. Пока она была жива, никто в селе не смел слова сказать обо мне, но с её смертью сразу же кто-то донёс, что в доме проживает еврейка. В ту же ночь, когда стало известно, что на меня донесли, я ушла в партизанский отряд в Черниговской области. Командиром отряда был Бовкун Иван Михайлович, впоследствии Герой Советского Союза. Командир батальона – Симоненко, необыкновенно храбрый человек, впоследствии тоже Герой Советского Союза.

После войны, лишившись родных, близких, не имея ни кола, ни двора, жизнь строить пришлось одной заново. Работала и училась...

В ожидании смерти

Анна Коган (Пехотник)

На второй день войны моего отца – Пехотник Герша Беньямовича, призвали в Красную Армию и отправили на фронт. Мы остались с мамой, Табачник (Пехотник) Эней Абрамовной, восьмилетний брат Абрам и я. К тому времени мне исполнилось шесть лет. Мы проживали в местечке Вороновицы Винницкой области.

Как рассказывала мама, она была в растерянности, не зная, что предпринять: официальной информации о том, что делать в сложившейся ситуации, не было. Родственники, проживавшие в этом же местечке и обремененные маленькими детьми, уезжать не собирались, предполагая, что все ненадолго и не столь серьезно. В итоге мы остались на месте.

Примерно 15-18 июля в местечко вошли немцы, и нас сразу выгнали из нашего дома, имущество разграбили. Всех евреев заставили селиться на окраине в старых маленьких домиках по три-четыре семьи.

Где-то в сентябре-октябре сорок первого года в Вороновицах был первый погром. Всех евреев гнали в село Степановка на расстрел. Мы с мамой и братом чудом сумели убежать в ближнее село к папиным знакомым и пролежали в сарае в соломе трое суток, боясь выйти во двор. Затем мама приняла решение: ночью по полям, оврагам, лесам мы стали пробираться в село Жорныщи на родину моего отца, где проживали дедушка и бабушка. Пока добирались до них, а это было почти семьдесят километров, пришлось пережить немало: без еды, одежды, прячась от всех, ночуя в скирдах соломы, лесопосадках и оврагах.

Когда проходили мимо села Степановка, где находился сахарный завод, увидели, как убивают евреев местечка Вороновицы. В селе Когаты, по рассказам, несколько дней земля шевелилась, потому что бросали в могилу не только убитых, но и раненых, еще живых людей.

В начале сорок второго года, находясь в Жорныщах у дедушки и бабушки, мы пережили еще один погром. По счастью, мы опять остались живы. Вместе с несколькими соседями успели спрятаться на чердаке одного дома. Из слухового окна видели,

как тащили убивать евреев. Тогда погибли все евреи села, в том числе наши дедушки и бабушки.

Не имея больше ни родных, ни знакомых, мы стали скитаться по селам Воловодовка, Обидне, Жабеливка и другим. Спали в скирдах, питались тайно с огородов и полей. Летом было легче, зимой же, чтобы прокормиться, приходилось выдалбливать свеклу, картошку из-под мерзлой земли. Иногда удавалось заночевать на краю села в хлеву, где были коровы. Рано утром, чтобы нас не застали, уходили в поле или лесопосадки.

Однажды недалеко от местечка Ильинцы нас обнаружили и отправили в местное гетто. Нас загнали в маленький домик, где уже проживало несколько семей с маленькими детьми, и мы там пробыли до марта-апреля сорок четвертого, вплоть до прихода Красной Армии. Прожили в ожидании смерти полтора года. Ежедневно всех взрослых отправляли на сельхозработы. Мама всегда брала нас с братом с собой, и мы ей помогали.

Невозможно описать все, что мы пережили. Это был кошмар, ад. С Божьей помощью, благодаря матери мы выжили.

Сострадание безмолвно

Иосиф Койфман

Я родился на Буковине, в с. Маленцы – Хотинский район, Черновицкая область.

По рассказам моих родителей, 22 июня 1941 года, в первый день войны, бомбили и с. Клишковцы, что рядом с нашим селом. Среди погибших были два молодых еврея и из Маленцев.

В октябре этого же года к нам пришли румынские войска. Вскоре вышел приказ: всему еврейскому населению села в течение суток взять необходимые вещи и собраться в указанном месте. После всего евреев направили пешим ходом в сторону с. Сокиряны, Черновицкой области. В колонне была и вся наша семья: мать, отец, мой шестилетний брат Велвел и я. Мне было чуть больше года. В пути румыны сказали, что если кто-то не может идти пешком, в помощь будут поданы телеги. И в самом деле, подали телеги, запряжённые лошадьми. Посадили больных, стариков и повезли. По рассказам, их сразу же расстреляли.

Во время этого перехода вместе с нами шёл брат отца со своей семьёй, мой дядя – Койфман Юр. Он был верующим человеком и старался соблюдать еврейские традиции. В какой-то момент вдруг появилась голая женщина. Откуда она взялась, никто не знал. Дядя подошёл к ней, снял свой сюртук и надел на неё, оставшись в одной тонкой рубашке. Так и продолжал путь. А уже был ноябрь, наступили холода. Вскоре мой брат Велвел заболел дизентерией. Через пару недель он умер. Его похоронили у обочины дороги. Начались болезни. Своё брал и голод. Смерть шла по пятам и подбирала ослабевших.

Маршрут Маленцы – Сокиряны – Могилёв-Подольский и, наконец, село Балки, Барский район, Винницкая область. Этот момент я хорошо помню: забор, обнесённый колючей проволокой, полуразрушенные бывшие военные казармы, на полу солома, на ней лежат люди, больные, умирающие. Кто мог ходить, шёл в ближайшие сёла, просил хлеба, картошки. Нередко румынские солдаты ловили возвращавшихся и убивали. В диких условиях люди ожесточались. Как-то наш односельчанин Кройтор Срул сорвал с моей головы шапочку и бросил её за колючую проволоку. Пойти и забрать её нельзя было, и я очень

плакал. Мои воспоминания детские, и будь я в других условиях, так бы не переживал из-за таких причин, но это была моя жизнь, другой у меня не было. Помню, как в лагере упал на стекло и порезал колено. Оставшийся шрам до сих пор напоминает мне об этом.

В мае 1944 года нас освободили советские войска. Отца сразу забрали на фронт. Вместе с однополчанами он дошёл до Германии. В апреле 1945 года получил сквозное ранение в руку и остался инвалидом на всю жизнь – рука больше не действовала.

Мы с мамой после освобождения отправились домой, в свои Маленцы. До войны здесь проживали 163 еврея. Вернулись меньше пятидесяти человек.

Вольготно жили мародеры всех мастей

Руля Колтонюк (Павловская)

Родом я из местечка Брацлав, Винницкой области. К началу войны мне было одиннадцать лет. Я успела окончить пять классов.

Мой отец, уже не в молодом возрасте, ушел на фронт в сорок первом и погиб в сорок четвертом году. Война отняла еще двух членов семьи. Девятнадцатилетняя сестра Клавдия погибла в сорок третьем году в Гайсине во время очередного массового расстрела евреев¹⁶. Шестнадцатилетний брат Лева был заживо погребен в партизанской могиле в м. Немиров тоже в сорок третьем году.

31 декабря 1941 года утром нас выгнали на базарную площадь, приказав взять с собой вещи первой необходимости, деньги и драгоценности. Никто не знал, куда поведут, думали, на расстрел. Самых маленьких посадили на сани, а остальных, несчастных, перепуганных, своим ходом погнали в неизвестном направлении. Ночью загнали в какую-то конюшню. Там мы и встретили Новый 1942-й год. Немцы и полиция, сопровождавшие нас, всю ночь пили, стреляли, грабили и забавлялись еврейскими девушками. Наутро нас погнали дальше. Кто был не в силах идти, по дороге расстреливали. Так 1 января 1942 года мы попали в Печерское гетто «Мертвая петля». Оно действительно было мертвой петлей для тех, кто попадал в него. Эта петля означала мучиться долго, чтобы твои муки были видны родным и близким, и чтобы другим было страшно и невыносимо. Первыми жертвами были евреи г. Тульчин. Затем каратели привезли евреев из

¹⁶ Из-за размещения под селом Стрижевка, Винницкого района, ставки Гитлера Винницу и территорию немецкой зоны оккупанты стремились сделать в высшей степени свободными от всяческого сопротивления и безопасными для высшего руководства и рейха. Одним из обязательных условий достижения этих целей они считали создание здесь зоны «Юденфрай» – свободной от евреев. Массовые акции уничтожения еврейского населения проводились повсеместно в городах и местечках, входящих в немецкую зону оккупации. *Фаина Винокурова, историк-архивист, заместитель директора Государственного архива Винницкой области (г.Винница).* RE: А если таки было? <http://www.yabloko.ru/Forums/Main/post/421603/html>

Шпикова и Кросны. Потом прибыли мы, евреи м. Брацлав. Ежедневно умирало по триста – триста пятьдесят человек. Когда число узников начало редеть, привезли наших сородичей из Черновиц, Буковины, Молдавии. Конца всему не было видно.

Лежать можно было только на боку навтыжку. Больше места не было. Люди ютились в подвалах, на трубах отопления, на лестнице, в подсобных помещениях или ждали очередной жертвы, чтобы занять ее место. Ни постелить, ни укрыться, ни поесть, ни попить – ничего не было. Иногда из окрестных сел к железным воротам приносили какие-то продукты, но полицаи всех разгоняли дубинками, а то и стреляли в толпу. Крестьяне приносили не безвозмездно, ждали обмена. Очень часто, чтобы он состоялся, приходилось платить и полицаям.

Голод, безысходность. Лица умирающих детей заставляли родителей искать пути, чтобы выбраться из этого ада в надежде принести им что-нибудь съестное. Многие гибли при первой попытке. Другим – один-два раза удавалось проскочить. Но однажды эта попытка оказывалась последней.

Когда мы попали в лагерь, нас отправили на так называемую дезинфекцию. Там же всем делали уколы. От чего – никто не знал. Вскоре люди начали болеть. Появилась высокая температура, боль в животе, понос. Отсутствие туалетов, воды, медикаментов, полная антисанитария способствовали быстрому распространению эпидемии. Ежедневно умирали сотнями. Мертвецов сбрасывали в находившиеся на территории кирпичные погреба. Впоследствии, с приходом зимы, трупы на санях вывозили на кладбище. Те, кто хоронил, наживались за счет мертвецов: снимали их одежду, деньги, если были при них, кольца, золотые коронки зубов. В общем, вольготно жили мародеры всех мастей.

Лагерь охранялся полицаями, которые были вооружены немецким оружием. Но для расправы с евреями использовались и немецкие овчарки. Когда-то я помнила всех полицаев по именам и фамилиям, но за давностью лет многих забыла. А вот самые лютые и сейчас перед глазами. Это Сметанский и Фурман. Все полицаи были молодые люди в возрасте двадцати пяти – тридцати лет.

Я, мама и сестра были вместе с первого до последнего дня. Мы прошли через все испытания, которые выпали на долю узников.

Освободили нас советские войска 17 марта 1944 года.

По наводке соседок

Любовь Комаровская (Клемпнер)

Когда началась война, мне было пять лет. Из того, через что пришлось пройти в то время, что-то помню сама, но многое мне рассказывала мама уже после нашего освобождения.

Мой папа – Клемпнер Исаак Соломонович, 1903 года рождения, стал инвалидом труда после травмы на производстве. Из-за этого его в армию не взяли. Он добровольцем пошёл в ополчение, но и там от него отказались из-за его состояния здоровья.

В то время мы проживали в Сталинской, ныне Донецкой области, в городе Горловка. Когда отец вернулся, у нас уже были немцы. Он пришёл днём, а ночью соседка привела полицаев. Отца и его сестру Соню забрали. Маму, украинку, не тронули, да и на нас, детей, пока не обратили внимания. 22 декабря 1942 года папу и его сестру вместе с другими евреями расстреляли.

Мою шестнадцатилетнюю сестру Елизавету фашисты угнали в Германию. Хорошо ещё, что до этого она успела поменять фамилию на мамину девичью и сменила отчество. Это и помогло ей выжить, потому что так её взяли как рабочую силу. Останься она под еврейской фамилией, её бы сразу расстреляли. Старший брат Валентин успел уехать на Кубань к маминым родственникам, и в тех местах сошёл за русского. Нас с братом Борисом мама прятала, как могла. Нередко, как жене еврея, ей и самой приходилось скрываться с нами. Однажды мама, старавшаяся как можно меньше отлучаться из дому, куда-то ушла. Соседка тут же побежала к неподалёку жившему немцу сообщить, что в нашем доме есть “юденыта”. Другой наш сосед, заметив, куда направилась соседка, прибежал к нам, схватил меня с Борей и затолкал в сарай в погреб. Так он нас и спас. До сиз пор помню его фамилию – Борзенко.

Запомнила я и ещё одного человека по фамилии Абакумец. Он работал в жандармерии. Как стало известно уже после войны, его оставили для подпольной работы. Незадолго до освобождения нашего города от фашистов он пришёл к маме и сказал, что в списке на расстрел записаны она, как жена еврея, и мы с братом Борей. При отступлении фашисты расправлялись с

последними оставшимися в живых евреями. Мама тут же взяла нас и пошла в соседний посёлок к знакомым пожилым людям по фамилии Фысенко. Они нас приютили, и несколько дней мы просидели в погребе, пока не пришли советские солдаты.

Я благодарна тем людям, что помогали спасти нас. Понимаю, что всё же основная заслуга в том – моей матери, сделавшей всё для спасения своих детей.

Пляски смерти

Лидия Корнеева (Кравцова)

Рассказ начинаю не со своих воспоминаний. Перед отъездом в Израиль я поехала попрощаться с могилами родителей в небольшой городок Ильинцы, что в Украине, на Винничине, где я родилась и вместе со всей семьёй пережила все страшные годы войны и первые послевоенные трудности. Остановилась в доме Клары Мельской, чья семья в то лихолетье оказалась в тех же условиях, что и наша. Приехал и мой брат Яков, бывший в этих краях в командировке. Разговорились и, как всегда при наших встречах, ушли в прошлое. Клара старше нас, и потому её воспоминания обширнее, а порой, в силу обстоятельств, просто другие. Одно из них я и воспроизвожу.

Когда в наше местечко Ильинцы пришли немцы, то вскоре они приказали евреям мести улицы. Выгоняли всех подряд, в том числе и старых и малых. К вечеру весь мусор собрали в кучу на площади напротив костёла и по приказу подожгли. Разгорелся костёр. Всем евреям было велено взяться за руки и встать вокруг него в хоровод. Откуда-то появилась музыка. По команде начали танцевать. Музыка убыстряла темп, “набирал скорость” и хоровод. Старики, дети не поспевали. Немцы добивали таких и расстреливали. Пляски прекратили только на рассвете. Домой уходило намного меньше людей, чем начинали уборку. Многих в этот день хоронили.

Я не помню этого эпизода. Сохранился ли он в памяти брата? Да, сохранился. И он тоже был в хороводе.

Теперь же я продолжу своими воспоминаниями. Они не столь полны и обширны, как у старших членов семьи, но пишу я далеко не обо всём, что в памяти.

Хотя мне было тогда всего четыре года, я очень хорошо помню наш довоенный дом с высокой деревянной лестницей, ведущей на второй этаж в жилые комнаты, с крыльцом, под которым ровными рядами в огромном количестве были заготовлены на зиму дрова, с чёрно-белой шелковистой корой. Помню расположение комнат и чистоту в них, удивительной белизны с нежным оттенком голубизны накрахмаленные

занавески на окнах и спинках кроватей с перевитыми атласными бантами. Сохранился в памяти даже огромный чёрный гвоздь над кухонным столом, на котором висела красная сетка с гусём. Время от времени мама снимала птицу, брала её подмышку, придерживая левой рукой, а правой давала кусочки грецких орехов.

Мой папа был очень трудолюбивым мастеровым человеком – портным, и потому у нас часто бывали люди. Каждому, по велению отца, я приносила воду в стакане, с трудом преодолевая высокий порог кухни, и нередко слышала в ответ : “Росты вэлыка-вэлыка”. Ах, как хотелось побыстрее вырасти.

Но отпечатался в памяти и тот день, когда весь порядок, чистота, уют были нарушены. В доме началась суета, у стен, возле кроватей появились мешки с вещами: было принято решение эвакуироваться. Поздно. Не успели. Через какое-то время в доме появились чужие. Мама стояла у стены, я держалась за неё, а они ходили по всей квартире, унося с собой свёртки, узлы. Иногда кто-то подходил к маме со словами : “Тай звыняй, Кравцовыха”, а мама отвечала всем одинаково : “Нэ вы визьмэтэ, то други забэрут”. Всю ситуацию контролировал немец, сидевший на табурете. Потом всё успокоилось, чужаки перестали приходить, но в семье исчезла радость, поселилась тревога.

Но прежде, в один из дней, когда мы с мамой были одни, к нам пришёл немец, в блестящих сапогах, с тонкой железной палочкой в руках. Он потребовал не то “онык” (мёд), не то “унык” (петуха). Уходя, мама хотела взять меня с собой, но немец взглядом приказал оставить. Она ушла одна, а я боялась дышать, чем-то напомнить о себе. Пришелец молча упёрся взглядом в пол, перебирая пальцами свою железную палочку. Наконец, вернулась мама. Не помню, что было у неё в руках, но по лицу пришельца видно было, что не то, что он хотел. Не проронив ни слова, он осмотрел всё вокруг, потом прошёл в другую комнату, остановился у буфета, на котором полукружьем стояла очень красивая посуда, и начал медленно сдвигать её своей палочкой к краю. Звон той разбивающейся посуды я слышу до сих пор.

Настал день, когда у нас появились соседи. Их было много, знакомых мне и вовсе не знакомых. Зазвучало слово “секрет”. Перед этим исчезли дрова под крыльцом. Втайне их перенесли в цокольный этаж, двумя рядами отгородив часть помещения.

Зачем – я пока не знала. И вот теперь в комнате, где спали дети, под одной из кроватей, что ближе к кухне, открыли лаз. Он был незаметен из-за плотно пригнанных друг к другу половиц. То, что было за ним, и оказалось “секретом” – тайником. Пришедшие залезали под кровать и спускались вниз. Держась за ножку кровати, согнувшись, я смотрела вслед каждому и не могла понять, зачем они это делают. Но вот настал и наш черёд, наша семья была последней. Лаз закрыли. Стало темно, тихо, страшно. Мама сидела на табуретке, я стояла меж её колен, прижавшись к ней.

Наверху начали ходить, разговаривать. Несколько раз отодвигали и ставили на место кровать. А у нас неожиданно заплакала и закашлялась маленькая девочка. Стало жутко, когда наверху ходуном заходила кровать. Ещё страшнее стало от того, что, в полной темноте, я увидела очень много блестящих глаз, устремлённых в сторону подавшего голос ребёнка. В одно мгновение плач, кашель прекратились. Мёртвая тишина. Только наверху – топот сапог, громкие голоса, рык отодвигаемой кровати. А из-за древесной стены доносился шум, глухой стук: то остриём штыка проверяли, есть ли что-то за дровами. Мудрость тех, кто сложил их в два ряда друг за другом, оказалась неоценима. Не раз я слышала позже, что всё это сделал папа.

Не помню, чтобы в нашем укрытии кто-то, даже маленькие дети, что-то сказал, просил есть. Время длилось бесконечно. И даже когда наверху всё давно стихло, у нас никто не шевелился, не проронил ни слова.

Только когда через долгое время выбрались наверх, от взрослых я услышала, что женщина, чей ребёнок заплакал, положила ему на лицо подушку и так и сидела все время, не шевелясь. Было нестерпимо жалко маленькую. Стало жутко и за себя. Я поняла: плакать нельзя.

Через какое-то время от взрослых узнала и другое: большинство евреев нашего местечка в те дни были расстреляны. По памяти оставшихся в живых -порядка десяти тысяч. В интернете, на сайте нашего городка значится цифра 15 тысяч. Вероятно, здесь имеется ввиду общее число погибших. Свидетели рассказывали, что, когда гнали жертвы на расстрел, кто-то из евреев пытался убежать, но местные жители, стоявшие по обе стороны дороги, возвращали их обратно.

Мы ещё очень долго, почти до конца сорок третьего года, находились в гетто, за колючей проволокой, на территории

которого был наш дом. Ворота гетто бывали открыты, можно было выйти, но бежать было некуда: никто из местных жителей не принимал и не впускал к себе. Напротив, выдавали полициям или немцам. Перелом наступил гораздо позже, когда, быть может, у некоторых в душе что-то дрогнуло, а может почувствовали приближающиеся перемены на фронте... Уже после войны из многочисленных воспоминаний родителей стало известно, что каким-то образом папе удалось узнать о готовящейся очередной акции по уничтожению евреев¹⁷. Я не помню того момента, как мы убегали из гетто. В памяти остались картины другие: как в лютые морозы и метели скрывались в оврагах, где рыскали голодные бездомные собаки и волки. Кружили вокруг хуторов, выселок, прятались в стогах сена и скирдах соломы. Часто единственной пищей был комок снега.

Возможно, свою роль сыграла папина профессия, и в селе Неменка нас начали впускать в хаты, прятать в более обжитых местах. Однако не помню, чтобы хоть раз семья была вместе. Не случайно, спустя десятилетия один из моих братьев – Яков скажет: “Мы одна семья, были в одно время в одних обстоятельствах, в одном месте, но у каждого из нас – своя война”. За укрытие отец мой заплатил сполна. Даже через сорок пять лет после войны мне показывали плюшевый жакет, сшитый его руками в то трагичное время.

Не один раз мы подвергались смертельной опасности. Нас вели на расстрел: папу (Кравцова Исаака Давидовича), маму (Кравцову –Молдавскую Рахиль Яковлевну), старшего брата Авраама и меня. Старшую сестру Софью и брата Якова, увидев нас, ведомых под прицелом винтовки, , хозяева выгнали из домов, где они прятались, со словами: “Твоих ведут на расстрел, иди к ним, чего же ты останешься сиротой..” Их присоединили к остальным...

¹⁷ В немецкой зоне оккупации Винницкой области существовало 65 гетто и рабочих лагерей, большинство из которых были созданы уже после проведения массовых акций (с лета 1941 года по лето 1942 года) для временно оставленных в живых ремесленников и членов их семей. Эти гетто и лагеря носили “трамплинный” характер: когда потребность в рабочей силе узников отпадала или не могла быть удовлетворена (из-за болезни узника, к примеру) переставших быть полезными людей убивали. *Фаина Винокурова, историк-архивист, заместитель директора Государственного архива Винницкой области (г.Винница). RE: А если таки было?*

Смерть ещё долго продолжала кружить свои зловещие хороводы, догоняя нас повсюду. Кроме фашистов злодействовали и полицаи-украинцы: Иван Шевчук, Федько Шевчук, Иван Малей, Григорий Ривацкий.

Впрочем, в селе проживали всё-таки и те, кто не раз и не два нас спасал, прятал. Это Мария Целомудра, Ксень Онишук, “Павлюченчиха”- Павлюченко(не помню имени, к сожалению), Яворские, другие, чьи имена стёрлись, но поступки сохранились в памяти.

К концу оккупации был ещё партизанский отряд, но себя я в нём не помню.

Семья наша выжила. Одна из немногих в нашем местечке. После войны на месте нашего дома осталось большое прямоугольное углубление. И больше – ни кирпичика, ни дощечки, ни щепочки.

Как мы уцелели? Этот вопрос не только чужие, но и мы сами себе много раз задавали, всё ещё не веря тому, что это случилось.

...В самые страшные, тяжкие времена папа однажды сказал: если мы останемся живы, всем, кому будет труднее, чем нам, он станет помогать. Слово “мицва” – һамыцвы (богоугодное дело) мне знакомо с детства, оно часто звучало в нашем доме из уст моих родителей. Даже когда у нас был только суп из гнилых картофельных очисток или горох, в котором имелось больше чёрных жучков, чем самого гороха, вместе с нами проживали по несколько человек, целыми семьями. Жили месяцами, по полгода и дольше. Мои родители никогда никому не отказывали в помощи. Только после основной работы папа ещё трудился до утра, успев передохнуть час-два до смены, а мама всегда поднималась до рассвета...

На снимках: Справки от 3 и 8 марта 1944 года о пребывании отца – Кравцова Исаака Давидовича и мамы - Кравцовой Рахили Яковлевны в партизанском отряде (2-я партизанская бригада им.Сталина, 1-й полк, командир бригады А.Г.Кондратюк).

Веселья ради

Самоил Крахмальник

Мне ещё не было и четырёх лет, когда я оказался в гетто местечка Черневцы, Винницкой области. Мои воспоминания основаны на рассказах матери, других родственников, но и собственная память тоже сохранила некоторые эпизоды той поры.

Наше местечко не было огорожено колючей проволокой. Речка Мурафа огибала его, словно полуостров, и убежать оттуда было не так просто, особенно когда разобрали деревянные мостки. Главными хозяевами в это время были полицаи – румыны и украинцы. Хорошо запомнил румына-полицаю Джорджа и украинца не то по кличке не то имя его было Жмуд. Многие из наших мучителей охранников издевались над евреями, устраивали облавы, забирали последнее, что было в доме. Часто, чтобы повеселиться, полицай Джордж выходил на балкон примарии (сельсовета) и что-то кричал по-румынски. Евреи, как услышат его голос, сразу начинают прятаться. Он же, видя, как люди мечутся, разбегаются в панике, стоит и хохочет.

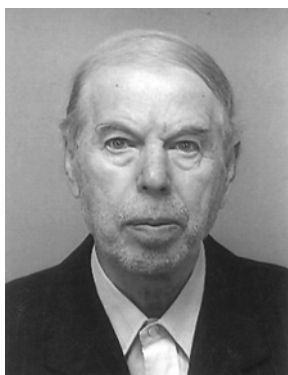
Помню, как-то объявили, что в гетто прибывает карательный отряд. Нашей семье удалось убежать в деревню к знакомой. Когда вернулись, обнаружили, что квартира разграблена, после нашествия извергов в доме не осталось и одеяла, чтобы укрыться. Помнится и то, что нам делали прививки (теперь знаю – брюшной тиф). От этого умерла моя четырёхлетняя сестричка Двойра. Знаю, что многие взрослые работали на строительстве дороги Могилёв-Подольский - Винница, в районе Копайгорода. Эта дорога вела в ставку-бункер Гитлера в деревне Стрижёвка под Винницей.

Мы постоянно были голодны. Мать была беременна и очень долго болела. Потом родился слабый и болезненный братик Раха. Иногда, когда в доме было совсем пусто, а было это часто, к нам приходила украинка Настя, приносила немного картошки, свеколки, а её муж кричал: “Шо ты жидам носыш?” Донимал нас и холод, особенно зимой.

Но вот пришли наши войска. Все выбежали на улицу, радовались, встречали хлебом-солью. Полицай Жмуд тоже

вышел с караваем. Стоявшие сзади парни толкнули его под проезжавший танк. Его раздавило, а парней тут же забрали. Их очень скоро отпустили, разобрались, почему они так сделали.

Солдаты освободили нашу деревню и пошли дальше. Вечером немцы опять бомбили нас, но это была уже последняя бомбёжка.

Без сил - пуля на месте

Григорий Кратштейн

Родом я из села Котюжень, Шолдэ-нештского района, Кишиневской области. Здесь и проживал до 1941 года.

Когда началась война, вся наша семья: отец, мать, старший брат, сестра и я бежали до Днестра. Остановились возле местечка Водрашков. Надо было переправиться на другой берег, но поскольку там оказалось большое скопление военных, гражданских лиц, ждавших переправы, как и мы, пробыли там двое суток. На третьи прилетели фашистские самолеты, стали бомбить, обстреливать из пулеметов. Началась паника. К вечеру фашистский десант окружил нас. Всех евреев собрали в колонну и повели. По мере того, как мы продвигались, она пополнялась почти в каждом населенном пункте.

В пути колонну сопровождали фашисты с собаками, румыны и полиция. Стерегли строго, чтоб никто не сбежал, постоянно объезжали на машинах и мотоциклах. Гнали днем и ночью в холод, без пищи. Пить из колодцев не разрешалось. Над нами издевались, грабили, били. Кто был не в силах идти, убивали на месте. Казалось, конца этому не будет. Наконец, в одну из ночей нас привели в городок Балта, Одесской области. Здесь мы пробыли месяц и три дня. За это время мне сделали укол на левом ухе, что впоследствии привело к потере слуха.

Однажды всех построили в две колонны. Одна осталась на месте, вторую, в нее попала и наша семья, погнали дальше.

Опять начались мучения. От деревни к деревне нас гнали, как скот. Остановились в местечке Песчана, Балтского района. Недалеко от центра за огороженной проволокой территорией разместили по две семьи в одной маленькой комнатке. У нас оказалось восемь человек на несколько квадратных метров. Спали на дощатых нарах. Одна уборная во дворе - на сотни людей.

Каждое утро узников гетто выгоняли строиться на проверку. Все, даже дети, носили желтые шестиконечные звезды. Взрослых отправляли на тяжелые работы, по пути избивая нагайками. Меня, несмотря на то, что шел всего десятый год, вместе с

другими подростками посылали на разные работы. Я убирал снег на железной дороге, чистил пути, носил воду, камни, кирпичи, работал на маслобойке, стройке и это еще не все. Румыны и полиция заставляли нас, голодных, слабых, работать как можно быстрее. Если им казалось, что кто-то усердствует недостаточно, избивали нагайками.

Коменданта гетто звали Петру. Старостой был еврей по имени Меир. За жестокость его прозвали Меир-гой.

Фашисты, румыны и полиция часто делали облавы, особенно по ночам. Хватали молодых женщин, девушек, насиловали. К спящим часто стреляли в окна. Видать, забавлялись. Случалось, в ходе таких "забав" убивали людей.

Как-то мы узнали, что в наших краях началось партизанское движение. Партизаны своими действиями против врага и в самом деле стали давать о себе знать. Однажды привезли тела партизан - восемь мужчин и три женщины. Положили на землю на две недели на обозрение. В один из таких дней всех геттовцев выгнали строиться. Немецкий офицер с помощью переводчика зачитал приказ, из которого следовало, что за малейшую связь с партизанами грозит расстрел. Тут же от евреев потребовали сказать, где партизаны. В ответ было молчание. Всех продержали до обеда. Примерно, через две недели повторилось то же самое. Только на этот раз всех мужчин построили отдельно. Пригрозили, что если не скажут, где находятся партизаны, расстрелян будет каждый десятый. Одним из десятых стал и мой отец. Отобранных оказалось очень много. Тревога, напряжение усиливались. Но тут подъехала какая-то машина. Вышедший из нее немец подошел к командовавшему нами офицеру, что-то сказал ему, и всехпустили.

Впереди у нас оставались еще долгие-долгие три года ожидания конца войны. Мы пробыли в гетто с его начала и до освобождения этой местности советской армией.

Если бы не война

Розалия Кричевская (Жога)

Когда началась война, мне было неполных девять лет - возраст, когда всё уже понимаешь, но многого ещё не осознаёшь.

Что такое смерть? Этот вопрос мучил меня. Она ассоциировалась со старостью, тяжёлой болезнью, либо с фронтом, где солдаты стреляют друг в друга. Но чтобы просто так взяли бы и убили, например, меня или других детей и их мам.... И сразу перестать видеть, слышать, чувствовать? Я не могла ни понять, ни принять этого.

И только потом, когда пережила гибель близких мне людей (мама, тётя, бабушка, другая бабушка, дедушка), моё неприятие смерти заменилось чувством страха, отравившим мне многие годы.

Мы жили в Феодосии (Крым, ныне Украина) – я, мой младший трёхлетний брат Вова, моя мама - Шик Мария Моисеевна и папа Жога Григорий Тимофеевич. С нами жили бабушка и мамина сестра. Эвакуироваться мы не успели и 3 ноября 1941 года были уже под властью немцев. В нашем городе не было гетто. Почти всех евреев расстреляли сразу, 1 декабря сорок первого года. В противотанковых рвах возле шоссе на Симферополь. По неточным данным, от двух до трёх тысяч. Евреи, не вышедшие по приказу, прятались, кто где мог. “Услужливые” соседи выдавали их, и они погибали поодиночке. Такая участь постигла мою бабушку - Шик Двору Моисеевну и её дочь, мамину сестру Эмельдеш Цилу Моисеевну. Это случилось зимой сорок второго года.

История нашей семьи не является типичной, так как у мамы с папой был “смешанный” брак: папа был украинцем. Он-то и спас нас, детей. Членам “смешанных” семей временно дали “отсрочку”. Так и записали в справке: “От переселения (т.е. расстрела – примечание Р.К.) временно освободить”. Однако нас всё время держали под прицелом, и шансов выжить практически не было. Мама каждую неделю отмечалась в военной комендатуре, иногда её не отпускали, и тогда папа ходил “отвоёвывать” её. Так как надо было как-то жить, он пошёл на

биржу труда и устроился в какую-то контору бухгалтером. Ему давали паёк – кусок жёлтого кукурузного хлеба – на него и иждивенцев. Помню, как к нам пришли пьяные немецкие солдаты, перерыли всю квартиру, забрали какие-то вещи и заготовленные ещё до оккупации продукты. Мешочек с сухарями не тронули, но взяли банку с перетопленным жиром, спрятанную мамой внизу, под разным хламом в кладовке. Она, эта банка, до сих пор стоит перед моими глазами. Мама ходила на рынок и продавала оставшиеся вещи. Однажды чуть не попала в одну из облав, которые часто проводили немцы в людных местах: ловили молодых мужчин и женщин для отправки в Германию, и также “жидов”. Попасться нельзя было – это означало конец. Папе тоже не один раз приходилось прятаться во время облав, чтобы его не угнали в Германию. Б-г его спас для того, чтобы он спас нас, детей.

Мы провели под властью немцев два тяжёлых лета и три страшных зимы. Голод, холод, страх постоянно преследовали нас. Помню, как летом, чтобы утолить чувство голода, мы ели какую-то траву, а когда цвела акация, постоянно жевали её цветы. В последнюю зиму мама променяла своё тёплое пальто на банку гороха и кучку мёрзлой картошки. Это было для нас райской пищей. Не было одежды. Особенно страдал братишка, ведь к концу оккупации ему было уже шесть лет, он вырос из своей одежки, и мама кутала его в какие-то тряпки. Об обуви вообще речи не было. Помню только, что я носила мамины резиновые галоши, в которые засовывала газетную бумагу, чтобы они не спадали с ног.

В комнате зимой была почти такая же температура, как снаружи, замерзала вода. Топить нечем было. Мы спали вчетвером, согревая друг друга своими телами и дыханием. До сих пор не переношу холода: краснеют и опухают пальцы рук и ног, обмороженные в те годы.

В течение двух с половиной лет оккупации мы сменили три квартиры: нас ото всюду выгоняли. В последнюю зиму жили в каком-то полуподвале на окраине города. Помню адрес: ул. Кочмарского, 48.

Но страшнее всего, страшнее холода и голода была потеря мамы. Её расстреляли перед самым освобождением – в марте 1944 года, а город освободили 14 апреля того же года. После того, как забрали маму, я жила в страхе, что следующая очередь за нами, и папа, пытаясь успокоить меня, сказал, что он нас одних

не оставит, он пойдёт вместе с нами. Нас с братом ожидала та же участь. Вот отрывок из письма моего папы от 17 апреля сорок четвёртого года родственникам в Баку (письмо опубликовано в нескольких изданиях):

“Мы должны были быть уничтожены все, так как детей Розу и Вову, как и в трёх семьях, жандармерия 30 марта (1944 года) переписала, но привести в исполнение им не удалось, ввиду быстрого прихода Красной Армии. Эти дети подлежали уничтожению, как дети евреек. Ещё день-два и все бы погибли..”

Желая нам лучшей доли, папа отправил нас в Баку, к маминим родственникам: брата – к дяде, меня – к тётке. Вову он вскоре забрал. Я осталась, считая своим долгом не покидать ставшую одинокой тётю.

Жизнь сложилась так, как она сложилась. А ведь всё могло быть по-другому, если бы не война...

Примечание: в 1997 году Р.Кричевской издана книга “29 месяцев из детства”, а в 2006 году – “Сирена памяти”, в неё вошли также фотографии, документы и письма отца.

Бессонница

Розалия Кричевская

Не спится, в душе покоя нет...
И губы что-то шепчут – не понять...
А ведь вокруг покой и благодать:
Луна спокойно смотрит с высоты
И ты – расслабься – и усни...
Храни в себе бальзам сиюминутных дней,
Не думай ни о чём и засыпай скорей...

Но нет, стук сердца не даёт уснуть,
Как будто в барабан твоих ушей
Стучится пепел лагерных печей
И крики неродившихся детей...

И в воздухе, в воде и на земле –
Их прах везде, на всей планете...
Такое не забыть ни мне и ни тебе,
Но нужно, чтоб об этом не забыл никто на свете.

Не спится, в душе покоя нет...
И губы что-то шепчут, шепчут...
А раны до сих пор кровоточат...

Смерть обошла нас

Эстер Кроитор (Розентул)

Я родилась 28 июля 1930 года в городе Единцы, что в Молдавии. До войны это была Бессарабия, Румыния. До сорокового года у нас была бакалейная лавка, потом отец работал лесником. Ещё у нас было три гектара земли. Большая часть семьи жила в Палестине. В Единцах нас осталось две сестры, два брата и родители. Ещё в этом же городе жил брат отца с семьёй. Когда пришло время эвакуации, папа пошёл к нему с предложением уехать, но он отказался под предлогом, что он не боится немцев, так как у него британское гражданство, которое получил будучи в гостях у родителей в Тель-Авиве. Через два месяца его убили – и фамилию не спросили, а только гражданство. Заживо сгорела его жена и двое детей в г. Резина.

Нас от расстрела несколько раз спасало чудо. Однажды к нам нагрянули фашисты. Пока расспрашивали, в другой комнате солдаты грабили наше имущество. Один из них почему-то заглянул в семейный альбом с фотографиями. На одной из них узнал своего отца и ещё одного военного. С этой фотографией подошёл к нам и спросил, как эти двое оказались у нас и кем они нам приходятся. Мать ответила, что она родом из Румынии, и что один из тех, кто на фотографии, муж её сестры, второй – его лучший друг и бывший сосед. Нас помиловали, смерть обошла нас. Как правило после таких посещений никого не оставляли в живых.

В первую неделю войны в городе грабили, расстреливали. У нас были свои лошади, и потому отца обязали заходить в каждый дом – собирать убитых и отвозить на кладбище. Там уже были вырыты могилы, куда все трупы и сбрасывали. Позже, чтобы ускорить процедуру, евреев стали гнать живыми на кладбище, и там их расстреливали. Когда прекратились грабежи и расстрелы, всех оставшихся в живых собрали и под конвоем погнали в неизвестность. Первый привал был в Могилёв-Подольском на еврейском кладбище. Без еды, без воды нас гнали, как животных вдоль Днестра. Однажды мы шли через лес, который назывался Косоуцкий. Пейзаж, как на картинке. Дорога чистая, выложена

камнями. Обочины зелёные, ни соринки. И вдруг по пути следования оказался колодец, да ещё с ведром, пристроенным по молдавскому обычаю. Люди кинулись к колодцу, а кто помоложе, побежал к лесу, думая, что их не заметят. Но опешившие при виде колодца солдаты быстро пришли в себя и открыли стрельбу на поражение. Много людей погибло, кого пули не достали, догнали собаки. Нас погнали дальше. Кто хоронил погибших, не знаю. Знаю только, что среди сотни убитых был и мой отец.

Впереди было местечко Вертюжаны. Нас расселили в бывших еврейских домах, большую часть жителей которых расстреляли. Мы радовались тому, что вокруг много колодцев, хоть можно будет напиться. Потом оказалось, что все они были отравлены. Ежедневно хоронили сотнями, а люди продолжали пить воду из колодцев. Многим уже было всё равно, как умирать. На место умерших пригоняли новые колонны. Некоторых угоняли и сжигали, как, например, мою тётю.

Так мы продержались месяц. Потом нас погнали на Украину.

Осень выдалась ранняя и холодная. На полях урожай был уже убран. Когда уставал конвой, делали привал. Подконвойные усаживались на землю и начинали рыть вокруг себя в поисках мелкой картошки или свёклы. Такая еда сил не прибавляла, но утоляла чувство голода.

Начались заморозки. Нас становилось всё меньше, даже изверги-конвоиры иногда стали проявлять жалость. Чтобы мы не спали на снегу под открытым небом, нас стали загонять в свинарники. Там было ещё хуже: разбитые окна, сквозняки и, главное, душила вонь. Я обморозила ноги. А тут ещё начался тиф. Кроме мамы, заболели мы все. Но даже с тифом нас гнали дальше.

Наконец, добрались до Бершади. Поселили в многокомнатном доме. Нашей и ещё одной семье дали одну комнату. Теснота, трудности рождали ссоры, были они и в нашей среде. У соседки по комнате Цинны было два сына. Элик был очень активным, расторопным мальчиком – мог и попросить, и заработать, мог и украсть. Хуна, наоборот, был молчаливым, мог подолгу молча сидеть под ватным одеялом. В одном деле он не имел конкурентов – очень умело клеил рваные галоши. По вечерам зажигал лампадку – немного масла, фитиль, скрученный из вырванного из одеяла куска ваты, дальше готовил клей: кусочки какой-то резины растворял в бутылке с бензином.

Однажды у него упала лампадка. Всё, что лежало вокруг него, было намазано клеем. Всё сразу же вспыхнуло. Хуна испугался, видно, был в шоке. Вошла моя мама, увидела пожар, схватила ведро с водой и вылила на одеяло. Пламя погасло, но Хуна вдруг встрепенулся и поднял крик, зачем намочили одеяло – “Пожар-то мой был”, - кричал он. Все жильцы собирали для Хуны, чем укрыться, пока его одеяло сохло.

Наконец, мы с сестрой начали выздоравливать после тифа. Сразу пошли в село искать работу. У одной бездетной немолодой семьи я варила для их свиней, убирала в доме, носила коромыслом воду. Денег не давали, но ела, сколько хотела и даже для мамы давали. Сестра моя работала сразу в двух семьях – бухгалтера спиртзавода Ясинского и механика колхоза Щапринского, сын которого Саша, бывший учитель, был связан с партизанами.

У нас с сестрой была ещё одна большая забота: кутаться, одеваться так, чтобы солдаты и полицаи, дежурившие на мосту, при выходе из гетто в село не узнавали в нас евреек.

Так мы продолжали жить.

Первыми, кто освободил наш город от фашистов, были партизаны на трофейном танке с замазанной свастикой. За ними – красноармейцы. Это было весной 1944 года. Мы боялись идти домой, не верили, что наступила настоящая свобода. С наступлением осени всё-таки убедились, что немцы не вернуться, и отправились домой. Он оказался разрушен.

Домой вернулись втроём: мама, я и сестра. Брат Давид погиб в другом лагере.

Под прикрытием легенды

Михаил Кусковский

Родился я в селе с красивым названием Излучистое, что на Днепропетровщине. К началу войны мне исполнилось девять лет. Когда враг перешёл границы нашей страны, не стоял вопрос: "Что делать?". Все думали, что немцы пришли ненадолго. Но время, события показали другое. В августе наша семья – мама и четверо детей (папа был на фронте) – решила эвакуироваться в глубь страны. Не успели переправиться через Дон, как попали в окружение немецких войск. Вместе со всеми беженцами нас погнали на уже оккупированные территории. Так получилось, что постепенно собралось в одну группу тридцать два человека – в основном, родные и жители нашего села. Среди нас оказалась женщина по имени Берта Шабыс. Она была преподавателем немецкого языка в университете. Судя по дальнейшим событиям, этим языком она владела очень хорошо, что впоследствии не один раз спасло и сохранило наши жизни. Нам удалось скрыть, что мы евреи, и выбраться из общего потока гонимых. Тем, у кого мы вызывали подозрение, Берта сообщала, что она немка, а мы украинцы и возвращаемся в своё село, и что эти люди, то есть мы, при советской власти не раз спасали ей жизнь. Она говорила так уверенно и так чисто, что у фашистов эта легенда ни разу не вызвала сомнение. После каждой такой встречи мы мысленно благодарили Б-га за спасение и со страхом и ужасом продолжали свой путь.

Как-то мы наткнулись на полицаев, и они решили нас уничтожить. Неожиданно появилась небольшая колонна мотоциклистов, сопровождавших легковую машину. Берта кинулась к ним. Машина и мотоциклисты остановились. Берта рассказала "нашу историю". Не знаю, что подействовало, что помогло, но ей поверили, да ещё на официальном бланке, по приказу вышедшего из легковушки офицера высокого чина, написали разрешение на беспрепятственное прохождение нашей группы к месту нашего жительства. Но даже имея эту бумагу, мы решили не искушать судьбу, днём отсиживались в лесах, скирдах

сена, чтобы никому не попасть на глаза. Несмотря на все предосторожности нас обнаруживали и пять раз вели на расстрел.

Вот один из таких случаев. В Краснодоне мы опять наткнулись на украинцев-полицаев. Берта начала рассказывать легенду, но полицаи по-немецки не знали и читать не стали. Нас повели, а затем выстроили над одной из затопленных шахт, чтобы расстрелять. В последнюю минуту на дороге показалась колонна фашистов во главе с немецким генералом. Остановились возле нас, спросили, что происходит. Берта рассказала и показала бумагу. Генерал прочитал, крепко выругался, приказал полицаям лезть в кузов. Колонна двинулась, а мы остались. Продвигаясь от села к селу, мы продолжали свой путь. До победы было ещё далеко, и перед угрозой смерти мы были ещё не один раз.

Однажды мы спрятались в скирдах. Ночью нас обнаружили объездчики полей. Привели в село. Судьба спасла нас и на этот раз. Староста Калинка и бухгалтер Зинченко помогли нам спрятаться. За укрывательство евреев немцы расстреливали. Наши спасители не выдали никого.

В феврале 1944 года немцы собрали всех жителей деревни, и нас в том числе, и заперли в доме на окраине. Набили столько людей, что можно было только стоять. Моя мама понимала немецкий язык, она услышала, что дом должны взорвать вместе с нами. К счастью, не успели, спасли бойцы Красной армии.

О некоторых свидетельствах из жизни группы того периода, указанных в воспоминаниях М. Кусковского, сообщается в "Черной книге", составленной под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга. Иерусалим 1980 г.

Мир – не без милосердных

Вера Лавина

*Из воспоминаний моей мамы,
Лавиной Зинаиды Соломоновны.
Благословенна её память.*

Фашисты вошли в местечко Ильино, Тверской области 18 июля 1941 года, а в августе был издан приказ, обязывающий всех евреев явиться в немецкую комендатуру. За неповиновение – расстрел. Пришедшим туда выдали жёлтые звёзды, которые необходимо было носить на груди и спине, и объявили обо всех ограничениях.

Второй раз всех евреев собрали там же и строем отправили в гетто, находившееся на окраине посёлка, рядом с еврейским кладбищем. Это значило, что в сентябре 1941 года по улице Пролетарской выселили всех русских из своих домов, огородили местность колючей проволокой и по сорок-пятьдесят человек вселили евреев в опустевшие маленькие жилища.

Гетто охранялось немцами и полицией. Вход посторонним в него был воспрещён под страхом смерти. Только по ночам десяти-двенадцатилетние русские мальчики, с опасностью для жизни, подбрасывали своим землякам хлеб и картошку.

Зимой в гетто начался голод. Но умирали не только от голода, но и от холода. На улицах, в домах убирать трупы запрещалось. Трудоспособных узников выгоняли работать на чесальную фабрику, убирать конюшни и т.д.

Утром 24 января сорок второго года, в сильный мороз, всех узников гетто вывели на расстрел. Под конвоем привели к озеру, где уже были выдолблены несколько лунок. Продержали почти до самого вечера. Многие падали замертво. Но до выстрелов так и не дошло. Почему держали, почему не расстреляли – загадка, не поддающаяся разгадке.

Мне было чуть больше года. От холода и голода я расплакалась. К маме подошли немец и полицай и приказали успокоить меня. Потом начали плёткой бить маму по рукам. Я упала. Мама хотела меня поднять, но её продолжали бить по рукам и спине. Плакала я, лёжа на снегу, плакала моя мама и

бабушка, ослепшая в гетто, а фашисты смеялись. Этот “спектакль” продолжался до тех пор, пока я не замолчала.

Промучив целый день на морозе, всех оставшихся в живых погнали обратно, в гетто, намереваясь с утра начать всё заново. Однако на следующий день, чуть заря, нас освободила Красная армия. Это было 25 января 1942 года.

Когда прошли по тому маршруту, по которому нас вели, увидели страшную картину: на всём пути – трупы евреев.

Лежание на снегу для меня не прошло бесследно. Были отморожены щёки, руки, и я заболела двусторонним воспалением лёгких.

После освобождения идти нам было некуда. Нас приютила русская женщина, по фамилии Виноградова (имени, к сожалению, не помню), у которой имелись свои маленькие дети. Она позвала для меня врача, ходила за милостыней в деревню, чтобы накормить сначала меня, а потом своих детей. Но долго оставаться у неё мы не могли: один русский офицер предупредил, что освобождён только маленький пяточок, а вокруг – немцы. Оставшиеся в живых евреи смогли эвакуироваться.

Врач и женщина – хозяйка дома сделали всё, чтобы я осталась жива. А затем, дав нам немного еды и тёплой одежды, помогли эвакуироваться.

22 июня 2000 года в местечке Ильино состоялось открытие монумента. На нём табличка : “Воинам-освободителям и узникам еврейского гетто (1941 – 1945 гг)”.

Мёртвые падали на нас

Сима Ланда

Когда началась война, мне было одиннадцать лет.

Наша семья состояла из шести человек: отец, мама, два брата, сестра и я, самая младшая. Старший брат ушел на срочную службу еще в тридцать девятом году. Отец отвез нас в Дзыговку, это в двенадцати километрах от нашего города

Ямполь, Винницкой области, что на Украине, а сам отправился на призывной пункт села Качковка.

На следующий день стали бомбить и, спасаясь, мы – мама, брат, сестра и я, пошли пешком, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого ужаса. Добрались до еврейского местечка Жабокрыч, что недалеко от Тульчина, но там уже были немцы и румыны. На следующий день, в пятницу, собрали всех еврейских мужчин, затем, в субботу, остальных – стариков, женщин и детей. Крик и вой был ужасный, и теперь, когда прошло больше шестидесяти лет, не забыла этот ужас.

Вначале всех загнали в сарай и хотели сжечь. Видно, что-то изменилось – не подожгли. Начали расстреливать стариков, комсомольцев, не успевших снять значки. Затем оставшихся загнали в подвалы, их было много. Мы попали в подвал, что был на базаре. Когда все забили людьми до отказа, начали расстреливать пулеметами. Жертвы стали падать друг на друга. Стонущих добивали. Мертвые падали и на нас. Сестру убили сразу, а мама, брат и я остались живы. Ночью мы выбрались из этой братской могилы. Потом нас опять поймали и вновь загнали в подвал, где находились одни мужчины. Опять бежали. Мама не смогла, осталась в заточении. Ночью мы с братом попытались выбраться из города. Шли по безлюдью, далеко от дорог, ночевали в стогах сена. Что испытала по дороге, передать невозможно. Закричит ночная птица – я немею от ужаса. В свои одиннадцать лет я никогда не была в поле, звуков таких птиц не слыхала. Увижу зажженные фары машин – вздрогну. Брат внушал мне, что надо вести себя тихо, иначе нас опять поймут и убьют наверняка.

Сколько мы набрались страху, горя и мук, пока добрались до нашего города Ямполь, не описать.

В подвалах брату прострелили правую руку, и он мучился от боли. Я не знала, что надо делать. Как-то все-таки удалось добраться до раньше лечившего нас фельдшера Рогозинского, и, в конце концов, он его вылечил.

Остановились мы в своем доме. Собрались и другие евреи, оставшиеся в живых. Через месяц вернулась и мама. В свои сорок два года она выглядела старухой. Нас осталось трое. Из всех относительно здоровой была только я. Чтобы прокормиться, ходила по полям, собирала все, что можно было жевать. Затем начала пасти овец и коз, нанял меня бывший пастух.

В нашем доме произошли перемены. Поселился полицай с женой, и потому нас отправили в кухню. Нас не обижали. Зато мне доставалось от хозяина бывшего пастуха. Вначале, когда меня нанимали, договорились об оплате, пропитании, но денег я так и не увидела, да и еда была редко, а вот побои за это время часто терпела.

Однажды к нам зашла моя одноклассница. Мама ее не раз подкармливала. Молдаванка Люба говорит мне, что хочет помочь принести воды из колодца, что был недалеко во дворе пекарни. Мы пошли. Остановились возле него. А она и говорит: «Смотри, как внизу красиво!» Я глянула, а она меня толкнула. Падая, я успела схватиться за цепь. Как-то удалось упереться ногами о стенки колодца, и что есть мочи, стала кричать. На мое счастье, во дворе курили пекари. Они тут же кинулись ко мне. Кто-то спустился в колодец, вытащили меня. Позвали моего семнадцатилетнего брата, и он унес меня домой.

Начались холода. Коз и овец уже не гоняли на выпас. Я осталась без работы. Пошла по людям искать что-нибудь. Вскоре отправили в гетто первую партию евреев. Пока у нас жил полицай, нас не трогали. В ноябре он уехал, и в ту же ночь нас отправили пешком, даже одеться не дали, в гетто на станции Ладыжин. На берегу реки Буг был каменный карьер, на противоположной стороне стоял город Умань. Лагерь состоял из двух ярусов. Кто раньше прибыл, тех поселили наверху, и там иногда немного подкармливали. Нас поселили внизу. Спали на цементе, но самое страшное, здесь было множество крыс, чуть замешкаешься, и грызут пальцы. До сих пор жутко.

Мама уже не поднималась. У брата помутился рассудок. Мне приходилось заботиться о них, искать пищу. За едой

отправлялась на гору, где хоть понемногу кормили. Но подниматься босиком по скользкой горе, ежеминутно скатываясь вниз, а потом возвращаться с пустыми руками – сколько слез было пролито. А видеть их беспомощных и голодных – душа разрывалась от горя.

Мама умерла у меня на руках, даже в последнюю минуту давая наставления, как выжить. Одно из них – жевать все, что жуется. Умерла она в полном сознании 20 января сорок второго года. Тело ее бросили в яму, заполненную водой. Вот и все. В конце зимы этого же года нас перевели в гетто в село Тростянец. Там умер мой брат. Я осталась одна.

Кто-то приехал из Румынии. Собрали детей – сирот. Отправили в Тульчин. Затем везли через Ямполь в село Косоуцы. Меня оставили в Ямполье. Обо мне говорили – живой труп. Опекала меня семья Гуральник (земля им пухом!). Они сумели поставить меня на ноги в тех нечеловеческих условиях, сами рискуя жизнью.

Через семь месяцев нас освободили. Это было 17 апреля 1944 года. Не верилось, что кошмар и ад закончились.

Я перешла в свой дом. Своими силами в свои четырнадцать лет отремонтировала его. Мне еще долго было страшно. Стоило закрыть глаза, я видела смерть мамы, убийства, убийства. Я кричала. Моя покойная мать говорила мне, что я должна выжить, дожидаться возвращения отца, брата. Я выжила. Написала в Москву. Пришел ответ: брат погиб 24 августа сорок второго года, отец пропал без вести. После этого по ночам я выла от боли и просила Б-га забрать меня. Всевышний не взял. Я осталась сиротой. Пошла в школу. Летом подрабатывала, пенсии не хватало. Пришло время взрослости. Начала работать. Вышла замуж. Родился сын – стопроцентный инвалид.

Все это для меня – война.

Уцелела. Выжила.

Софья Левина (Слепян)

Я – уроженка г. Минск (Белоруссия), одна из немногих, спасшихся в минском гетто во время Катастрофы в период 1941-1943 годов.

Мои родители – Слепян Абрам и Фрида – были совсем молоды, когда их настигла война, и они погибли.

Мне было четырнадцать лет, я успела окончить семь классов средней школы и думала, как и где провести летние каникулы, когда утром 22 июня 1941 года по радио прозвучал голос министра иностранных дел В.М.Молотова, сообщавшего о том, что немцы перешли границу Советского Союза и начали войну.

Я с братом Вовой, он был младше меня на три года, находились дома одни, родители – на работе. Когда вечером, собравшись вместе, мы увидели лица перепуганных родителей, их состояние передалось нам.

24 июня от первых брошенных немцами бомб был разрушен наш дом. Мама, работая в детском саду, в соответствии с законом, не имела права оставить рабочее место и вынуждена была взять меня с братом с собой. Там мы оставались несколько дней, пока не пришлось убежать из горящего Минска.

Отец также оставался на рабочем месте. Он заведовал столовой-кафе на крупной фабрике и состоял в пожарной команде как мобилизованный, не имея права покинуть её.

В течение двух-трёх дней, когда город горел, наступило безвластие. Люди, бросая свои рабочие места, разбегались. Мои родители, вместе с нами, тоже вынуждены были бежать. Пешком добрались до деревни, что в сорока километрах от Минска, но неожиданное и быстрое появление немецкого десанта заставило вернуться в город.

Итак, мы снова в нашем разрушенном и теперь уже разграбленном доме, но жить в нём не было суждено. Отправили нас в другой район – гетто для евреев. Поселились в помещении одного из цехов предприятия по изготовлению безалкогольных напитков. Половина цеха была наша, вторая – другой семьи. Вместе с нами на нашей части проживали бабушка Хава и сестра

моей матери Бася со своей пятилетней дочерью Симочкой. Началась новая непонятная и пугающая жизнь. Страдания в гетто возникли в августе сорок первого. Через месяц после того, как поселились в гетто, немцы стали устраивать облавы на мужчин. Заходили в каждый дом, забирали и уводили, не говоря, куда. 31 августа в один из таких же дней увели и моего отца. По имеющимся данным, всех захваченных расстреляли в нескольких километрах от Минска.

Мы остались без отца. Маме, тётке Басе и мне приказали ходить на работу по очистке города от строительного мусора, не платя за это ни гроша.

Территория гетто была огорожена столбами, между которыми натянули колючую проволоку. Кроме того, со стороны нееврейского района патрулировали местные полицаи (русские, белорусы).

Администрацию гетто возглавлял еврейский комитет – кигила. В штат комитета входили разного рода чиновники, а также милиционеры-административники¹⁸. Они носили отличительный головной убор, на колышке которого были слова: “юден-раде” Имелась также и биржа труда, куда ежедневно немцы приходили, чтобы уводить нас на работу. Над всей этой администрацией стоял немецкий комендант со своими помощниками. В дни погромов немцы управляли ликвидацией, а исполнителями были местные (не еврейские) полицаи.

Зимой сорок первого - сорок второго годов моя мама Фрида, тётя Бася, я, брат Вова и даже маленькая Симочка шли через весь город на товарную железнодорожную станцию на работу по очистке железнодорожных путей от льда и снега. Симочку брали, чтобы не оставлять одну дома, как могли, прятали среди взрослых.

За это время в гетто произошли два больших погрома – 7 и 20 ноября. Третий, ещё более тяжёлый, состоялся 2 марта 1942 года.

В день последнего погрома я осталась дома с детьми, а наши мамы ушли на работу и не вернулись. По неточным данным, колонны работающих привели к территории гетто, но не

¹⁸ Имеется ввиду юденрат. Одним из подразделений юденрата была еврейская полиция, назначаемая немецким комендантом гетто. Она следила за порядком, но сама в конце концов была уничтожена “новым порядком”. *А.Альтман, А.Гербер, Д.Полторак. История холокоста на территории СССР.*

впустили. Вскоре их погрузили на грузовики и увезли в неизвестном направлении.

Нас осталось трое сирот: пятнадцати, двенадцати и шести лет. В одном из самых ужасных мест – гетто города Минск.

Исследователи утверждают, что это гетто было экспериментальным. Немцы производили опыты: сколько могут люди просуществовать в страхе, голоде и холоде и во что после всего этого они могут превратиться.

Что с нами произошло в дальнейшем? Я и брат Вова заболели тифом, и нас забрали в больницу, что находилась в гетто. Нашу Симочку определили в детский дом, который также находился на этой территории, и где она вскоре умерла от голода.

Мы с Вовой выздоровели и пережили ещё один погром в июле сорок второго года. Он длился три дня. Вова сумел-таки убежать и оказался у чужих, русских людей, спрятавших его. Когда стало известно, что погром закончился, он вернулся, хотел найти меня. Я же регулярно ходила на работу – рыть котлованы для цистерн с горючим. Все три дня нас держали в каких-то казармах. Немцы сохраняли рабочую силу.

Вернувшегося Вову через “юденрат” поместили в детский дом, я по возрасту не подходила. После каждого погрома с уменьшением количества узников фашисты уплотняли и территорию гетто. Меня приютили на крохотное место, где уже проживали шесть человек.

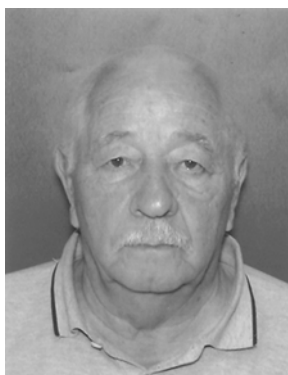
Ночью в феврале сорок третьего года карательный отряд “СС” явился в детский дом. Всех здоровых детей увезли в “никуда”. Среди них был и мой братик Вова. Больных умертвили прямо на кроватях, кинжалами перерезав горла.

Я осталась одна. Продолжала работать. Получала тридцать-сорок граммов хлеба и черпак супа их морских водорослей и креветок в панцире.

В конце октября 1943 года наступил последний день гетто. Его уничтожали несколько дней¹⁹. Немцы заметали следы. Где-то за час до прихода карательного отряда “СС” мне удалось убежать. Через несколько дней блужданий оказалась в

¹⁹ Минское гетто – еврейское гетто в Минске, созданное нацистами в период оккупации территории Белоруссии. Гетто было одним из самых крупных в Европе, а на оккупированной территории СССР занимало второе место после Львовского. Минское гетто, в котором погибло около 100 тысяч человек, было уничтожено нацистами 21-23 октября 1943 года. *По материалам Википедии – свободной энциклопедии.*

партизанской зоне. Меня зачислили в отряд им. Комсомола бригады “За Советскую Беларусь”. Через девять месяцев, когда советские войска освободили Минск, в числе партизанского соединения я вернулась в город. Началась жизнь с нуля.

Наказание – расстрелять, повесить

Владимир Левинов

Воспоминания моего детства всегда вызывали чувство горечи и фатального восприятия действительности. Нет, я не помню, чтобы в то время меня обуяло чувство страха, боязнь за свою жизнь.

Постоянное чувство голода, как наполнить всегда напоминающий о себе желудок, гнали под колючую проволоку, окружающую Большое и Малое Брестское гетто, на городские помойки и примыкающий к гетто базар.

За год до войны мои родители (отец Семён, ветврач, мать Мария, врач бактериолог) были направлены на работу в г. Брест-Литовск. Отец был обвинён в экономической диверсии – разрешил прирезать больную тёлку. Его репрессировали, отправили в Заполярье, на Новую Землю. Мать с тремя детьми (Борей – тринадцати лет, семилетней Бертой и мной, пятилетним) остались в Бресте, где нас и застала война. Мы жили на Советской улице недалеко от железнодорожного вокзала. Однажды проснулись от грохота, выскочили из дома и в чём были побежали к центру города. Рядом раздался взрыв. Мы забежали в первый попавшийся двор и спрятались в каменном погребе сарая. Просидели до утра, потом вошёл мужчина и сказал, что в городе немцы. Вернуться домой больше не могли, так как уже к десяти утра по всему городу проводились аресты. Со слов взрослых я узнал, что за первые две недели было арестовано и расстреляно две тысячи человек. Мы скрывались у знакомых, а когда это стало невозможным, в каком-то бараке на берегу реки Мухавец.

Помню, как на грузовиках приезжали немцы и увозили мужчин, якобы, на работы, а потом их никто не видел. В августе сорок первого года фашисты огородили гетто колючей проволокой. Начали колоннами отправлять женщин на полевые работы. Потом пропал брат Боря. Уже после войны узнали, что он попал в облаву и был расстрелян вместе с шестьюдесятью дамачевскими ребятами.

В гетто я переболел дизентерией и другими разными болезнями. Видел, как казнят через повешенье. У немцев было два наказания – расстрелять, повесить. Не знаю, каким чудом остался живым.

Незадолго до полной ликвидации гетто 15 октября 1942 года по подложным документам нам удалось бежать на Украину, где весной 1944 г. были освобождены войсками Первого Украинского фронта. В Брестском гетто немцами было убито около сорока тысяч евреев. Многие из них лежат во рвах на Бронной горе под Брестом. В живых осталось двадцать три человека. Об этом подробно рассказано в книге Е. Розенблат “Жизнь и судьба Брестской еврейской общины. 14-16 век”, Брест, 1993 г.

Мой дедушка Зусь Эле, бабушка Ента и первая жена отца погибли в Витебском гетто, дядя Соломон партизанил. Дядя Яков сражался в действующей армии, дослужился до звания майора и умер в возрасте девяноста шести лет. Дядя Боря погиб в Белостоке, в начале войны. Мать умерла на пятьдесят девятом году жизни. Отец похоронен под Тулой.

Будь она проклята – эта война!

Никогда не забуду

Дора Лехтман

Место моего рождения – город Флорешты, что в Молдавии. Как только немцы добрались до Румынии, жители города в массовом порядке стали эвакуироваться. В их числе оказались и мы с отцом (моя мама умерла в 1939 году). Так началась моя новая история, которая

изменила всю мою жизнь.

Мне к тому времени исполнилось пятнадцать лет, и мы со слепым отцом направились в село Великая Косница, Ямпольского района, что на Украине, но добравшись до Днестра возле города Каменка, остановились. Мост был разбомблен, переправляться через реку пришлось на лодке, что заняло немало времени. На другом берегу мы наняли подводу и спустя какое-то время добрались до Великой Косницы. Там жили мои дедушка и дядя. Но радость встречи была недолгой. Через два дня в село пришли немцы. Всех евреев собрали возле сельсовета, а затем погнали в Вертюжаны. В пути мы пережили ад – лил дождь, ноги утопали в грязи, практически ничего не ели, постоянно терпели побои и издевательства. Наконец, нас довели до села Кузьмин и загнали в заброшенную школу. Сами немцы расположились на обочах неподалеку. Но как только они разместились, в небе послышался гул и появились советские самолеты. Немцы в спешке бросились в лес, оставив нас в школе. Мы оказались свободны и решили вернуться обратно, к месту жительства дедушки, хотя понимали, что там могли быть немцы.

На обратном пути на мосту мы увидели гору трупов мужчин и женщин. Для меня это был шок, и он никогда не забудется.

В Великой Коснице спокойно было всего один день. Вернулись немцы. На площади собрали всех мужчин и, связав по четыре человека локоть к локтю, отправили по реке в лодках в гетто "Вертюжаны". В селе остались лишь мужчины-инвалиды, женщины и дети. Немцы опять ушли из села. Через два дня я с отцом и с женщиной, с которой мы познакомились в Великой Коснице, отправились в Мясковку, до которой было семьдесят километров. В селе наша знакомая ушла к своей родственнице, нам же прохожие посоветовали пойти в сторону пустовавшей

синагоги. Там оказался сторож, который и поселил нас в небольшом сарайчике. Все было бы ничего. Но вот налетели карательные отряды, эсэсовцы. Ежедневно нас выгоняли на работу: летом от зари до зари на поля, зимой – на уборку снега. К собакам относились лучше, чем к нам. Мы постоянно терпели унижения и издевательства, нас постоянно избивали, девочек, девушек, молодых женщин насиловали. Но раз в неделю к нам с папой приходил старый еврей, который жил в своем доме, и приносил буханку хлеба и кастрюлю супа. Этот день был единственным светлым днем в течение того времени, что мы находились в этом селе. Мойше Шарогородский, так звали старого еврея, приносил пищу и другим еврейским семьям. Он менял свои пожитки на продукты, сам готовил и приносил поесть другим евреям гетто.

В сорок втором году мой отец умер, и меня забрал к себе этот старый Мойше. Его жена была парализована, и я стала ухаживать за ней и следить за порядком в доме. Кроме того, я обязана была ежедневно выполнять ту работу, что была предназначена для всех находившихся в гетто. Так продолжалось вплоть до нашего освобождения Красной Армией.

Среди вандалов

Клава Либерман

Когда началась война, мне было четыре года. Я не помню лиц своих родителей, стерлись из памяти погибшие родственники, но живут до сих пор чувства тревоги, страха, горя, остались в памяти слезы на лицах тех людей, кто был рядом со мной в ту пору.

Вспоминаю звуки духового оркестра на базарной площади. Как мне было хорошо и тепло на руках у папы. Но мама и сестра почему-то плачут. А потом папа ушел, и я его больше не видела никогда. Вскоре стало звучать неизвестное и непонятное слово "эвакуация". Я не знала, что оно значит. Но когда всех детей посадили на подводу, а взрослые пошли пешком, и с неба на нас начали падать бомбы, а фашистские самолеты летели так низко, что мы видели лица летчиков, я поняла, что слово "эвакуация" – это нехорошее слово.

Под градом бомб, потеряв из виду взрослых, мы доехали до Тульчина. А там уже были немцы. Нам приказали вернуться домой. В нашем селе немцев еще не было, но евреи собирались группами, решали, то ли бежать куда-то, то ли оставаться. Вскоре по центральной улице села Бабчинцы прошагали и проехали на мотоциклах немцы, и вслед за этим немецкая комендатура созвала на сход все население и спросила, нужны ли "юдн". Со всех сторон слышались ответы, что евреи кровопийцы, мешают жить. На следующий день полицаи собрали молодых мужчин-евреев, якобы для рытья траншей на окраине села. Тут же пригнали семьи евреев-активистов и на виду у родственников расстреляли стариков, детей и женщин.

Это был июль 1941 года. Это был первый расстрел евреев нашего села.

Теперь евреи поняли, что хорошего ждать нечего. Многие убежали в румынские села. Ушли в село Дзыговка мои бабушка, дедушка и тетя. Мама и другая тетя – у обеих было по двое маленьких детей, понадеялись на чудо.

В августе состоялся второй массовый расстрел. Уничтожили оставшихся. Мы спаслись случайно: вместе с мамой спрятались в зарослях нашего вишневого сада. Слышали крики, плач

несчастных, которых полицаи гнали насильно, люди метались, просили пощады. Никто не пожалел их. Ни одного еврея не спасли жители села. А маленьких детей не расстреливали, бросали живыми в яму. После войны рассказывали, две недели земля "дышала" над этой страшной могилой.

В зарослях вишни мы просидели до ночи, затем спустились к реке и, крадучись, огородами пошли в сторону села Дзыговка, куда бежали наши родственники. Мы нашли их, но недолго радовались встрече. Вскоре вышел приказ о создании гетто. Была выделена улица, и нас поселили в полуподвальном помещении, которое не обогревалось. Без одежды, еды, самого необходимого. Взрослых каждый день полицаи гнали на работу, за которую выдавали кусок заплесневелого хлеба, немного муки или крупы.

В январе 1943 года мама пришла с работы вся избитая, и в ту же ночь умерла. Избивая ее, больную, полицаи заставляли работать.

Теперь мы с сестрой остались одни. Целыми днями находились на улице, потому что в нашем полуподвальном помещении было еще холодней. Носили продавать на базар кипяток, за что получали кусочек хлеба, морковку или немного семечек.

В апреле 1944 года нас освободили партизаны, но еще долго мы ощущали ненависть окружающих и видели последствия пребывания фашистов на нашей земле.

Расстреливали через одного

Раиса Липовецкая (Ципман)

Родилась я в Молдавии, в городе Сороки. Проживала там до начала Великой Отечественной войны – так называемой в России.

В первые ее дни город бомбили, и семья наша эвакуировалась через село Косоуцы, что на Днестре, в Ямполь. Было мне в ту пору четырнадцать лет. Спустя несколько дней по узкоколейке мы добрались до станции Вапнярка, где сели на товарный поезд и доехали до г. Балты. Мы вынуждены были прятаться и оказались в каком-то сарае. Потом пешком добрались до села Ясиново. Находившаяся там советская воинская часть сильно пострадала от бомбежек. Послышался рев мотоциклов и лай собак. Это пришли немцы. С помощью местных националистов они собрали всех евреев, поставили к стенке, а мужчин – семьдесят человек – отделили и через одного расстреляли. Остальных ночью погнали пешком. Многие, особенно дети, умирали от холода и голода. Днем нас пригнали на какую-то железнодорожную станцию. Это оказалась Балта. Моего отца к тому времени забрали в село Перелеты на работу в каменоломню. В Балте создали гетто, где мы с мамой, братом и двумя сестрами пробыли с сентября сорок первого до 29 марта сорок четвертого года, вплоть до освобождения нас советскими войсками.

Ужасы того времени невозможно забыть. Мы были, как рабы: подметали улицы, таскали камни, вскапывали землю под огороды, чистили туалеты, и все это за кусочек черного хлеба. По своим естественным надобностям ходили в уборную без дверей, и немцы могли расстрелять любого там находившегося. Именно так они убили мальчика, чем-то им не понравившегося.

В одной квартире размещалось по четыре семьи. Жили в страхе, ибо постоянно нас грабили румынские солдаты, а немцы без всякой причины просто убивали.

Однажды нас пригнали к помещению местной еврейской общины, где всем сделали прививки, после которых мы заболели

брюшным тифом. Многие умерли, а оставшиеся в живых до сих пор чувствуют последствия этих прививок.

Все ужасы нельзя описать, ибо больно и тяжело об этом вспоминать.

Хочется верить, что такое никогда больше не повторится.

Под номером 43224

Фаина Малкина (Райхман)

Мне было семь лет, когда началась война. Мы жили в Литве в г. Каунас, всего в ста пятидесяти километрах от Восточной Пруссии. Немцы появились в нашем городе уже в первые дни войны. Наша семья жила в районе Панемунай на другом берегу Немана, отрезанные рекой от железной дороги и шоссе. Мост через реку был уничтожен, и наступление было столь стремительным, что мы не сумели эвакуироваться, хотя, ничего не сказав, ночью уехали наши соседи – русские военные.

Немцами был отдан приказ, и с 12 июля 1941 года все евреи стали носить жёлтые “звёзды”.

С 15 августа всех евреев Каунаса заключили в гетто в районе Вилиамполе. Наша семья оказалась там же.

Потянулись страшные дни с ежедневными облавами и расстрелами в знаменитом Каунасском Девятом форте. Первыми жертвами пали пятьсот молодых мужчин, собранных, якобы, для работы, но тут же расстрелянных в самом форте.

Время от времени устраивались “акции”, когда производились облавы и уничтожали сразу большое количество евреев. В этот период вдвое усиливался конвой вокруг гетто, все со временем начинали понимать, что предстоит очередное уничтожение людей.

Вспоминается большая акция, которая состоялась 27-28 октября. Всё население гетто выстроили на большой площади. Одних направляли влево, других – вправо. Все шли по двое и старались, чтобы в паре был молодой, понимая, что в первую очередь будут уничтожены нетрудоспособные. Мы с мамой, проходя через цепь полицаев, каким-то чудом ушли вправо, а дедушка, тётя, двоюродный брат и другие родственники, оказавшиеся слева, - все были уничтожены в Девятом форте.

В гетто был голод и эпидемия тифа, которую скрывали еврейские врачи. Я болела брюшным тифом.

Врезалась в память так называемая “детская акция”, состоявшаяся 27-28 марта 1944 года. В первый день акции, когда молодые под конвоем были отправлены на различные работы за

пределы гетто, немцы согнали всех детей до пятнадцатилетних и стариков. Ходили по домам и всех грузили в закрытые машины. Окна в них были закрашены, внутри громко играла музыка, чтобы заглушить плач и крик.

Я была в автобусе смерти вместе с бабушкой, но стояла у входа, и когда дверь открывали, упрямо повторяла, что работаю по ночам. Меня выпустили.

Вернулась домой. Немцы продолжали рыскать в поисках детей и стариков-евреев. Соседка по комнате, увидев меня, сразу увела во взрослое отделение больницы, где работала медсестрой. Повязала мне голову платком, чтобы скрыть, что я ребёнок. На второй день “акции” мама спрятала меня у чужих людей в “малине”. Это были глубокие подвалы под землёй, построенные некоторыми жителями гетто.

В эти дни были расстреляны и сожжены почти все дети и старики гетто.

К 1944 году из семидесяти тысяч узников Каунасского гетто осталось в живых лишь несколько тысяч евреев. Всех оставшихся депортировали в концлагеря²⁰.

Мы с мамой с 13 июля сорок четвёртого года находились в концлагере Штуттхов. Я под номером 43224, мама – 43223.

Чтобы спасти мне жизнь, мамочка записала меня на пять лет старше, гримировала, прятала.

Нас отправляли на работы. Однажды при выходе колонн надзиратель Макс вытащил меня из центра. Он меня избил так, что я еле дышала, но немцы тщательно всех считали и торопили, и только потому и благодаря чуду я вышла с колонной из концлагеря на работы.

Пребывание в лагере и на работах – это сплошные надзирательские удары по спине, по голове. Там, куда нас направляли, мы жили в палатках, нашей главной задачей было – рыть окопы. У всех были отморожены руки, ноги, лица. Кормили

²⁰ Ликвидация гетто проводилась как часть политики “окончательного решения еврейского вопроса”. Когда принималось решение о ликвидации гетто, немцы призывали евреев добровольно являться для перевода их в трудовые лагеря, иногда сопровождая призыв обещаниями улучшить условия жизни. Но в большинстве случаев проводились облавы, и жители гетто силой доставлялись на сборные пункты, откуда их обычно перевозили поездами в лагерь смерти. Лишь немногим из жителей гетто удавалось остаться в живых. *История еврейского народа. Электронная еврейская энциклопедия. Ассоциация по изучению еврейских общин в диаспоре.*

отбросами, помоями. Рядом со мной никто не хотел работать, так как я, из-за страха перед побоями, копала безостановочно.

Освободили нас в январе 1945 года передовые отряды советской армии. Между Торном и Бромбергом. Первым нашедшим нас был разведчик-еврей из Ленинграда.

В живых остались немногим более ста пятидесяти человек, в том числе двое детей.

Многие годы после войны я старалась не вспоминать страшные дни, проведённые в гетто и концлагере, но они не забывались, ни днём, ни ночью, и сколько их было – этих бессонных с ужасными снами ночей...

Только имя осталось

Нюся Маньковецкая

Родом я из Могилев-Подольского, Винницкой области, что на Украине. Мой отец, Маньковецкий Семен Анисимович в первый день войны был призван в армию и вернулся только 7 июля сорок пятого года, контуженый, инвалидом.

Осталась я с мамой, которая через несколько месяцев должна была родить. Было мне в то время три года. Переехали в село Озаринцы, Могилев-Подольского района, и местные сельчане начали нас избивать и воровать все, что было в доме. В ужасе и страхе моя мама, Ошкинадзе-Маньковецкая Маня Хаймовна взяла кое-что из вещей, меня за руку и пошла по направлению к Жмеринке. Шли мы пешком по шпалам, к маминим сестрам и ее матери.

Я очень плохо помню, но в памяти сохранилось, как, измученные, мы все-таки пришли в дом к бабушке, который находился напротив милиции, а позже полиции. Мы оказались в гетто. Каждое утро взрослых и детей постарше гоняли на работу. Вскоре в этом гетто умерла моя бабушка, которая при лучших условиях могла бы еще жить. Мама родила девочку, и через две недели она умерла, так как нечем было кормить. Только имя осталось – Ида. Да еще в памяти ее образ: красивая, беленькая, с огромными синими глазами.

В гетто за колючую проволоку нам подселили еврейские семьи из Румынии, и мы, дети, очень быстро начали понимать друг друга. Самый главный разговор был о еде, куске хлеба, который принесет мама. Моя любимая сказка была о том, что кончится война, и мама напечет много-много хлеба, и я буду его кушать без конца, макая в молоко или жаркое. Да, действительно, я этого дождалась и благодарю за это Господа Б-га.

Мама в ожидании весточки о папе, как только разрешили, решила вернуться в Озаринцы. Приютил нас местный сапожник. Его дочь возилась со мной. Я в это время была очень больна, а мама уходила что-то обменять на любые продукты, чтобы хоть чем-то накормить меня. Давали свеклу, морковь – и это тоже была радость для нас. К несчастью, однажды во время одного из

таких походов маму искусила собака. Мало того, что ей очень трудно было передвигаться, так еще и лечить нечем было.

Как-то местный ветврач получил от папы письмо, в котором спрашивал, далеко ли нас немцы угнали, где наша могила. Обстановка была такая, что он и не мог предположить, что мы живы.

Это письмо ветеринар вручил маме, и началась переписка с отцом. Первая открыточка пришла мне с воспоминаниями о моих шалостях, привычках, желаниях, а затем пришел треугольник маме. Мы вернулись на прежнее место жительства. Пришла первая посылочка от отца, и ее тут же обменяли на еду. Только одну маленькую шоколадку дала мне мама. А я даже не знала, что это и как есть. Наслаждалась ее запахом долго-долго. Все никак не могла расстаться с оберткой.

Эти голодные, холодные годы остались в моих ощущениях на всю жизнь, и очень не хочется, чтобы мои дети, внуки когда-то это испытали.

Четырежды проклятый день

Гизия Медник (Вайсман)

Я уроженка города Хотин, Черновицкой области. Для меня 15 июля 1941 года – четырежды проклятый день. В этот день у нас сгорел дом, наш дом, и мы остались без крыши над головой. В этот день к нам в город пришли немцы. В этот же день расстреляли моего отца и тогда же у разбомбленной синагоги расстреляли пятьсот евреев нашего города.

На пятый день войны нашу семью вместе со всеми евреями собрали на площади и затем погнали в неизвестном направлении. Наше первое гетто было в г. Сокиряны. Я была в возрасте около пяти лет. Мы спали под столом. Часто у меня на руках спала полугодовалая сестричка. На столе спала другая семья. Помню, как однажды мама проснулась в ужасе. Ей приснился убитый немцами наш папа. Он принёс ей три кусочка сахара, мама будто бы спросила его: “Зачем три, у меня же четверо детей”. На что он ей ответил: “Тебе хватит три кусочка”. Проснувшись в испуге, мама обратилась к раву, который был в этом же гетто, и тот ей сказал: “Как Б-г ведёт, так и будет”. Сон оказался вещим. В ту же ночь на моих руках наша маленькая сестричка умерла. Условия гетто для неё оказались не совместимыми с жизнью.

Через несколько дней нас погнали дальше. По дороге немцы начали расстреливать передние и задние ряды. Мы шли недалеко от обрыва, и немцы прикладами сталкивали туда уставших и обессиленных. В их числе были и моя тётя с ребёнком и её свекровь. Мы же с мамой и ещё двумя сёстрами находились в середине колонны, поэтому и уцелели. Гнали нас очень долго. Наконец, остановились в с. Джурин, Винницкой области, где нас и поселили. Неподалёку находилась мельница, куда ребятишки бегали просить немного пшеницы или овса. Однажды туда приехали эсесовцы, а мы, я и ещё девять голодных еврейских детей, в очередной раз пришли просить немного отходов от муки. Один из немцев спрашивает хозяина, не еврейские ли это дети. Конечно, их всех расстреляли. На меня же хозяйка набросила платочек, дала кусочек хлеба и сказала, что я её ребёнок.

Хотя я была очень мала, но прошла страшные муки ада. До сих пор не могу вспоминать без слёз всё, через что пришлось пройти. И сейчас, когда слышу слово “война”, перед глазами встают ужасы моего детства. Я благодарю Б-га за то, что прошла через всё и дожила до сегодняшнего дня.

Война сделала детей стариками

Евгения Месожник

Я родилась в одном из самых маленьких местечек Подолья. До войны в нашем Комаргороде проживали двести евреев. В грозном 1941 году многие успели эвакуироваться, мужчины ушли на фронт. Кто-то ушел добровольцем. В числе последних была и племянница моего деда Спектор Хана Фолоковна. Она успела доехать лишь до Мариуполя. Немцы схватили ее и повесили на грудь кусок фанеры, где написали: «Партизанке капут», и расстреляли. Только после войны об этом нам рассказали чудом спасшиеся люди.

Немцы ворвались в наше местечко на танках с крестами, мотоциклах, с грохотом и гаркающей громкой речью, наводя страх на жителей Комаргорода. Над оставшимися евреями нависла смертельная опасность. Мне, пятилетнему ребенку, запомнилось многое из того, что происходило с нашими близкими, родными и соседями. Помню, как карательный отряд устроил свой штаб-квартиру у нашей соседки Кирницкой Явдохи. На моей памяти полицаи Василий Щерба, Довгань, Карло, имена односельчан, разграбивших наши дома. Моего деда забивали до полусмерти, ломали об него табуретки, били палками, прикладами винтовок, требовали денег, золота, которого у нас сроду не имелось. Дед Хаим сопротивлялся, кричал, что Красная Армия им не простит издевательств.

Война сделала нас, детей, стариками. Мы все понимали, терпели страх, побои, голод и холод. За четыре тяжелых года войны не все выжили, а те, кто из нас выжил, остались больными, и многие умерли молодыми. С детства я тяжело переношу и свою, и чужую боль. Помню каждого замученного соседа, до сих пор перед глазами «картины», как их вели в примарню (сельский совет) очищать площадь от травы, и, если немцу не нравилась работа, заставляли траву вырывать зубами. У стариков были красивые пышные бороды. Ими немцы пожилых людей тыкали в землю и заставляли выметать траву, мусор. Однажды во время таких “санитарных” чисток было схвачено восемь человек. Всех

увели в лес, заставили копать ямы, а затем расстреляли. Евреев же обязали закопать трупы. В этих ямах лежат И Ш. Креймер, ИХ. Бровер, Г.Я. Меерович, С.Х. Нагирнер, Ш.Д. Шенкер. Чудом удалось убежать из-под расстрела Менделю Шрайману, Хаиму Спектору (мой дед) и Фольку Спектору (брат деда). Двое бессарабских евреев, пытавшихся убежать вслед за ними, были убиты.

Несколько дней беглецы скрывались в камышах, на речке, в ямах. Наша семья и не надеялась на то, что они вернутся живыми. Случайно мой двоюродный брат Миша Спектор узнал, что они не погибли, где они находятся, и отправился на их поиск. Дед просил передать бабушке, что в руки немцев не сдастся, потребовал уйти, спрятаться от фашистов и румын. Дома и соседка Кирницкая посоветовала, чтобы мы, не мешкая, ушли, потому что карательный отряд уже квартирует у нее, и немцы расстреливают евреев на месте. Бабушка Эстер, мудрая женщина, ответила, что Б-г поможет выжить и знает, что с немцами будет. Затем она завернула в платок кусок хлеба, немного сахара, взяла и воды для детей. Окольными путями наша семья направилась в с. Липовка. Нам жалостливо смотрели вслед, а когда мы добрались до места, сообщили, что в Томашполе расстреляли много евреев, некоторых побросали в ямы полуживыми. Люди пытались выбраться, и земля поднималась, как будто дышала. От услышанного, от растерянности мы пошли дальше, не понимая, куда идем. Иногда нам, детям, по пути давали кусок хлеба. Видя, что у моей тети Иты Иосифовны на руках трехмесячный ребенок, выносили и бутылочку молока. Торопясь побыстрее уйти, мы шли по скошенному хлебу, по стерне, рая, царапая ноги. Неожиданно впереди гаркнул немец. «Хэнды хох! Шусен! Шусен! Юден капут!». Автоматный выстрел заставил нас прижаться к земле. Оказалось, что мы были вблизи Томашполя. Нас привели в центральный дом с открытыми, но зарешеченными окнами. В одном из них пожилой мужчина просился в туалет. К нему подошел немец и прикладом винтовки стал бить по голове, рукам. Кровь залила все окно, решетку и шапку несчастного. А немец приговаривал: «Шапку возьми для туалета».

В других оконных проемах тоже выглядывали люди. У многих была разодрана одежда. Побитые, измученные, голодные, с сине-черными подтеками под глазами, выбитыми зубами.

Нас затолкали туда же, к ним. Не помню, сколько дней или недель мы там находились. «Госпожа удача» в виде румынки, которой потребовались портнихи, забрала оттуда вначале моих маму и тетю, а затем нас, детей, вместе с бабушкой Эстер.

Война продолжалась. Продолжались и наши муки. Над нами издевались, нас унижали, лишали жизни, уничтожали. Грубо и изощренно. И все же мы выжили. Для будущего. Будем надеяться на мир хотя бы для наших внуков. Дай-то Б-г мир - нам и всему миру.

На снимке: Евгения Месожник со своими братьями и сёстрами. Март, 1944 г.

И тогда и после страх преследовал нас

Сёстры

Доня Мильштейн,

Гитл Шапиро,

урождённые Зукельман

Наша семья состояла из шести человек - родители и четверо детей. На начало войны старшему было восемь лет, младшему - восемь месяцев, нам, их сестрам, одной, Гитл, пять лет, другой, Доне - три года.

Когда в 1930 году состоялось воссоединение Западной Украины с СССР, папу отправили служить в воинскую часть города Черновицы. С ним переехала вся семья, за исключением старшей из нас - Гитл. Ее оставили с бабушкой, жившей со своим сыном в селе

Вендичаны, где он работал главным инженером-технологом заготовительной конторы.

В первые дни войны папу отправили воевать, даже с семьей не отпустили попрощаться.

Дядя решил с первым же эшеленом с зерном отправить в тыл свою мать с внучкой (ему дали бронь, пока не отправит все имеющиеся запасы зерна, подсолнечника, чтобы врагу ничего не досталось), но бабушка наотрез отказалась ехать без своей дочери и остальных внуков, от которых не было никаких известий.

К этому времени немцы начали бомбить Черновицы. Наш брат собирал в саду вишню. Взрывной волной его сбросило с дерева. Можно представить себе, что стало с мамой. Через пару часов прибыли машины, и всем семьям военного городка было приказано ехать на вокзал. Мама настолько перенервничала, была взволнована бомбежкой, тем, что произошло со старшим сыном, неожиданностью отъезда, что лишь на вокзале заметила отсутствие младшей дочери. Выпросила машину и помчалась за ней, держа на руках восьмимесячного ребенка. Приехав домой, положила на кровать малыша, схватила дочь и снова на вокзал. Стресс был так велик и тревога о старшем была так сильна, что

только в дороге она хватилась младшего сына. Пришлось снова возвращаться. Короче, когда они приехали на вокзал, места остались только в последнем вагоне. В пути следования фашисты разбомбили поезд. Уцелел только последний вагон, где ехала и наша мама с детьми...

Дальше продвигаться не было возможности. Мама вернулась к бабушке. Дядя, когда отправил последний эшелон, ушел на фронт, и больше мы его не видели. Знаем только, что он был офицером и погиб.

Мы остались в Вендичанах. Знакомые украинцы настоятельно советовали уезжать. К этому времени немцы заняли почти всю Украину. Куда ехать? Куда бежать? Переехали в Могилев-Подольский. По дороге над нами кружила «Рама» -

немецкий самолет. Но Б-г миловал. Самолет развернулся и улетел.

Вскоре после нашего приезда в город пришли немцы вместе с румынами. Комендантом стал немец Отто, все остальные исполняли его приказы. Мы были свидетелями, как через наш город гнали в лагеря смерти евреев из Бессарабии и Румынии. Шли измученные женщины, старики, дети. Когда кто-то падал, его сразу расстреливали.

В начале осени немцы издали приказ на немецком, румынском и русском языках о создании гетто. Вслед за этим начали сгонять туда всех евреев. Это была территория с каменным забором, сверху огороженным колючей проволокой. Вход один - через ворота. Выходить за пределы гетто запрещалось под угрозой расстрела. Каждый день приходил немец Отто. Вместе с полицией делали облавы, уводили людей в комендатуру. Больше мы их не видели и ничего о них не слышали. Вскоре немцы начали отстраивать мост через Днестр, для чего ежедневно выгоняли на работу узников гетто. Вместе с другими под конвоем уходила и наша мама. Подневольные носили камни на носилках, стояли по пояс в воде. Облавы у нас были часты, слышались стоны, крики, плач людей, которых избивали, убивали, забирали в комендатуру или отправляли в лагерь Печёра. В гетто делали непонятные уколы. Наш старший брат Сюня после одного из таких заболел тифом и умер. Лишения, смерть, голод и страх за близких превращали жизнь обитателей гетто в ад. Б-г знает, как мы это пережили и дождались освобождения. И после войны мы, дети, долго боялись выходить на улицу, страх преследовал нас.

Спасли сугробы

Сима Мерзон

Я родилась и проживала в г. Днепропетровск. Семья наша состояла из четырех человек: папа, мама, я и сестренка Фаня. К началу бедствий мне исполнилось одиннадцать лет.

В первые дни войны папа был призван на фронт, а мы не смогли эвакуироваться и остались на оккупированной немцами территории. Не успели уехать и наши дедушка с бабушкой.

Тринадцатого октября 1941 года, когда начался массовый расстрел евреев Днепропетровска, мы опоздали к месту сбора, так как жили на окраине города. Управдом выгнала нас поздно, и мы добирались пешком, ибо в трамваи евреев не пускали. Нам велели явиться к месту сбора на другой день к девяти утра. Мы опять опоздали, а встречные евреи сказали, что все оставлены до особого распоряжения. В тот же день мы узнали, что дедушка и бабушка погибли, они жили ближе к центру города.

Вскоре в управе состоялась перерегистрация евреев. В городе оставалось в живых всего около семисот пятидесяти человек.

В наших домах расположился отряд СС. Всех евреев переписали, на дверях выцарапали шестиконечные звезды. По несколько раз немцы приходили грабить, разбивали топившуюся печурку, выливали варившуюся пищу, забирали вещи, мебель. По ночам стучали прикладами в дверь, врываются, проверяя, дома ли мы, не давали спать. Мы голодали, очень мерзли. Выручали соседи, помогали выменять на какую-то еду оставшиеся вещи. Зима была снежной, и нас постоянно выгоняли на расчистку улиц, на уборку. Если чем-то не угодишь, толкали, бросали, издевались.

Немцы понимали, что добровольно евреи больше уже не пойдут на смерть, и начали “индивидуальную” работу. Врывались в еврейские дома, забирали находившихся там и расстреливали. Уйти из города было сложно. Зима свирепствовала, морозы доходили до 30-35 градусов. Немцы следили за каждым. 29 января 1942 года пришли за нами. Рано утром объявили, что состоится акция по выселению евреев в гетто. Мы понимали, что нас ждет. Были уверены и в том, почему

именно сейчас встал этот вопрос. Фашистам просто был нужен находившийся в нашем сарае уголь. Оставшейся мебелью они забаррикадировали нас в спальне, а сами отправились в сарай за добычей. Казалось невероятным, но нам удалось приоткрыть дверь и выскочить, не успев хоть чем-то прикрыться. Бежали, проваливаясь в снег, в насыпанные за ночь огромные сугробы.

Немцы хватились и начали преследовать. В нас стреляли. Спасли сугробы. Для расчистки снега на дорогах было согнано много людей. Пробежав какое-то расстояние, мы попали в одну из таких колонн. Мама взяла у кого-то лопату и начала чистить снег, а мы, дети, разбежались среди людей. Немцы нас потеряли. Среди множества работавших они не заметили нас и побежали вдоль улицы. Выбравшись из толпы, мы кинулись в другую сторону. Окоченевшие, перепуганные, не знали, куда деться. Решили идти к нашим знакомым, проживавшим в поселке Шляховка. С хозяином дома Родионом Поддубным папа работал до войны. Мы принесли в дом страх. Все понимали, что за укрывательство евреев грозит расстрел или виселица всей семье. Нас они впустили. Накормили, дали кое-какую одежду. Их старшая дочь Александра Родионовна, будучи квартальной поселка, по просьбе матери написала справку, заверив печатью, будто бы мы жили на их улице. С этой справкой можно было выйти из города. Пока же нас спрятали. Три дня мы находились у них в закрытом помещении. А 2 февраля 1942 года ушли, куда глаза глядят.

Проваливаясь в снегу, шли, боясь заходить в большие села. Выбирали хутора, где, по нашим представлениям, не было немцев и было меньше полицаев. Часто, когда заходили погреться, нам задавали один и тот же вопрос: «А вы не жиды?»

Наша мама, Гута Лейвиновна, была очень энергичной, сильной женщиной. Хорошая портниха. Благодаря этому некоторое время мы могли оставаться в теплом доме, иметь еду и ночлег. Но стоило нам где-то остановиться, как приходили полицаи, требовали предъявить справку, документ из гестапо. В конце-концов, пришлось возвращаться в Днепропетровск. В городе жил наш родственник. Мы догадывались, что он был связан с подпольем. И действительно он помог нам. По новому паспорту мама стала Морозовой. Снова дорога от села к селу, ночевали, где придется, иногда мама шила, и тогда мы были несколько дней под крышей, не думая о куске хлеба, но чаще приходилось просить хоть что-то поесть и пустить погреться.

Приближалась зима, и мама решила устроиться на работу в каком-нибудь колхозе. Осенью сорок второго года ее взяли свинаркой на ферму в селе Ганивка, Кировоградской области. Поселились в бараке при ферме, жили впроголодь, одежда изорвалась. Страх не отступал, окружающие подозревали, что мы евреи, но никто не выдавал.

Работа на ферме требовала больших физических и душевных сил. Мама часто болела, и тогда ее работу выполняла я. Спасло то, что в селе не было немцев, они наезжали только тогда, когда им надо было запастись продуктами. Нас же никто не выдал им.

В этом селе мы и дождались прихода Красной армии в октябре 1943 года.

Цена – честь и жизнь девушек

Софья Мильберт (Файнвильберг)

Я родилась в г. Рыбница, что в Молдавии. Мне было почти семнадцать, когда началась война. Семья решила эвакуироваться, но не успела. Молдавию уже оккупировали немцы. Следом за ними пришли их союзники – румыны. Надо было быстро на что-то решаться.

Из Рыбницы мы выехали и добрались до границы с Украиной. Остановились в с. Окны. Через две недели появились фашисты. К тому времени в селе было много евреев не только из этого села, но и из других мест. Через какое-то время тех, кто не жил здесь постоянно, выгнали на гору, неподалёку от села. Оказались там и мы.

Фашисты постоянно издевались над нами, шантажировали. Каждый раз, приходя, угрожали, что, если им не дадут столько-то девушек или определённую ими сумму денег, всех расстреляют. Вскоре немцев сменили румыны. Лучше никому не стало, потому что и они требовали то же самое. И только после того, как выполняли их требования, они не приводили угрозы в исполнение, и иногда кого-то отпускали. Мои родители откупились, заплатив большую сумму. Цена была дорогая, но я знаю и помню, что за это заплатили не только мы и не только деньгами. Поплатились честью и жизнью многие девушки.

Мы направились домой. Шли пешком, избегая людей. Пили из луж. Не было возможности помыться, привести себя в порядок. Чтобы случайные встречные не отобрали последнее, всё, что можно было, надели на себя. Завелись вши.

Наконец, добрались до Рыбницы. Наш дом попал в наводнение, и от него остались одни стены. Нас отправили за колючую проволоку, где уже было много евреев. Охраняли румыны. Как-то ночью, наученные прошлым, мои родители подкупили охранника-румына, и нашу семью отпустили: папу, маму, меня и брата. Нам указали, где мы можем жить, до сколько и куда ходить. За пределами гетто мы выбрали пустовавший дом. Не один раз мы были свидетелями того, как расстреливали людей, топили в речке только за то, что узники не успевали вовремя выполнить указанную работу. Ежедневно нас

отправляли на тяжёлые работы. Румыны оскверняли кладбища, переворачивали надгробья, справляли свою нужду. Каждую неделю евреев собирали на площади, перед этим приказав взять с собой все свои пожитки. Позже сообщали, что могут отпустить, если заплатим им огромные суммы. Это была ложь. Просто у нас забирали последнее. После того, как мы вносили нужные деньги, нас опять под конвоем отправляли на работы, выжимая остатки сил. Каждый день расстреливали, каждый день – тяжёлый рабский труд. Так было в течение всего времени – с сорок первого по сорок четвёртый год.

Началось наступление советских войск. В Рыбницу вернулись немцы. Поселились они и в нашем доме. Ежедневно спрашивали, где здесь “юды”. Папа отвечал, что здесь нет таких. Вскоре фашисты начали жечь какие-то бумаги. Видно, замечали следы своих преступлений.

Освободили город советские войска 3 марта 1944 года.

Земля стонала и дышала

Роза Мошкович (Коган)

Я, Роза Мошкович (в девичестве Коган), родилась 8 мая 1933 года в селе Томашполь, Винницкой области (Украина).

Когда в село пришли немцы, нас, как и других евреев, выгнали из дома, и собрали на одной улице у евреев, живших на той улице, и разместили. Так мы и оказались в гетто.

Только нас выгнали из своих жилищ, как местные жители начали грабить наше имущество. Мародерство прекратилось, когда немцы начали размещаться на постой. У нас в большую летнюю кухню фашисты загнали лошадей, а в спальне и столовой разместились сами.

Когда новые хозяева появились, сразу же был установлен комендантский час, нарушать который запрещалось категорически. С этого и началась наша жизнь при фашистах, и так мы жили, без надежды хотя бы на какую-то информацию извне, с августа 1941 по март 1944 годов.

И все же люди умудрялись узнавать новости с фронта. Я помню, как время от времени мама куда-то уходила, а возвращаясь, рассказывала о событиях на фронте. Однажды, когда мама возвращалась из дома, где тайком по радио слушали новости, за ней погнались немцы. Мама с трудом оторвалась от них и, вбежав в дом, крикнула, что за ней погоня. Дедушка быстро закрыл дверь и ставни, залез под стол и начал визжать и причитать. Немцы попытались открыть дверь, а потом кинулись выламывать ставни. Дядя мигом кинулся к окну и рывком потянул на себя железные прутья, закрывавшие ставни. Кому-то с улицы прищемило пальцы. Раздался крик, ругань, а через какое-то время все стихло. Немцы ушли. Мы все понимали, что могло кончиться и по-другому.

В один из дней нас собрали будто бы на работу. Мама несла меня на руках, а старший брат держался за мамину юбку. Оказалось, привели на кладбище. Немцы открыли стрельбу и начали закапывать, не дожидаясь, когда прекратится дыхание раненых. Поднялась суматоха, кругом раздавался плач, крики,

люди метались из стороны в сторону, но все были под охраной и бежать было некуда.

И все-таки чудо бывает. Мама увидела гору свежевыкопанной земли, улучила момент, забралась с нами и умудрилась незаметно спуститься. Но идти было некуда, все охранялось, и мы вернулись в гетто.

Тем временем бойня продолжалась. Брата моего отца, моего дядю, погнали вместе со всеми. Он был похож на украинца, и потому кто-то из немцев спросил, что он тут делает. И тут староста приказал ему снять брюки. Его закопали живым.

Земля на могиле подымалась и “дышала” несколько дней, и были слышны стоны заживо погребенных.

Отец мой погиб в другом месте – на фронте. В конце войны мама получила извещение о том, что он пропал без вести.

После войны я училась в школе, окончила техникум легкой промышленности, проработала пятнадцать лет по специальности. В конце 1972 года прибыла в Израиль и тоже 25 лет работала на предприятиях легкой промышленности.

Мое счастье – сын и дочь и четверо внуков. Старшие внук и внучка уже отслужили в армии, а младшие внук и внучка еще служат.

Меня не заметили

Вера Миркина

Обычная еврейская семья: родители и трое детей. Самая младшая из них - я, Вера.

Белоруссия. Могилевская область. Еврейское местечко Хотимск.

1941 год. Война. Делается попытка эвакуироваться. До железной дороги сорок километров. Единственное средство передвижения - лошадь. Погрузили жалкий скarb, малолетних детей, дедушку, племянников. Отправились в путь. Через несколько часов услышали за спиной шум мотоциклов и немецкую речь: "Юде", "Швайн", "Хайль Гитлер!"... Бежать опоздали. Оккупация продолжалась с июля 1941-го по октябрь 1943-го года. Мне было двенадцать лет. Вместе с семьей пришлось пережить много страданий и унижений.

О себе. Шестиконечная звезда на левой груди, такая же на правой лопатке - опознавательные знаки, означающие принадлежность к моему народу²¹. Моя работа - стирка грязного солдатского белья, конечно, вручную, подметание улиц и многое другое, что связано с грязью, наведением чистоты. Так продолжалось целый год.

В июне сорок второго года собрали все взрослое еврейское население, якобы, для обмена паспортов. Здание бывшей еврейской школы стало помещением для гетто. Малолетних детей и совсем пожилых людей выгоняли из своих домов с помощью собак. Я, оставаясь дома одна, решила бежать. Остаток дня и ночь провела в болоте, на лугу, недалеко от дома. На рассвете ушла в ближайшую деревню к другу отца Панасу

²¹ Специфика положения евреев в нацистском государстве заключалась в том, что евреи подвергались уничтожению не в силу идеологических или религиозных разногласий с властями, не из соображений возраста или пола, а просто потому, что дед или бабушка данного человека были евреями. Впервые в истории был вынесен тотальный смертный приговор всякому, кто был повинен всего лишь в рождении от определённых родителей... Среди всех покорённых народов только евреи были приговорены нацистами к тотальному уничтожению. Антон Чирейкин. "Холокост". (История евреев Беларуси. Веб-проект Александра Фридмана). http://www.beljews/info/ru/holokost_c/php

Чепелкину, Когда через некоторое время по деревне пошли слухи, что Панас скрывает жидовку, он отправил меня в другую деревню к своей двоюродной сестре Марии Сотниковой. Скрывала она меня в заваленном погребе. Так как вскоре ее мужем стал полицей, то меня отправили в гетто.

Четвертого сентября сорок второго года всех узников гетто повели на расстрел по центральной улице по направлению к льнозаводу. По дороге я упала из-за слабости и голода. Среди восьмисот людей, которым предстояла смерть, мое отсутствие не заметили. Потом я бежала долго, не вполне понимая, куда. И все же в мозгу было - лес. Добралась. Там повстречалась с другими, в том числе, и с детьми. Оказалось, здесь была зона партизанского движения. В лесу проскиталась еще почти год - до освобождения частями Красной армии. Но это уже было на территории Брянской области.

Мои родители и еще около двадцати родственников - близких и дальних, были расстреляны в тот трагичный день. Покоятся они в большом рву, выкопанном ими же до того, как их уничтожили. На этом месте сейчас поставлен обелиск.

Два года немецкой оккупации, гетто - это время постоянного страха, страшного голода (по пять- семь дней без еды). Во время поиска тепла и пищи вместе с подругой попала под обстрел. Она погибла, я осталась жива, но... с отмороженными ногами. Больше года не имела возможность помыться, не употребляла соли. Заболела цингой. Всего не описать.

После освобождения советскими войсками училась в школе, затем работала и училась в Московском педагогическом институте, который закончила в пятьдесят втором году.

У меня двое детей - сын и дочь, четверо внуков. Есть правнук.

Пришло страшное горе

Мария Осовская (Рубинштейн)

Родом я из местечка Литин. Оно находится в тридцати километрах от Хмельника. В тридцать третьем году семья наша, в которой было семеро детей, переехала в город Хмельник, где и застала нас война.

22 июня в 12 часов мы услышали доклад Молотова. Все понимали, что пришло страшное горе, и в первую очередь для евреев, потому что мы уже слышали и видели беженцев из Польши. Сразу все исчезло из магазинов и кое-кто начал эвакуироваться. Вскоре часть из них вернулась, потому что их перехватили немцы. Многих они уже поубивали.

В тех сложившихся условиях эвакуация населения не была организована. Наоборот, убеждали остаться на месте. Работники райкома партии сообщали о том, что отбили у немцев Львов и захватили очень много пленных, и незачем уезжать.

В Хмельнике находился какой-то штаб армии. Так вот, два работника-еврея этого штаба ночью стучали в окна и говорили о том, что евреям надо уезжать. Местное начальство, узнав об этом, назвало их предателями.

Моя старшая сестра до войны вышла замуж и жила в Тернополе. 18 июня она с мужем приехала домой в отпуск. Когда началась война, ее муж, не дожидаясь мобилизации, ушел добровольцем, вернулся с фронта без правой ноги.

16 июля у нас уже были немцы. Хмельник - старый город, как остров, с двух сторон деревянные мосты. Немцы их сожгли сразу. Сначала в городе было тихо, даже гетто не создали, но с самого начала стали отправлять на работу. 17 августа собрали триста пятьдесят самых здоровых мужчин, в их числе был и мой отец. Всех погнали, вроде бы, на работу. На самом деле их вывели на Киевскую дорогу и расстреляли.

Моя сестра жила у свекрови, а я стала кормилицей семьи. Благодаря тому, что, говорили, я не очень похожа на еврейку, была возможность ходить по деревням менять вещи на продукты.

Девятого января сорок второго года поднялась рано. Затопила печку, хлеба не было, сварила кое-что, лишь бы семья не голодала. Вдруг услышала крики и выстрелы. Думала,

показалось. Поднялась на чердак. Оттуда слышу, забрали маму с детьми. Немцы начали свои зверства. Каждую пятницу с четырех утра до четырех дня они совершали свои кровавые обходы.

К моей подруге Лизе Вайс приехал дядя с женой - украинкой. Оба артисты цирка. Она выступала с собачками. Мужа она тут же сдала в руки немцев. Сама же шла с карателями, держа закутанных собачек, и приговаривала: "Ах, бедненькие, вам холодно".

Мы жили в очень старом доме. Когда-то это был торговый дом с широкими витринами и нишами под окнами. С чердака в одной из ниш увидела прячущихся людей. Я спустилась к ним. Нас стало четверо. Приподняв из своего укрытия голову, можно было увидеть, что было впереди. В глубине длинных сеней находилась квартира, куда немцы почему-то не зашли. Там жила девяностолетняя старушка, слепая, глухая. Когда стихло, мы пошли к ней. Зима сорок первого - сорок второго была страшно холодная. Но мы не могли топить - был бы виден дым. Три дня мы жили без еды, без питья. Потом пришла моя сестра. Ей случайно удалось избежать смерти. Она и рассказала, как гнали людей, как вызывали по спискам ремесленников. Вначале их загнали в подвалы немецкой полиции, затем поселили в старом городе в гетто, которое охранялось круглосуточно.

Сестра забрала меня с собой. Под утро отвела в подвал, где было относительно безопасно. В доме никто не жил. Наверху над нашими головами были сложены поленья дров. Было нас человек восемь-десять, из них, я точно знаю, осталось четверо. Мы были с ними потом и в Мурафе. А дрова, что были над нашим подвалом, стали вывозить. Вдруг из своего укрытия видим - немец дрова собирает. Он нас тоже увидел. Мы замерли. А немец... чем-то замаскировал нас, чтобы другие не обнаружили. Под вечер мы ушли оттуда в гетто.

И вот наступила очередная пятница. С девяти утра до четырех дня вылавливали людей без нужных документов и сажали в подвал полиции. Мимо наших окон прошла целая колонна. Акции осуществляли приезжавший специальный карательный отряд, находившиеся в городе немцы и полицаи Хмельника и района. Мне в ту пору было около девятнадцати лет.

В городе до войны был большой военный городок и полковая школа. Немцы устроили там лагерь военнопленных. Я много раз ходила туда работать. Там нужен был грамотный человек. Я же

до войны успела окончить еврейскую школу и десятимесячные физико-математические курсы. В этом лагере мне удалось украсть много чистых бланков с печатями, которые передала бывшим советским офицерам. В гетто нередко нас заставляли выполнять никому не нужные работы, просто так, чтобы поиздеваться. Так, нас обязывали убрать дочиста какой-то дом, а потом разобрать его по кирпичику.

В таких условиях мы существовали вплоть до освобождения Хмельника Красной армией.

Погибших никто не считал

Абрам Петербургский

Мне пошел уже девяносто пятый год. Я многое забыл из того, что было в моей жизни, но события того времени я помню отчетливо, как будто все происходило вчера.

Когда началась война, мне уже было двадцать семь лет. Я жил со всеми родственниками в Мурафе, Шаргородского района, Винницкой области. Работал в совхозе. Восьмого июня 1941 года вместе с другими работниками ехали на подводе. Неожиданно она перевернулась, и все мы оказались под ней. Я сломал ногу и попал в больницу. Через две недели началась война. Нога не зажила, и на фронт меня не взяли. Вскоре к нам пришли немцы с румынами, а затем все евреи Мурафы, и я вместе с ними, оказались в гетто.

Впереди предстоял каторжный труд. Я работал на каменном карьере, где добывали, а потом грузили на подводы, машины щебень. После этого был торфяной карьер. Впереди, вокруг была огромная долина, мы стояли по колено в воде, добывали глыбы торфяника, а потом вручную тащили на площадку для просушки. Зимой немцы топили им печи.

Спустя какое-то время началась прокладка тридцатикилометровой шоссейной дороги, и меня вместе со многими молодыми людьми отправили на стройку. Перевозили щебень на тачках, а потом ровняли дорогу. Работа очень тяжелая. В дождь, снег, мороз – палачи нас не щадили. Под конец меня и моего брата вместе со многими другими отправили на сельхозработы в Тульчин. Многие из тех, кто был старше и слабее, не вернулись с этих каторжных работ, погибли в карьере, на торфянике, на прокладке дороги и сельхозработах. А сколько поумирало от голода, болезней, издевательств – никто не считал, потому что шла война, и фашисты свирепствовали.

Убивали, морально уничтожали

Дора Петербургская

Родилась я на Украине, в местечке Мурафа, Шаргородского района. Там и захватила меня война. Исполнилось мне к тому времени шестнадцать лет. Наша семья была многодетной, нас было семеро детей, младшей из которых исполнилось только два года.

Вначале к нам пришли немцы и румыны, позже остались одни румыны. Самыми главными стали с их стороны доктор Бакогл и доктора Шестер и Пехталь. Это они определяли, кто и когда будет расстрелян, сколько пойдет на изнурительные работы, что, в основном, тоже означало смерть.

Тяжелый путь прошли мы в этом гетто. Голод, холод, унижения - чего мы только не натерпелись.

Как-то всем, кто находился в гетто, приказали взять с собой, кто что может, и собраться на площади. Никто не смел не выполнить приказа, все собрались. Кругом был крик, плач, думали, что отправят или сразу на смерть, или в другие места. Нас держали несколько часов. Позже румыны взяли выкуп, и нас отпустили.

В начале 1942 года нашего больного отца забрали на принудительные работы в г. Балта, Одесской области. Из тех, кто был моложе, крепче или кого спас случай, впоследствии кто-то вернулся к своим семьям, но нашего отца мы больше не увидели, он умер еще по дороге. До сих пор не знаем, где покоится его прах.

Не рассказать и не описать всех страданий, что пришлось увидеть и пережить. К нам постоянно прибывали евреи

из Бессарабии²². Румыны гнали их табунами, в жару и холод. Сколько их, бедных, погибло по дорогам. Очень многие умерли в нашем гетто от сыпного тифа, малярии. У нас никогда не проходила чесотка. Умирали от голода и холода. Каждый день штабелями вывозили трупы.

Труд был изнурительным. Недалеко от нас находился каменный карьер. Ежедневно туда гнали людей, что тоже было сознательной акцией, означавшей верную смерть. Я думаю, и сегодня есть еще живые люди, прошедшие этот ад.

К сожалению, приходится вспоминать недобрым словом не только немцев и румын. И среди евреев оказались такие, кто за деньги продавал и своих, в основном тех, кто был победнее. Когда нас освободили, кое-кто из главарей-евреев убежал, подальше от тех мест, по сей день неизвестно, где они. Но вот Бориса Теплицкого поймали, и он отсидел в тюрьме семнадцать лет, а Янкеля Потыча сами евреи гетто посадили в яму с известью. Да, они поступили жестоко, но разве он был милосерден к ним?

Сейчас мы все, пережившие ужас того времени, больны, инвалиды, но пусть больше наши дети, внуки не узнают, что такое война.

²² 16 сентября 1941 года, вскоре после перехода Транснистрии (Заднестровье) под контроль румынской администрации, в этот район начали систематически выселять евреев из Бессарабии, Буковины и северо-восточной части Румынии. За два месяца туда было выслано 118847 человек – почти всё еврейское население указанных областей.

По румынским источникам, общее число евреев, высланных в Транснистрию, преимущественно в её северный сектор, составило 146555 человек, по немецким – около 185 тысяч. *Транснистрия. Электронная еврейская энциклопедия. (Ассоциация по изучению еврейских общин в диаспоре).*

Трижды хранимые

Клара Печерская

Начну с первых дней войны 1941 года. Мы жили в длинном бараке, где прежде обитали семьи рабочих Косогорского металлургического завода. Поселок Косая Гора находился между Тулой и Ясной Поляной, где когда-то жил Лев Толстой (сейчас это Привокзальный район г. Тула). Утром соседка Милюкова (имени не помню) попросила свою младшую дочь сходить на огород и посмотреть, не пора ли окучивать картошку. Рассказывают, десятиклассница Маня была очень привязана ко мне. Ей нравилось, как я выгляжу, и она повсюду брала меня с собой. Моя мама в таких случаях обычно говорила: "Не забудь ее где-нибудь".

Мы с Маней пошли. Огороды находились на окраине поселка. Передвигаемся осторожно по межам, разделявшим участки. Вдруг наверху раздался ужасный гул самолета. Моя попутчица быстро среагировала на необычный гул "не нашего самолета" и, крепко схватив меня за руку, побежала обратно, уже не разбирая ни межей, ни бороздок. Самолеты продолжали кружить над нашими головами.

Мне в ту пору было четыре года, и это был мой первый день войны.

А дальше фашисты стали стремительно продвигаться к Москве. Тула находилась на их пути. Завод, на котором работал отец, начал немедленно готовиться к эвакуации. Доменные печи погасли. Для переезда семей рабочих подготовили подводы. К сожалению, как рассказывали старшие, наша семья не смогла воспользоваться предложенной завкомом помощью, так как за день до начала войны отец попал в дорожную аварию, в результате которой передвигаться мог только на костылях.

В октябре в Ясной Поляне уже были немцы, а рабочий поселок Косая Гора находился рядом, и новые хозяева ходили по сараям, как к себе домой, забирая продукты и все, что им приглянется.

Однажды во время очередного такого обхода соседка указала на нашу комнату и заметила, что там живет "юд". Немец тут же пришел к нам. Я в это время была у мамы на руках. Увидев его,

испугалась и начала плакать, кричать во весь рот. Папа лежал на кровати. Заметив его, пришелец потребовал "паспорт". Пока папа приподнимался, дотягивался до костылей, в окрестностях Тулы начали стрелять "Катюши", звуки которых дошли и до нас. Немец, видно, испугался и убежал. Обстрел продолжался. Одна бомба попала в первый этаж нашего дома. Мы находились в подвальном помещении, и у нас только провис потолок...

Так смерть обошла нас в первый раз.

После этого оставаться жить в этом доме стало опасно, и родители решили эвакуироваться. Транспорта не было. Осложняло ситуацию и то, что мама и папа плохо ориентировались в окрестностях Тульской области, так как приехали во времена голода из г. Рудня, Смоленской области на строительство новой доменной печи. Я помню, как папа на двух костылях взял за спину рюкзачок, сделанный из мешочка, а мама – меня на руки. Я была больна. Брат шел рядом. Он еще не был призван на фронт. По дороге присоединились еще несколько человек. Неожиданно обнаружили, что здесь уже фашисты. А погода ужасная: холод, ветер, снег. Наткнулись на немца. Решил проверить паспорта. Вдруг взгляд его остановился на шапке-ушанке, что была на голове брата. Приказал снять. К несчастью, она была завязана на узел. Брат пытался развязать, но замерзшие руки не слушались. Тогда солдат достал из кармана нож и разрезал веревочки на шапке. Мы стояли ни живы, ни мертвы, опасаясь, что этим ножом сейчас зарежут брата, а нас всех перестреляют. Фашист так обрадовался своему приобретению, что забыл с чего начинал, и отпустил нас. Брат отморозил уши до черноты, но все мы избежали второго расстрела.

Пришли в какую-то деревню. Впустили в избу переночевать и обогреться. На стол поставили большую миску сваренной в чугушке картошки в "мундирах". Неожиданно в доме случился пожар. Все успели выскочить на улицу. Весь скарб, вещи, в том числе и наши, сгорели. Нас приютили в другом доме, где оказалось два парня допризывного возраста, ровесники брата. Однажды в избу пришел фашист, то ли по наводке, то ли плановая проверка, в ходе которой искали евреев, работоспособных мужчин. Все три парня в это время лежали на русской печи. Найди их немец, всем был бы конец. Но, не знаю почему, фашист не заглянул к ним.

И в третий раз мы избежали смерти.

При отступлении немцы решили сжечь школу, но жителям удалось потушить пожар. После отступления нацистов фронт еще долго был рядом, а в школе открыли госпиталь. Когда фронт удалился, а случилось это в сорок четвертом году, дети сели за парты. Я взяла огрызок карандаша, сшитый мешочек. Тетрадей не было, писали на газетах, которые редко попадались. И вот утром 9 мая 1945 года по радио объявляют о победе над фашистской Германией. Мне говорят, что сегодня не будет занятий, что настал большой праздник, но я все равно бегу в школу. А там – тьма народу, все радуются и плачут. Победа!

Мой старший брат попал на фронт. Был дважды ранен. Первый раз рана еще не зажила, гноилась, но его опять отправили воевать. Второй раз снарядом разворотило живот, все внутренности вывалились на снег. Случилось так, что и на этот раз он остался жив. Судьба хранила...

Такое не забыть

Этя Плотник (Мерменштейн)

Я родилась в 1935 году в Винницкой области в селе Кетросы. Теперь оно называется Довжок. Папа мой умер в тот же год, что я появилась на свет. Моя мамочка осталась с четырьмя детьми. Как ей жилось, можно догадаться.

Когда началась война, мама решила уехать из села. Она добилась, чтобы ей выделили повозку. И вот мы едем по направлению, где маме кажется, что нет войны. Но женщина, что везла нас, не захотела дальше ехать и бросила в селе Жабокрыч, Крыжопольского района, Винницкой области.

Мы поселились в пустовавшем доме при дороге. Было тихо. На улице ни одного человека. Тишина не насторожила нас.. На самом деле оказалось, что здесь уже орудовали немцы, а все евреи попрятались, кто куда мог. Через пару дней с улицы донеслись выстрелы, временами пальба была такой частой, что казалось, что огонь идет сплошным потоком. Услышав выстрелы, мама прежде всего спрятала нас под кровать и накрыла подушками, а потом пошла в сени посмотреть в щель, что происходит на улице. Мы лежали в своем укрытии и слышали стрельбу. Пули долетали до нас и застревали в перьях подушек. Боялись даже шелохнуться. Пальба вроде бы уходила куда-то в сторону, а потом возвращалась. Но вот наступил момент, когда все стихло. Какое-то время мы еще лежали молча, но потом вылезли из своего укрытия. Бросились искать маму. В комнате ее не было. И тогда мы побежали в сени. Наша мамочка лежала бездыханная. Мы смотрели на нее и не могли произнести ни слова. Через какое-то время старшие брат и сестра позвали соседей. Маму завернули в простыни и унесли.

В этот день в с. Жабокрыч было убито много евреев, я слышала – тысячи. Шел июнь, была жара. Трупы разлагались. И только когда немцы ушли из села, оставшиеся в живых стали вытаскивать убитых из подвалов, погребов, ям. Всех их похоронили в одной братской могиле. Там же лежит и наша мама, Мерменштейн Хона Янкелевна.

После похорон, без мамы, нам больше нечего было здесь делать, и мы решили вернуться домой – брат Яша, 1925 года

рождения, сестра Фрида 1929 года рождения, брат Иосиф, 1931 года рождения, и я, Этя, 1935 года рождения.

Много мы хлебнули горя. Пешком добирались до нашей деревни. Все, что привезли с собой, оставили в селе Жабокрыч. Стояла неопишуемая жара. Есть нечего, но мы боялись просить, только пили воду из луж, потому что другой у нас не было.

Свой дом мы застали пустым, приехали из другой деревни и увезли всё подчистую. Началась новая жизнь, ее знаком стали желтые звезды на спине и рукавах. Каждое утро всех евреев вели отмечаться, после чего взрослых избивали резиновыми плетками, а потом отправляли на работу в колхоз, а мы шли за ними.

В один из дней всех, кто был в гетто, согнали в специальное помещение. За столом сидели два немца в белых халатах, и всем без исключения делали уколы. Через некоторое время тиф свирепствовал во всем гетто. Высокая температура, рвота. Много людей поумирало. Наша семья выздоровела, но еще долгое время я не могла ходить. Последствия этой болезни сопровождали меня всю жизнь.

Таким сделали фашисты мое «счастливое детство». Такое не забывается.

За колючей проволокой

Александр Полуянов

Я родился в г. Льгов, Курской области. К началу войны мне было почти пять лет. На второй же день наш отец ушел на фронт. В доме остались мама – Эвельсон Татьяна, моя годовалая сестренка Ольга и я. Мы проживали в двухкомнатной квартире. Сразу после прихода фашистов у нас поселили четырех немецких офицеров. Конечно, такое соседство им не понравилось, и все кончилось тем, что в октябре, когда уже были морозы, нас выгнали в дощатый сарай. Тонкие стены не спасали ни от ветра, ни от морозов, а погреться нигде было. А зима же только набирала силы.

Однако, и эта жизнь вскоре изменилась. Нас отправили в гетто и поселили в бараки. Вокруг колючая проволока, в помещении теснота, постоянно хотелось есть.

К сожалению, мои воспоминания смутны, но по рассказам матери, к моменту, когда нас сюда поместили, в нем находилось где-то сто еврейских семей. Всех пригнали из-под Воронежа. Люди постоянно менялись. Многие были уничтожены, на их место присылали других, но и их убивали, а число проживающих в бараках почти всегда оставалось неизменным.

Рядом с нами находилась узловая станция. Думаю, она и была одной из причин того, что нас часто бомбили. Мы были как между двух огней, потому что обстреливали и немцы, и Красная армия. Во время ночных акций с воздуха полицаи, а это были русские, врывались в бараки и приказывали ложиться на пол. Но даже если бы не их окрики, все бросались наземь из предосторожности. Днем, во время бомбежек, все кидались к окопам, которые были вырыты взрослыми неподалеку от барачков. Яркий свет бомб буквально вдавливал нас в траншею.

Мама хорошо понимала, что в любом случае нас ждала смерть: либо поджидала участь тех евреев, которых увели на расстрел, либо мы погибли бы под бомбежками. Но появилась еще одна причина, из-за которой мы бы не уцелели. Мама заболела сыпняком, а немцы панически боялись заразных болезней. Однако время маминой болезни совпало с периодом,

когда началось наступление на Курск, и вскоре, на наше счастье, мы были освобождены. Из всех узников, по рассказам, уцелело всего две семьи, в том числе и наша.

К концу войны мы получили письмо от отца, он попал в плен. Это письмо в нашей семье хранится до сих пор.

Письмо бывшего бойца Красной Армии, военнопленного
Ивана Полуянова, отца Александра Полуянова.

23 июня 1945 г.

Всем моим родным пережившим
страшное время фашистского намест-
виз и оставшимся в живых

Здравствуйте!

Войной несчастной судьбы, я очутился в немец-
кой плену и пережил четыре ужасных го-
да фашистской каторги. Много раз я заглядыв-
вал смерти в глаза, но все же остался цел
и невредим.

8го апреля с.г. я был освобожден амери-
канцами под г. Пантовером. Здесь в послед-
ний раз я смертельно устал от смерти, так как
прошедшие на два часа ранее колонны военноплен-
ных и достигшие Пантовера были заг-
наны в подожженные фашистами и там унич-
тожены взрывом. Погибло по рассказам около
20 тысяч человек.

5го июня прибыл на территорию занятую
нашими войсками. Пробыл некоторое время
в лагерях, недавно я попал на работу в под-
собное хозяйство гаушюнга г-ра Брандентур-
га (67 км. от Берлина), где в настоящее
время и работаю. Чувствую себя прекрасно,
несмотря на горькое время убогой

Из одной беды - в другую

Людмила Портнова

Родилась я в селе Красноселка, Джулинского района, Винницкой области. В 1937 году мой отец был переведен на работу в село Соболевка, Тепликского района той же области. Там я поступила в школу и успела окончить пятый класс. Дальнейшая учеба была прервана войной.

Было мне в ту пору без малого двенадцать лет. Не успев эвакуироваться, наша семья оказалась на оккупированной территории. Сразу после захвата немцами Соболевки нас выселили из своих домов и поселили в гетто. Оно представляло собой замкнутое пространство базарной площади с примыкающими к ней маленькими полуразрушенными домиками. Исполнительной властью была городская управа, которая постоянно вывешивала распоряжения на счет «жидов». Нас обязывали носить повязки с желтыми шестиконечными звездами. Выходить за пределы гетто строго воспрещалось под угрозой побоев и расстрелов. За этим следили местные полицаи. Взрослых и старших детей отправляли на самые тяжелые и грязные работы на сахарный завод, лесозаготовки, свинофермы. Младших использовали на огородах и виноградниках, уборке домов, где проживали немцы, и казарм.

Однажды весной сорок второго года, проснувшись рано утром, я глянула в окно и увидела, как люди в немецкой форме, с оружием наперевес, окружают гетто. Увидела и полицаев, они врываются в дома и выводят оттуда стариков и детей, и их тут же расстреливали.

Моих родителей не было дома. Их, как всегда, рано утром угнали на работу на завод. Мы с сестрой Розой, тоже находившейся дома, через запасную дверь мигом выбежали в переулок. Внезапно открылась дверь соседнего дома. Мы кинулись к ней. В сенях стояла прислоненная к стене лестница. По ней взобрались на чердак и втащили ее следом за собой. Вместе с соседями мы просидели на чердаке всю ночь, а ранним утром спустились в погреб. Одна стена погреба выходила на пустырь. Через отверстие в стене мы выбрались на улицу и

побежали по скользкой траве. В какой-то миг, остановившись и посоветовавшись, решили пойти к знакомым детям, с которыми учились в одной школе. Не все соглашались принять нас, были и такие, что боялись. Так начались наши скитания по окрестным селам: Орловка, Мочулка, Панчишино. Приходилось ночевать по лознякам, на кладбищах, в заброшенных домах. Некоторые знакомые дети приносили нам хлеб и воду. Как-то мы встретились с бывшим председателем одного из колхозов, и он посоветовал перейти линию фронта. Даже наметил маршрут: Малынивка, Калынивка, Хрыстынивка... Мы обрадовались этому плану. Но как пройти эти сотни сел и сотни километров, мы понятия не имели.

Покружив по окрестным селам, опять оказались в Соболевке. Однажды услышали, что наши родители находятся в Бершадском гетто. Решили идти туда. Удалось переправиться через Буг, но попали не в Бершадь, а в Ободовское гетто. Охраны не было, видно, немцы и полицаи были уверены, что никто не осмелится выбраться отсюда.

Мы вошли. Впереди длинное здание. Сколько же здесь народу?! На нарах, на полу сидят, лежат люди разных возрастов, старые и молодые, мужчины и женщины. Наших родителей здесь не было. Решили искать их дальше. Нам удалось выбраться незаметно, и мы опять пустились в путь.

Все-таки добрались до Бершади и опять оказались в гетто. Наши родители и в самом деле находились здесь. Мама была совершенно больна, и на работу ее уже не брали. Мы застали ее в слезах. Папу забрали на лесозаготовки. С работы его принесли на носилках. От непосильного труда и побоев у него случился сердечный приступ, и он уже больше не приходил в себя, а вскоре умер.

Ежедневно выносить покойников стало привычным делом.

Мы бежали из этого гетто. Опять скитались, опять преследовал страх, холод и голод. Сил больше не было. Нам уже было все равно, что будет с нами дальше. В таком состоянии мы и добрались до Балтского гетто, без желаний, без надежд, среди совсем чужих людей, смертей и отчаяния.

Освободили Балту в апреле сорок четвертого года.

1000 дней в полушаге от смерти

Шмуэль Портной

Хотя к началу войны 1941-1945 годов мне исполнилось немногим более девяти лет, всё пережитое от её начала и последовавшей вскоре оккупации Копайгорода, в котором я жил вместе с родителями и младшей сестрой, до радостных дней освобождения и её победоносного окончания запомнились мне навсегда. Но между этими трагическими и радостными событиями был тысячедневный период фашистской оккупации, который до последнего вздоха не изгладится из моей памяти.

О некоторых эпизодах этого тысячедневного ада и нечеловеческого страха за себя, своих родных и близких мне людей и хочется вспомнить, чтобы ныне живущие и последующие поколения полностью осознали, что собой представляет фашизм.

“Прелести нового порядка” мы ощутили на себе с первых часов оккупации нашего городка, когда солдаты немецких воинских частей врываются в дома и занимались мародёрством и грабежом. Во время очередного такого грабежа в нашем доме один немец обнаружил отрез на платье малинового цвета, что вызвало у него страшную ярость. Он стал избивать отца, крича, что отец недобитый коммунист, паршивая свинья, толкнул его к стенке, поднял автомат и щёлкнул затвором, собираясь выстрелить в него. Всё это происходило на наших глазах, мы остолбенели от ужаса. К счастью, в этот момент из другой комнаты вошёл второй солдат с тюком награбленных вещей и что-то сердито крикнул, после чего они быстро вышли из дома, прихватив награбленное, включая и этот злополучный отрез. Какая случайность спасла отца от неминуемой смерти, для всех нас осталось тайной. Представляю, что бы могло произойти со всеми нами, попадись такому немцу сделанный мною без ведома родителей тайник с двумя пионерскими галстуками.

Первое время оккупационная администрация вела себя “лояльно” по отношению к евреям: от них требовалось носить

нарукавные повязки с изображением шестиконечной звезды и ежедневно выходить на различные принудительные работы. Это относилось и к детям. Хорошо помню, как в подвале полицейского управления (здание бывшего банка) нас заставляли сортировать огромные кучи трофейных (советских) винтовочных патронов, и как кто-то из взрослых научил нас незаметно удалять из них порох. Когда за нами не наблюдали, мы обезвреживали, примерно, каждый второй патрон, чувствуя себя героями, и не понимали, какой смертельной опасности подвергали себя и своих родных.

Но с каждым днём обращение с евреями становилось всё хуже и хуже. Начались облавы, грабежи и погромы, отправка на принудительные работы в Германию, Одесскую и другие области Транснистрии (так именовалась оккупированная Румынией часть Украины). Чтобы спастись от принудительной отправки и погромов, нам не раз приходилось прятаться у знакомых крестьян на окраине городка, подвергая их и себя смертельной опасности.

Никогда не забуду колонны евреев, депортированных из Румынии, Буковины и Молдавии, которых почти ежедневно гнали по улице мимо нашего дома. Сами голодные, мы пытались хоть как-то помочь им едой, но натыкались на плети, нагайки и винтовочные приклады румынских конвоиров. В конце сентября – начале октября 1941 года часть депортированных евреев была оставлена в Копайгороде, в котором уже находились беженцы из районов Винницкой области, бывших под немецким контролем, и в которых уже начались массовые расстрелы евреев. Практически, в каждом еврейском доме поселилось по несколько депортированных семей. Многим пришлось селиться в неотапливаемых и непригодных для жилья помещениях. Большая скученность, отсутствие медицинской помощи и необходимых лекарств вызвали эпидемию брюшного тифа, который вместе с голодом, холодом и непосильными принудительными работами в течение зимы унесли в могилу тысячи и тысячи евреев всех возрастов. Когда вспоминаю от том страшном времени, перед моими глазами всегда возникает жуткое видение: двое саней с нагруженными голыми трупами (одежда снималась для замерзающих ещё живых), в самых немыслимых позах, объезжают дома, из которых выносят всё новых и новых мертвецов.

Но фашистам это показалось недостаточным. В один из июньских или июльских дней 1942 года всем евреям было

приказано собраться с вещами к 10 часам на площади в еврейской части города. За невыполнение приказа грозил расстрел. Времени на сборы было мало, и родители решили ничего ценного с собой не брать, так как посчитали, что всё ценное будет отобрано. К назначенному времени мы пришли на площадь с тремя небольшими узлами вещей. Там уже было много евреев со своими пожитками. Площадь была оцеплена украинскими полицаями и румынскими жандармами. Под палящим солнцем мы простояли (садиться на землю не разрешалось даже детям) без еды и воды 6-7 часов, после чего по команде появившихся двух эсесовцев построили всех в колонну и под конвоем полицейских и жандармов погнали, усталых и измученных жарой, жаждой и голодом, по направлению к железнодорожной станции Копай, расположенной в пяти километрах от Копайгорода. Мой отец с больными сердцем и ногами стал отставать, и вместе с ним мы медленно перемещались с середины колонны в её конец. В хвосте колонны ехали две подводы с больными и стариками, неспособными самостоятельно передвигаться. Один из конвоиров сжалился над отцом и разрешил ему держаться за подводу. Так затемно мы добрались в предназначенный для нас временный лагерь, расположенный в лесу недалеко от станции Копай. Там на небольшой поляне стояло единственное одноэтажное полуразрушенное здание без дверей и с выбитыми окнами, в котором могла разместиться лишь незначительная часть прибывших. Наиболее сильные взяли его “штурмом”. Мы же, как и большинство, остались под открытым небом. Измученные пережитым, улеглись на голую землю и так провели свою первую ночь под стоны, плач и крики, несущиеся со всех сторон. На следующий день выяснилось, что гетто ограждено колючей проволокой, хорошо охраняется, и что за его пределы выходить запрещено. Так все мы оказались брошенными на произвол судьбы (впоследствии выяснится, что это вовсе не произвол судьбы, а тщательно спланированная фашистами акция). Без воды, без еды, без жилья, без тёплой одежды, обречённые на медленную и мучительную смерть. Жили мы в выстроенных из веток шалашах по несколько семей, спали практически на голой земле. Очень плохо было в дождливую погоду, особенно ночью, когда приходилось лежать на сырой земле под холодным душем. В такие ночи моя мать упрашивала “счастливчиков” из дома приютить мою шестилетнюю сестру, но далеко не всегда это

удавалось. Питались мы тем, что сердобольные крестьяне из ближайших деревень перебрасывали через колючую проволоку, когда поблизости не было охранников. Но большинство из них не были такими бескорыстными. Нередко за ведро воды или картошки, за буханку хлеба приходилось отдавать последние вещи. Вскоре люди стали умирать от жажды, голода, болезней. Многие, невзирая на грозившую им смертельную опасность, тайком пробирались в Копайгород, чтобы принести хоть что-то из вещей для обмена на еду и защиты от предстоящих холодов. Вместе с другими, более старшими, я также побывал дома, но он уже был разграблен, и мне пришлось вернуться с какими-то жалкими тряпками. Хорошо, что в городке всё обошлось, и нас не встретили полицаи или жандармы, так как буквально на следующий день на глазах всех узников, специально собранных для этого, прибывший для инспекции эсесовец расстрелял задержанных им по пути в гетто двух молодых мужчин, возвращавшихся из Копайгорода. После того он заявил, что так будет с каждым, кто посмеет покинуть пределы этой территории, что нас пригнали сюда не для прогулок, а для медленной и мучительной смерти, и поэтому на нас даже жалко тратить патроны. Во время этого выступления эсесовца из леса вышли копайгородец Нахман (фамилии не помню) со своей 11-летней дочерью Ханой, которые, скорее всего, также возвращались из Копайгорода. Заметившие их начали руками подавать им знаки, чтобы они вернулись обратно в лес. Это привлекло внимание немца, который также хладнокровно расстрелял и их. Бездыханные тела повисли на колючей проволоке по ту сторону ограды.

Примерно в конце августа, на рассвете, родители тихо подняли меня и повели вглубь. Там нас ждал незнакомый крестьянин, взявшийся сопровождать меня в село Лучинец, в котором жила сестра отца, тётя Фейга. Родители и я понимали, что, возможно, мы видимся в последний раз.

Незаметно выбравшись, мы пошли вместе, стараясь избегать дорог. Там, где это невозможно было сделать, я шёл за проводником, соблюдая определённую дистанцию между нами. Что бы со мной ни случилось, я не должен был подавать вид, что мы знаем друг друга и идём вместе.

Нам повезло: весь тридцатикилометровый путь до Лучинца мы прошли без происшествий, и ближе к вечеру проводник провёл меня в тётин дом. Там я прожил около месяца,

избавленный от геттовских кошмаров, но с постоянным страхом за судьбу оставшихся в нём родителей и сестры.

В конце сентября – начале октября мои родители вместе с оставшимися в живых евреями вернулись в Копайгород, где уже было создано еврейское гетто. Наш дом находился в его черте и был полностью заселён. Родители и сестра смогли поселиться в маленькой кладовке размером полтора на два с половиной метра. Примерно недели через две после их возвращения я вернулся домой (как это произошло я помню довольно смутно, но мне кажется, что меня, одетого в крестьянскую одежду, привезли на подводе). Некоторое время мне приходилось ночевать у родственников, пока по решению председателя общины Оренштейна не была освобождена для нас самая маленькая комната в нашем доме.

Жизнь в гетто была менее мучительной, чем прежде, но не менее опасной. Ежедневные принудительные работы, постоянные дневные облавы на улицах и ночные по домам для отправки на работу в Германию и другие места, вымогательства и погромы со стороны украинских полицаев и румынских жандармов. Появляться за пределами гетто запрещалось. Питались тем, что можно было достать в тех трудных условиях. Люди продолжали умирать. По мере уменьшения взрослого населения гетто на принудительные работы всё больше привлекались дети.

В один из дней зимы 1942-1943 года моего отца вместе с другими евреями отправили на расчистку от снега железнодорожных путей на станцию Копай. В дороге он стал отставать от остальных, и был сильно избит жандармом. По возвращении с работы отца вторично зверски избили и бросили на дороге. Вернувшиеся с работы не сообщили об этом матери, а о случившемся я услышал из разговора соседей по дому. С помощью председателя общины Оренштейна было получено разрешение жандармерии на выезд из гетто, и мать с полицейскими-евреями на санях отправились на поиски отца²³. Его нашли ночью окоченевшего, но ещё живого. Более месяца он

²³ Немецкие власти в каждом гетто назначали еврейский совет (юденрат), одним из подразделений которого была еврейская полиция. Внутри гетто им представлялись некоторые полномочия, но главным образом их использовали в качестве исполнителей своих предписаний (Л.К.)

находился между жизнью и смертью, после чего проболев ещё три месяца и навсегда остался инвалидом.

В таких условиях мы прожили до марта 1944 года. Фронт приближался к нам. Перед отступлением румынских захватчиков начальник украинской полиции Крушлинский просил у начальника румынской жандармерии одну ночь для уничтожения оставшихся в живых евреев гетто, но, на наше счастье, мы были освобождены частями советской армии раньше, чем он сумел это осуществить. Радость выживших в тысячедневном аду была беспредельна, но с острым привкусом горечи и боли, так как не было ни одного оставшегося в живых еврея, который не потерял бы кого-то из своих родных, близких или друзей.

Невыносимо больно теревить никогда не заживающие раны, нанесённые этим тысячедневным кошмаром.

Помню спасителей своих

София Портянская

В июне 1941 года, восемнадцатилетняя, я приехала домой в отпуск, впервые после окончания медучилища и года работы фельдшером в селе. Каменка, где жила моя семья, была еврейским местечком, в котором проживало 375 евреев. Отдохнув несколько дней, с братом пошла в “мамино” село Ревовку: вместе с друзьями – одноклассниками мы ходили на работу в колхоз им.Фрунзе.

С началом войны наша трудовая деятельность закончилась. Начались страшные переживания, хлопоты. А беспокоиться было о чём: мы не могли получить “эваколисты” – документы, дающие разрешение эвакуироваться. Более того, служащая, ответственная за эту проблему, отправляла нас домой со словами: “Уходите, не наводите панику, будете отвечать”.

В понедельник, 21 июля 1941 года нашего отца, Портянского Григория Наумовича, мобилизовали в ряды Красной Армии, а мы остались.

Из Каменки смогли эвакуироваться только тринадцать еврейских семей и ещё одна женщина вместе с работниками завода, на котором работала.

С приходом фашистов 4 августа сорок первого года начались массовые расстрелы и грабежи. Шестого августа был расстрелян наш дядя, папин брат, Портянский Лев Наумович, и ещё несколько евреев, проживавших с ним по соседству.

Мы – моя мама, Портянская Ева Соломоновна, и я, Портянская София Григорьевна, бросились в село Ревовку. Мой брат, Портянский Филипп Григорьевич, которого в то время с нами не было, кинулся вначале в село Ребедайловку, а позже присоединился к нам.

По приказу оккупантов вскоре все должны были вернуться в Каменку и встать на учёт на бирже. Каждому выдали нашивку с шестиконечной звездой. Так началась жизнь в гетто. Ни имён, ни фамилий у нас не было, все были пронумерованы. С этого времени мы перестали считаться людьми. Только одни номера. У нас были номера 215, 216, 217.

Мужчины до пятидесяти лет были призваны в армию, остались калеки, старики, женщины с детьми.

Ходить по улицам разрешалось с семи утра до семи вечера. И только на работу и с работы. Вели под конвоем. Многие шли босые, раздетые, так как всё, что осталось в квартирах, было разграблено. В основном расчищали местность вокруг складов райпотребсоюза, магазинов, находившихся над ними, разграбленные и разгромленные в первые дни оккупации. Группами направляли работать в колхозы, совхоз, убирать в домах, где проживали немцы, полицаи. Меня и брата отправили в колхоз им.Петровского села Юрчиха.

Как-то в поле пришла женщина преклонного возраста и спросила: "Есть здесь дети Портянского?" Мы откликнулись. Она дала нам хлеба и бутылку молока. Это была Дыщинская Мария Ивановна. Её муж, Дыщинский Захар, был папиным другом. Тётя Мария и её дочери Федора и Харитя, по пути на работу, приносили нам еду. Жители села помогали питанием и всей нашей бригаде. Надо сказать, что не было запрета на это и со стороны охранников.

В октябре для нужд новых хозяев начался отбор кузнецов, портных, сапожников. Вместе с семьями их поселили в свеклосовхозе. Остальные евреи остались в гетто, размещённом на территории нынешней районной больницы и охраняемом полицией. Условия были тяжелейшими: голод, холод, мыши, крысы, вши. Спали на траве. Постоянного места не было. Где кто успел, там и падал, как сноп. На работу выгоняли, не глядя на возраст и состояние здоровья. Среди нас были больные туберкулёзом. Была больна и моя двоюродная сестра, Портянская Соня Львовна. Она умерла здесь от этой болезни, и неизвестно, где она похоронена.

Из угнанных на работу не все возвращались обратно. Мы так и не узнали, куда они девались и какова их судьба. В декабре многих, строем, под охраной, куда-то угнали. Кормили один раз в сутки. Готовили еду из гнилых овощей. Хлеб чёрный, неизвестно из чего испечённый, давали по 200 граммов, и то не ежедневно.

В апреле 1942 года начались массовые расстрелы узников. О побеге и речи не могло быть. Друг нашего отца, Ширинг Андриян Юлиевич, нашёл "пути нашего освобождения". В полиции служил сосед и друг нашего отца Короленко Михаил Никифорович. До войны его брат Григорий работал вместе с моим папой. Михаил Короленко познакомил Андрияна Ширинга

с полицаями Глаголевым и Шевченко, и вместе они договорились о нашем побеге. Платой за это были наши вещи, хранившиеся у жены Григория Короленко – Дуни.

В пятницу, 10 апреля сорок второго года нас троих – маму, меня и брата под конвоем привели к мостику за сахарным заводом, посадили на телегу и отвезли за свеклосовхоз. Оттуда, уже самостоятельно, мы пошли в “мамино” село Ревовку.

Через наше гетто прошли сотни евреев. Сумели бежать из него – мама, брат и я, Верищакский Наум Мордкович и Клара Богославская.

После побега вплоть до освобождения Красной Армией (10 января 1944 года) нас скрывали сельчане.

Никогда не забуду этих дорогих для меня и моей семьи людей, которые в тяжёлое, опасное время прятали меня и моих родных. Это:

1. Баранник Степан и Приська
2. Баранник Ивга
3. Нетяга Мукий
4. Чучко Оникей
5. Герих Андрей и Юлия
6. Олексенко Филипп, Настя, Галя, Мария Ивановна
7. Баранник Одарка, Гонила
8. Баранник Семён Антонович, Явдоха Ивановна
9. Баранник Дуня Семёновна
10. Кравченко Явдоха Иосифовна
11. Шкворец Явдоха Патиевна
12. Харченко Мелашка
13. Баранник Сергей и Мария
14. Баранник Якилина Васильевна
15. Герих Лидия Иосифовна

После войны моя мама при необходимости и при возможности всем помогала.

Перед отъездом в Израиль я, вместе с другими односельчанами, добились справедливого решения, и райисполком установил обелиск, на котором написано: “Жертвам фашизма”.

Третий раз убеждать было некого

Александр Преmysлер

До войны наша семья – я, мама и отец – проживали в городе Черкассы (Украина).

25 июля 1941 года мы с мамой поехали в эвакуацию. В соответствии с распоряжением и создавшейся ситуацией отец продолжал заниматься эвакуацией завода по изготовлению оборудования для сельского хозяйства. Наш эшелон шёл на восток. Мы с мамой находились на грузовой платформе, на которой перевозили сахар. Поезд шёл не по расписанию, и как только он останавливался, я торопился спрыгнуть. Мне было всего восемь лет, и мама очень переживала, что в суете не успею вернуться, и потому каждый раз умоляла быть рядом с ней, но её слова меня не останавливали. В г.Брянск мы попали под бомбёжку. Все начали разбегаться. Мама схватила меня и потянула под вагон. Я рвался за всеми. В какой-то момент почувствовал, что мамина рука ослабела. Посмотрел на маму – она лежала вверх лицом, язык наружу, с открытыми глазами. Я решил, что раз глаза открыты, то она жива, и стал звать на помощь. Никто не останавливался. Наконец, увидел знакомого – дядю Колю, то был начальник эшелона. Он остановился возле нас, взял маму за руку и потом сказал, чтобы я никуда не уходил, он вернётся ко мне, но сейчас ему надо идти помогать раненым. Дядя Коля вернулся. Взял меня за руку, сказал: “Идём!”. Я спросил: “А маму?”, и тогда он ответил, что у мамы нет пульса, она умерла. Меня он отвёл к машинисту, и только тогда обнаружилось, что я ранен в плечо. Меня сняли с поезда и отвезли в городской госпиталь. Неожиданно я начал плакать. Слезы текли без остановки весь день. В какой-то момент ко мне подошёл военный, все звали его “комиссар”, и сказал: “Не плачь!” Я остановился и больше за всю войну не проронил ни слезинки.

После выздоровления меня отправили в детский дом, который размещался в помещении костно-туберкулёзного санатория. Когда немцы стали подходить к Брянску, нас

эвакуировали в г. Орёл. Но и сюда прорвались фашисты. Перед их приходом, когда стало ясно, что оккупация неминуема, меня вызвал директор детского дома и сказал, что немцы убивают евреев, и потому мне надо изменить фамилию. Так как я плохо произносил букву “р”, то остановились на фамилии Аленников. А ещё Владимир Павлович предупредил, что, поскольку я “обрезанный”, то лучше бы мне в бане не мыться вместе со всеми, и что надо подстригаться наголо, чтобы не было видно, что у меня кучерявые волосы.

Вскоре в город пришли немцы. Наш детдом находился на окраине, и до нас добрались не сразу. Но вот появились русские военнопленные, которых сопровождали немцы. Территорию, на которой находились и мы, быстро обнесли ограждением из колючей проволоки. Так рядом с нами появился лагерь военнопленных.

Однажды директор детдома опять вызвал меня и сообщил, что в городе немцы собирают евреев. Надо предупредить, сказал он, чтобы они бежали, так как их намереваются расстрелять. Я пришёл туда, где они были. Внутри длинного деревянного помещения было много народу, пожилые люди молились. Я сказал, что мне было велено, но мне не поверили, заметив при этом, что убивают только комсомольцев и коммунистов, и что я провокатор. Меня прогнали. Я пришёл ещё раз, и опять случилось то же. В третий раз я пришёл – там уже никого не было, всех расстреляли²⁴.

Через какое-то время повесили Владимира Павловича, якобы, как подпольщика (светлая ему память!). Может, и в самом деле он был им, иначе откуда у него были такие сведения.

После его смерти директором стала немка, муж у которой был тоже немцем, где-то воевал и иногда присылал ей посылки. Мы, детдомовцы, все работали. Зимой я был на переборке овощей, летом – пас свиней. Как-то, помню, пришли немцы, выгнали всех коров, что были в нашем хлеву, выбрали лучшую и

²⁴ Евреи, вначале не подозревавшие о намерениях нацистов, надеялись, что даже в условиях гетто самоуправление под руководством юденрата поможет им легче перенести период репрессий. Однако установленный нацистскими властями бесчеловечный режим для гетто, особенно “акции” по депортации различных групп его обитателей (престарелых, больных, детей, подростков) в места, откуда никто назад не возвращался, и облавы в гетто разрушили эту иллюзию. (*История еврейского народа. Электронная еврейская энциклопедия*).

тут же забрали. Отрубили голову, ноги – их сразу расхватили и сняли шкуру и разделали. Жутко было смотреть на всё это.

Мы были всегда голодны и нередко подворовывали, как у себя в детдоме, так и за его пределами. В нашей компании был четырнадцатилетний Сенька–Седой. На его глазах расстреляли его родителей, и после этого он сразу же поседел. Были и ещё два мальчика – один совсем незрячий, другой – еле-еле что-то различал. Однажды второй, решив, что его не видят, полез собирать помидоры в огороде. Он не понимал, что весь, как на ладони. Сторож прицелился и одним выстрелом убил его.

Жизнь становилась всё труднее, голоднее и суровее. Наступил момент, когда мы, несколько воспитанников детского дома, решили бежать. Вдруг я оглянулся и увидел слепого Мишу, слёзы текли по его лицу. Я спросил, почему он плачет, и он ответил, что без нас ему конец. Мы и вправду всегда с ним делились, если что-то удавалось достать. Сейчас я увидел его совсем беспомощным, предложил идти с нами. Так, летом 1942 года, мы и пошли вместе. Так как он не видел дороги и всё время надо было помогать ему, то постепенно мы отстали от всех и остались вдвоём. Ночевали, где придётся, попрошайничали. Нас арестовывали, били плетью. Однажды, когда опять поймали и бросили в какой-то сарай, в котором было полно народу, к нам подошёл мужчина и спросил, кто мы и откуда. Мы ему честно всё рассказали. В конце он посоветовал продвигаться в сторону деревни Пятницкая, Рогнеденского района, Брянской области. “Сто семьдесят километров туда,” – заметил он. Оказалось, что Миша родом оттуда.

Добрались мы в начале ноября. В деревне проживали мать слепого Миши, его сестра и дедушка с бабушкой.

От колхоза им дали корову и лошадь. Корову увели немцы, а лошадь – партизаны. У Мишиной мамы была одна рука. Его сестре было всего десять лет. В общем, вся семья была нетрудоспособной и без куска хлеба. Нам с Мишей пришлось опять попрошайничать по деревням. Мне в то время шёл десятый год. Мы с другом нашли ещё одну “постоянную” работу, на мельнице помогали держать мешки, когда их наполняли мукой. За это нам отсыпали несколько горстей в нашу торбу.

Однажды, совсем неожиданно, мы встретили того мужчину, что посоветовал идти сюда. Обрадовались. Обнялись. Потом он спросил, куда путь держим. Мы сказали. А он посоветовал повнимательней смотреть вокруг, хорошо запоминать, что

увидим. У Миши была отличная память, он не видел, но то, что ему рассказывали, удерживал в голове крепко. После того, как сходили на станцию Жуковка, мы опять встретились с нашим знакомцем. Потом он уже говорил нам, куда идти, на что обращать внимание.

Прошло много времени, и уже после освобождения деревни от немцев мы узнали, что он был подпольщиком, передавал сведения партизанам. К сожалению, время стёрло его имя.

Наше село освободили от немцев осенью 1943 года. Пройдёт ещё немало времени, пока я разыщу своего отца. Когда мы встретились, я рассказал ему о том, что случилось со мной. Он усомнился, не поверил, что ребёнок смог выжить в таких условиях. Требовалось время...

На снимке: Саша Премыслер. 1940 год.

Кто ты, молодой артист?

Фаня Премислер

22 июня 1941 года – очередной день моего рождения. Собирались праздновать всей семьёй. Мне исполнилось семь лет, записали в школу, в первый класс.

Было весело и безоблачно. Но в двенадцать часов дня по радио объявили о начале войны. Стало не до веселья. У моего папы было предписание: в случае начала войны явиться в военкомат без повестки. До этого полтора года он был на польско-финской войне. 23 июня он ушёл на призывной пункт. Больше мы его не видели.

Наши родственники начали эвакуироваться. Мама не решалась. Когда же соседи предложили ехать с ними, немцы были уже так близко, что движение поездов прекратилось. Мы застряли на левом берегу Днепра. Девять суток пережидали под бомбёжками в месте, называемом Ключко. С тревогой следили, кто победит. Прятались в “щелях” – наспех вырытых беженцами ямах. На третий день бомбёжек местные жители начали роптать и выгнали нас оттуда, боясь, что за укрывательство евреев их расстреляют. После этого ещё пять суток мы прятались в яме, вырытой для свиней.

25 августа немцы заняли Днепропетровск. Мы уже хорошо прочувствовали, что мы евреи. Многие наши знакомые сторонились нас. Стало известно, что немцы евреев убивают.

Первые полтора месяца было безвластие. Когда прибыли эсесовцы, сразу были изданы приказы:

- всем евреям носить “магендавид”
- евреям запрещается ездить в транспорте, ходить в магазины.

Появился ещё один приказ. 13 октября все евреи должны явиться к восьми утра с вещами к центральному универмагу для отправки из города. Пункт назначения не указывался²⁵.

²⁵ Особую роль в уничтожении еврейского населения на оккупированных территориях играли части СС, причём нередко в акциях принимали участие строевые части. Их деятельность регламентировалась особыми приказами командования. Об этом, в частности, свидетельствует приказ N8 от 18 сентября 1941 года по кавалерийской бригаде СС (дислоцированной в Белоруссии – прим. Л.К.): “В случае, если часть длительное время

Мы жили на окраине и пока собирались – мама, старшая сестра Сима и я – опоздали, и нам сообщили, что на сегодня последний этап уже ушёл. Велено было придти на следующий день. Мы явились на следующий день, хотя уже предполагали, что евреев везут на расстрел. На месте сбора объявили, чтобы мы вернулись по домам до особого распоряжения.

После этого наступили зловещие дни. Каждый день к нам приходили грабить. Мы голодали. Пришла весть: 13 октября во рву Ботанического сада расстреляли дедушку и бабушку.

Так продолжалось до 29 января 1942 года. В этот день должны были придти за нами, забрать на расстрел. Мы бежали. Семь других семей пустили под лёд в Днепре, то есть утопили. Даже патронов не тратили. Когда мы бежали, нас преследовали, стреляли из автоматов. Удивительно, но пули ложились рядом, до сих пор помню эти дырочки в снегу. Снег был рыхлый, и я по пояс утонула в нём. Не поспевала за всеми и всё кричала: “Бросьте меня. Мамочка, спасай себя и Симу”. Мама мёртвой хваткой вцепилась в мою руку, рванула и вытащила.

Нам повезло. Из-за снежных заносов местное население выгоняли на очистку дорог. Вот здесь мы и смешались с ними. Нас потеряли.

До войны мама была знакома с семьёй Поддубных, они жили в той стороне, куда мы бежали. Наступала ночь. Морозы доходили до сорока градусов. Мы рискнули пойти к ним. Увидев нас, они очень перепугались, но приняли, обогрели и накормили. Мы у них пробыли три дня. Дочь хозяев – Александра Родионовна Путешова – дала нам справку с печатью домоуправления, и мы ушли от них по направлению ближайших сёл Днепропетровской области. Придумали легенду, что дом разрушен, есть нечего и вот поэтому ушли из города. Шли от села к селу, просили еду. Где можно было, мама шила, она была хорошей портнихой. За это нас кормили. Как только начинали подозревать, что мы евреи, тут же уходили. За год поменяли сёл двадцать. Наши силы таяли, мы очень страдали. Всё время искали партизан, но не могли найти.

располагается в населённом пункте, она оборудует еврейский квартал или гетто, - **если не сможет ликвидировать евреев сразу**” (выделено Л.К.). Аркадий Лейзеров (Минск). Геноцид Белорусского еврейства глазами немецких оперативных документов. Национальный архив Республики Беларусь, ф.4683, оп.3, л.2. <http://www.homoliber.org/ru/kg020109.html>

В одном из сёл Сима (к началу войны она закончила три класса) под маминым нажимом решила внести исправления в мамин паспорт. Фамилию Меерзон меняли на Морозову, имя Гута – на Лушу, отчество Львовна – на Леонидовна. Затем мама опустила паспорт в воду, чтобы буквы расплылись. С этим документом в с.Анновка (Ганивка) мама пошла устраиваться на работу на свиноферму. Бригадир понял, кто мама, но промолчал и взял. Это была очень тяжёлая работа. Мы с сестрой смотрели за детьми. Взамен я получала похлёбку. Жили мы у одной одинокой слепой старушки, за которой некому было ухаживать.

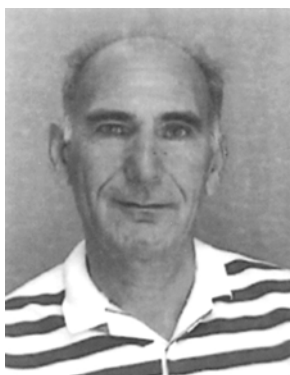
Немцы в это село приходили за продуктами, но не жили. Здесь мы и просуществовали до прихода Красной Армии.

Днепропетровск был отвоёван 25 октября 1943 года. Мы вернулись. Только отец не пришёл с войны.

В 1991 году всей семьёй репатриировались в Израиль. Обратились в музей “Яд Вашем”. Рассказали о том, что было с нами во время Второй мировой войны 1941-1945 годов. Александре Родионовне Путешовой присвоили звание “Праведник мира”.

...В 2001 году вместе с мужем туристами побывали в Германии. На фольклорном концерте неожиданно обратила внимание на одного молодого немца, выступавшего на сцене. Лицо его показалось очень знакомым. Пыталась вспомнить, где могли пересечься наши пути. Уже позже вдруг встала картина из прошлого: в дом, где мы находились более шестидесяти лет назад, врывается группа эсесовцев. Один из них, зарядив автомат шестью патронами, направляет дуло на нас, стоящих перед ним шесть обречённых. Молодой, с такими же глазами, как у этого цветущего артиста. Такие же веснушки. По мне будто пропустили электрический ток. Я вздрогнула. Подумалось: это он? Словно очнувшись, сама себе ответила: но столько лет прошло, он мог бы уже состариться, а этот молодой. И опять вопрос : может, сын его? А может, внук?

Память опять будоражит: кем приходится и приходится ли кем-то этот молодой немец тому эсесовцу? Кто он?..

День во спасение

Михаил Преслер

Мои воспоминания основаны на подробных рассказах моей матери – Розы Ефимовны Преслер.

До начала войны 1941 года семья наша проживала в деревне Черноминь, Песчанского района, Винницкой области. У моих родителей – Преслер Розы и Семёна – нас, детей, было трое: десятилетняя Клавдия, пятилетний Анатолий и я, к тому времени в возрасте одного года и трёх месяцев. Отца призвали в боевые части, мать с нами переехала к своему отцу в м. Песчанка.

В июле сорок первого года местечко заняли немцы. Евреев использовали как рабочую силу при уборке урожая. Когда этот сезон закончился, фашисты всех их собрали на Базарной площади и отобрали из них сто пятьдесят человек. Они были расстреляны на окраине Песчанки.

В сентябре всё еврейское население выгнали из местечка и под охраной немцев и полицаев, под проливным дождём, по болоту повели колонной будто бы на новое место жительства. Моих дедушку и бабушку подобрал случайно мимо проезжавший на телеге украинец. Больше мы их уже не видели. От усталости люди падали в грязь, полицаи избивали их. Тех, кто не мог подняться, убивали. Наша семья шла рядом с семьёй маминой сестры. Куда ведут, никто не знал. Тревога, безжалостность мучителей заставляли задуматься о дальнейшей судьбе. С наступлением темноты было решено бежать в лес, мимо которого нас гнали. Группа, примерно, в двадцать человек, в том числе и со мной и другими маленькими детьми, выбрав момент, когда все охранники ушли вперёд, рванула из колонны к лесу.

Не знаю, нас хватились или нет, но нам удалось уйти. Зарослями дошли до деревни Попелюхи. Там у одного из бежавших жил приятель, он-то и спрятал нас у себя в сарае, где мы пробыли до наступления темноты. Наутро хозяин посоветовал идти в м. Крыжополь и, пожалев нас, сам вызвался проводить туда.

Шли мы только ночью, днём – прятались в лесу, в известковом карьере, оврагах. За несколько ночей добрались до

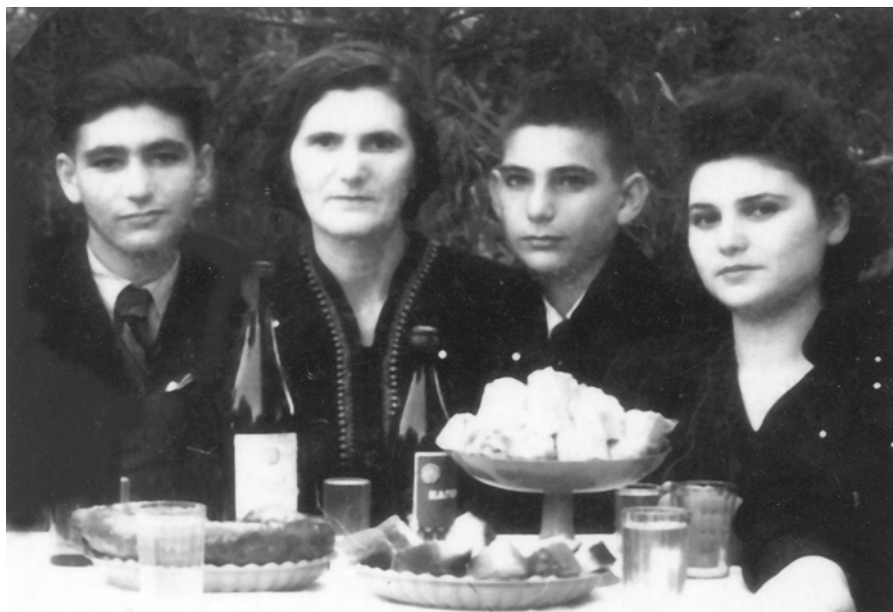
Крыжопольского леса и группами по три-четыре человека вошли в местечко. Мама с нами и семьёй своей сестры пошли к родственникам. От них узнали, что в Крыжополе немцы создали гетто и зарегистрировали всех местных евреев. Когда полицаи ловили так называемых “чужаков” – евреев, всех отправляли в концлагерь. Какое-то время наши родственники всё-таки прятали нас в подвале. Надежды на то, что нашей семье удастся здесь задержаться надолго и выжить, не было. И тогда мама решила спасти хоть кого-то из нас. Она подумала отдать меня, самого младшего, одной украинской девушке по имени Дуня, до войны помогавшей маме по дому. Через знакомых ей передали, и вскоре она пришла и забрала меня к себе в село Рудница. После этого мама с сестрой и братом, дальше опасаясь оставаться там, пошла в село Жабокрыч. Там их приютил еврей Меер, его семью расстреляли немцы. А между тем в с.Рудница через три недели после того, как Дуня принесла меня к себе, кто-то из её соседей сообщил в жандармерию села, что она прячет жидёнка. Узнав об этом, девушка не стала подвергать себя риску. Она отнесла меня в Крыжополь и оставила у дома, где мы когда-то скрывались все вместе. Утром моя тётя обнаружила меня, уже замерзающего. Срочно сообщила маме, и она забрала меня. Так мы опять оказались все вместе. А мама, вернувшись в Жабокрыч, тяжело заболела сыпным тифом. Чтобы не умереть с голода, сестра Клава и брат Толя ходили просить милостыню. Чем могла, помогала и наша тётя Песя. На свою беду, она всё-таки заразилась сыпняком и вскоре умерла в Крыжопольском гетто.

Как рассказывали старшие сестра и брат, во время болезни мама часто теряла сознание. Однажды ей показалось, что рядом с её лежанкой стоит её брат Нафтула, давно уже умерший, и говорит, чтобы она пила жидкость из бутылки, стоящей под лежанкой. Наутро Клава и в самом деле нашла бутылку на том самом месте. Что было в ней, никто никогда так и не узнал, но мама пила эту жидкость и постепенно встала на ноги.

От холода и постоянного голода мы, дети, всё время болели. После смерти тёти Песи её муж Шмил решил забрать нас к себе, в Крыжопольское гетто. Ему это удалось, и в феврале сорок второго года нас записали, что мы – жители Крыжопольского гетто. Несмотря на все запреты и угрозы, голод гнал под колючую проволоку за пределы огороженной территории в поисках хоть чего-то съестного, а то и при большой удаче, наняться на работу. Но возвращение в гетто сопровождалось не

меньшей опасностью. Однажды, когда мама выбралась найти работу, её поймали староста Кравец и полицейай Мельничук. Они жестоко избили её. Она потеряла сознание и лежала на дороге, истекая кровью, пока её не нашли и не отнесли кто-то из жителей гетто.

Перед самым окончанием войны в Крыжополь пришёл отряд эсесовцев, который должен был уничтожить всё население гетто. Это было в марте 1944 года. Красная армия освободила нас на один день раньше намеченной немцами акции. Этот день спас жизни многим евреям.

На снимке: мама – Преслер Роза (ушла из жизни в 2006 году) в окружении своих детей: слева – Анатолий, справа – Михаил и Клавдия. Снимок сделан в праздник дня Победы в 1954 году.

Что осталось в памяти

Илья Рабинович

Начало войны застало нас в Черновцах. В город вошли немцы и румыны, а вскоре колонну евреев, в которой была и моя семья, немцы гнали по дорогам Украины. Мне в ту пору было два года. Местом нашего пребывания в гетто в течение почти трёх лет (с июля сорок первого по март сорок четвёртого года) стал город Бершадь, Винницкой области.

О периоде нахождения за колючей проволокой я помню немного, но я видел глубокие шрамы и рубцы на спине матери от побоев немецкого надзирателя, которые сохранились до самой её кончины (благословенна её память!). Все годы существования в гетто я находился рядом с ней. По её рассказам я знаю, что плохое зрение, потеря обоняния, постоянные головные боли и многие другие болезни и последствия – это результат пребывания там, питания отбросами, следы постоянных побоев немецкого надзирателя по голове, который без объяснения часто куда-то уводил меня.

Я знаю, что моя сестричка умерла в Ободовском гетто. Отец был направлен на принудительные работы и, по свидетельству очевидцев, обессиленный, был расстрелян немцами в г. Николаеве на строительстве переправы.

Вот, вкратце, то, что осталось в моей памяти.

Молитвы праведных дошли до Б-га

Зельда Резник

Война на территории Советского Союза началась 22 июня 1941 года, а в начале июля немцы вошли в Мурафу, Шаргородского района, Винницкой области. Сразу устроили облаву и схватили пару десятков евреев – молодых и старых, в том числе и ребе Баруха Хазина, чтобы расстрелять.

Ребе они заставили чистить сапоги главному немецкому начальнику. Бедняга не мог справиться с этой работой, и за это его крепко били. В это время вышел сосед – цыган кузнец Павло. Он сказал немцу: “Дай я это сделаю, он стар. Евреи у нас хорошие, они всегда нам помогают советами, деньгами. Мы с ними живём, как с братьями”. После этого евреев отпустили.

С приходом фашистов некоторые украинцы стали полицией. Они так старались угодить своим хозяевам, что невозможно было выходить на улицу, открыть окно или форточку – за всё наказывали. Вышел приказ с угрозой: украинцам не приходить в местечко и не приносить евреям продукты питания. К этому времени уже организовали гетто.

Мы, молодые и дети, переодевшись в украинские юбки, белые платочки, крадучись, навещали украинских знакомых, чтобы выпросить что-нибудь съестное. Полицаи грозились расстреливать всех, кто попадётся им на пути.

Немцы постоянно приезжали в гетто, требовали золото, деньги, дорогие вещи, а когда настал холод, - еду и что-то потеплее. Были такие дни, когда фашисты устраивали гульбища. Тогда для евреев наступал конец света. Родители не знали, куда спрятать, куда девать дочек. Не один день мы с соседскими детьми просидели под полом. Мой отец отодвигал деревянную кровать, поднимал две доски, по лестнице мы спускались в подвал. В этой суматохе моя маленькая сестричка (а ей шёл тогда четвёртый год) так кричала, что мы должны были брать её с собой в этот холод и темноту, чтобы она успокоилась и стало тихо.

В семье у нас было пятеро детей. Я самая старшая, после окончания института. Закончила физико-математический факультет Винницкого пединститута. Младшая сестра после десятого класса, старший брат окончил восьмой класс, следующему брату было десять, а самой маленькой сестричке, как я уже сказала, шёл четвёртый год. Всем нам приходилось страдать и прятаться от немцев и их помощников – полицаев.

Через месяц пришли румыны. Установилась их власть, охрана гетто также стала за ними.

К осени пригнали молдавских евреев. Они шли этапом. Старики и больные, рассказывали, не дошли до Мурафы. Позже на машинах привезли евреев из Буковины. Каждая еврейская семья приняла к себе этих бедных людей. Не хватало места. Селились в сараях, синагогах. Пришёл голод, холод, антисанитария. Появились болезни. Начались грабежи. Грабили румынские и украинские полицаи. Как только появлялся слух о грабежах, евреи уходили из домов, оставляя всё открытым. У нас, как и у других, забрали всё, что понравилось мародёрам.

В нашем маленьком домике, занимавшем вместе с кухней тридцать квадратных метров, жила наша семья из семи человек, женщина с девочкой из Хатина. Позже мы приняли женщину из Винницы, у которой погибла вся семья. Расстреляли её двоих детей, родителей, сестру, приехавшую из Читы рожать второго ребёнка. Все, кто поселился у нас, жили с нами до конца войны.

Каждый раз румыны требовали контрибуцию, и евреи собирали им откупные. И тогда жизнь продолжалась. Молодых брали на работу в совхоз. Направляли и к немцам на стройку в с. Варваровка. Забрали туда Лёву Глезера, Шикю Хазина, Штульбаума и других. Все они не вернулись в гетто.

Время шло. Голод и болезни распространялись и усиливались. Началась эпидемия сыпного тифа. Каждый день умирали по пятнадцать-двадцать человек. Не помогали порошки, кем-то привезённые из Румынии. Страшно было смотреть на тех, кто жил в сараях, синагогах. Каждое утро за бойней они вытряхивали вшей из своих рваных одеял, тулупов, другой одежды.

Заболели тифом и мы. Лежали с высокой температурой. На голову клали пузыри со льдом, губы увлажняли водой. Я заболела последней. Была на краю жизни. Пульс доходил до ста тридцати пяти ударов в минуту. Доктор Шехтман из Румынии уже оставил меня без надежды на выздоровление. Меня

оплакивали родители. Не оставлял только знакомый семьи Остфельд из Черновиц, продолжал приносить воду, лёд. Я выжила.

Много страданий перенесли мы за годы войны, и не только тяжкий, подневольный труд забирал наши силы. Убивало и предательство своих. Буковинские евреи были удивлены поведением местной общины. Среди наших были такие евреи, кто не давал спокойно жить тем единоверцам, кого спасли украинцы, приведя их в Мурафу. Было такое. Всё описать – сил нет.

Главное, мы остались живы.

Мой папа не раз говорил, что у нас на кладбище похоронены Цадейким - Праведники, - и они за нас молились и просили Б-га, чтобы он нас оставил в живых.

Так и случилось.

Слабых добивали

Татьяна Резник

16 октября 1941 года немцы и румыны оккупировали наш город Одессу. Уже на следующий день в массовом порядке евреев начали загонять в тюрьму, школы, клубы и другие общественные здания, а затем партиями их уничтожали.

Из нашего дома № 52 по улице Ленина и близлежащих домов всех непригодных для армии мужчин и подростков еврейской национальности использовали для разборки баррикад. Их (баррикады) построили перед приходом врага, чтобы затруднить захват города. Пока мужское население занималось разборкой баррикад, женщины следили у ворот: как только румыны заходили в соседний двор, чтобы увести евреев, мы все, оставшиеся дома, перебежали на противоположную сторону улицы и ждали, когда они уйдут в следующий двор, только тогда мы возвращались домой.

Таким образом нам удалось продержаться несколько дней. Затем был издан приказ: "Всем евреям явиться в село Дальник со всеми своими инструментами по специальностям." Якобы на работу. На самом деле всех отправленных туда уничтожали.

Однажды мы не успели убежать из своего двора, пришлось спрятаться в глубоком подвале. Во время этой облавы были обнаружены наши соседи. Их увели и потом уничтожили. Среди них были Дора Шпигель, Богдановская, Берта Шенкман с маленьким сыном и другие. К сожалению, всех их имен не помню, ведь в ту пору мне было пятнадцать лет²⁶.

В начале ноября нас поймали. Вывели на улицу и приобщили к этапу, направлявшемуся в тюрьму. Но так как она была уже переполнена, нас отправили в монастырь, расположенный напротив железнодорожного вокзала. Внутри двора находились глубокие подвалы. Все усиленно охранялось, и поэтому выбраться оттуда и убежать было невозможно.

²⁶ Во второй половине октября 1941 года близ Одессы по личному приказу диктатора Румынии И.Антонеску было расстреляно и заживо сожжено более 30 тысяч евреев-жителей города. *Транснистрия. Электронная еврейская Энциклопедия.*

Пока нас держали в этом подземелье, мужчины и подростки продолжали разбирать баррикады. В их числе был и мой одиннадцатилетний братик Арон. Когда после работы он вернулся домой, женщина-дворник непустила его и сказала, что всех увели в тюрьму. Он направился туда. Пришел в тот момент, когда формировали очередную партию для уничтожения. В эту группу попали наши соседи: М. Белоус с сыном Изей, Ш. Хляп, И. Шенкман, О. Коротик. Мой братик, благодаря маленькому росту и невзрачной внешности, чудом сбежал из тюрьмы и нашел нас.

Через несколько дней нас повели этапом на Слободку, где было гетто. Местные жители не захотели оставить собственные дома со своим хозяйством, садами, огородами, и нас разместили в пустующих помещениях учреждений и подвалах. Нас постоянно избивали и унижали.

В январе сорок второго года всех собрали и ночью погнали на станцию Сортировочная, а затем погрузили в товарные вагоны.

Что там творилось, трудно описать. Больные, старые люди не могли подняться в вагоны. Они падали, ломали руки, ноги, а их добивали. Близкие теряли друг друга, и от этого многие сходили с ума. Вокруг был слышен плач, крик, вой. Ночью привезли нас в Березовку. Люди падали в горящие у вагонов костры. Нас становилось все меньше и меньше. А этап все гнали от села к селу. Ни воды, ни еды. Адский холод. Повсюду валялись замерзшие трупы - следы предыдущих этапов.

Помню, проходили села Сиротское, Мостовое, Лидовку и еще какие-то селения, названия которых теперь уж позабыла. Но никогда не забуду, как в каком-то селе, не то в январе, не то в феврале, нас переводили по ледяной воде через приток реки Буг. Казалось, само сердце леденеет. Скольких мы не досчитались в этот переход, не знаю. С наступлением ночи оставшихся в живых загоняли в заброшенные домики - землянки. Мы штабелями, один на другом, укладывались до утра, а затем нас гнали дальше в смертельный поход. В селах местные жители в обмен на одежду, обувь и другие вещи тайком от охраны приносили отварной картофель, мамалыгу, кусочки хлеба.

В Доманевке нас разместили в недостроенном клубе, где еще не все окна были остеклены, а двери не закрывались. Разместились, где могли: на сцене, в оркестровой яме, на полу в зрительном зале. Вши заедали всех. Пошел тиф. Больных и

слабых грузили на повозки и увозили на окраину в бывшие конюшни без окон и с толстым слоем льда повсюду. Смерть наступала мгновенно. Вот и мою маму вывезли. Можно было смириться с этим? Я пошла ее вызволять. На обратном пути кто-то сказал, что полицай Козакевич разъезжает верхом на лошади, ищет евреев. Обнаружил он и маму. Стал избивать кнутом, выбил глаз и оставил полуживую, видимо, решив, что она уже не жилец на этом свете.

Что было после этого, трудно описать, но маму я все-таки вернула к жизни. Сколько времени продолжалось, не помню, ибо одна беда другую захлестывала.

Настал день, когда погнали опять этапом, на этот раз в Ахмичетские Ставки. Новое место было ограждено колючей проволокой, дальше - глубокие рвы. На территории - бараки, бывшие свинарники, без окон и крыш.

За водой ходили под конвоем и только по десять человек. Помню, однажды в такой группе оказалось одиннадцать человек. Братик моей подруги, Алик Вассерман, стал жертвой. Его убили. Питались мы сухим бурьяном, всем, что можно было жевать. Весной всех физически еще пригодных вывозили на работу. В их числе оказались и мы с братиком. Неработоспособную маму мы умудрялись забирать с собой и прятать в степи. Но силы ее таяли, и она все меньше могла передвигаться. Пришлось ее оставить. А однажды нам сообщили, что у нас уже нет мамы. Горю, отчаянию нашему не было предела. Бывшие с нами пожилые Бася и Лазарь Финкельштейн помогли похоронить маму. Но гораздо позже, когда вернулся с фронта старший брат-инвалид, и мы попытались найти ее могилу, на том месте, где похоронили, все было вспахано, и даже следа от нее не осталось, только память в наших сердцах.

Осенью 1943 года нас снова отправили в концлагерь. А весной, когда в конце марта возвращались наши войска, меня и брата взял в свою семью бригадир Леня Черный (как потом стало известно, он был оставлен нашими по заданию комсомола). Братика они стали называть Ваней. Договорились, что в случае, если нас обнаружат, мы - его брат и сестра. Но все обошлось. Немцы и румыны так драпали, что им было не до нас.

Пришли советские войска. Вместе с ними, где пешком, где на боевой технике, мы добрались до Одессы в первые дни ее освобождения.

По данным, опубликованным в книге "История городов и сел СССР" (Николаевская область, стр. 345, г. Киев, 1981 год), в Доманевском гетто и вокруг него погибло евреев из Доманевского района, Одессы и Молдавии 18 тысяч.

Умирали стоя

Хаюся Резник (Боймер)

Я, Хаюся Резник (в девичестве Хаюся Боймер) родилась в 1936 году.

С первого же дня войны была рядом с мамой – Диной Боймер, и прошла с ней всё то, через что прошла она.

Всего не помню, но что навсегда сохранилось в воспоминаниях о том времени, так это страх, голод, холод. Переболела почти всем, что было в тех условиях.

Вспоминается, как после освобождения Украины у нас в Немирове собрались оставшиеся в живых близкие, знакомые с намерением навестить могилы погибших, дорогих нам людей. Поговорили они, поплакали – больше плакали, а потом вдруг женщины обратили внимание на меня и стали обнимать и целовать. Когда я осталась одна с мамой, я спросила, почему все они целовали меня. Мама рассказала, что однажды целая группа евреев спряталась в погребе, наверху же были немцы. В этом погребе была и я с мамой. Если бы я заплакала, даже пикнула, нас бы всех обнаружили и расстреляли.

Сейчас, когда я уже не молодая, а мамы моей нет в живых (светлая ей память) очень жалею, что так мало расспрашивала о тех страшных днях. Не хотелось расстраивать её. Ведь когда началась война, ей было всего двадцать два года, и у неё была ещё одна доченька. Звали её Ася. Асенька родилась в сорок первом году. Она всегда была с моей бабушкой, а я – с мамой. Моя мама после замужества жила с родными мужа, моего отца, в Немирове.

По маминым воспоминаниям, первая массовая облава на евреев состоялась 24 ноября сорок первого года, когда уже было образовано гетто (наш дом находился на его территории). Немцы ходили по домам, собирали евреев и уводили на расстрел. Когда моя мама и родная папина сестра Пэся увидели немцев во дворе, они схватили меня и дочку тёти Пэси и убежали через другую дверь и спрятались в сарае. Нас не обнаружили, но всех родных, в том числе мою сестрёнку Асю, бабушку, дедушку и многих других расстреляли.

Моя мама и тётя Пэся после этого долго прятались в лесу, но , в конце-концов, опять вернулись в Немиров. Вскоре немцы реорганизовали наше гетто в гетто-лагерь. В основном евреев заставляли работать на немцев, обслуживать их.

Все узники думали, что пока они занимаются этим делом, немцы сохранят им жизни. На деле получилось по-другому. В 1942 году 26 июня состоялось второе массовое уничтожение евреев.

Находясь на волоске от смерти, мама и тётя Пэся решили расстаться, надеясь на то, что хоть кто-то останется в живых и потом расскажет о всех ужасах, которые постигли евреев. Тётя Пэся с доченькой остались, а мама вместе со мной решила бежать.

К великому сожалению, тётю Пэсю и её дочурку убили за десять дней до прихода Красной армии. Но моя тётя даже в самую страшную минуту думала не только о себе. Однажды, находясь на территории гетто, она услышала разговор немцев (а она понимала немецкий язык), из которого узнала, что собираются убить одного местного украинца, решив, что он помогает партизанам. Тётя нашла способ сообщить этому человеку, что его ждёт, и он убежал, тем самым сохранив свою жизнь. Тётя Пэся со своей дочкой погибла. Немцы вычислили, что предупредить его могла только она. Её вместе с самым родным ей человечком принародно расстреляли на площади.

Как рассказывали потом чудом уцелевшие, в сорок третьем году немцы, почувствовав приближение советских войск, устроили третий массовый расстрел евреев. Расправлялись с оставшимися. Очевидцы вспоминали, что их уже не убивали, а загоняли в могилы и засыпали землёй. После войны оставшиеся в живых раскапывали эти могилы: покойные стояли в них во весь рост.

Нас с мамой не было там. Чудом выбравшись на волю, мама решила бежать из своего Немирова к родным, от которых не было никаких вестей, и неизвестно было, живы ли они и есть ли там немцы. Каждый час нас ждала смерть. Только один Б-г помог нам добраться живыми до местечка Ялтушков, Винницкой области. Но оказалось, что и здесь фашисты расправились с евреями. Собрали всех пожилых и повели на расстрел, а молодых оставили работать. Меня с мамой отправили в гетто. Всех маминых родных расстреляли, и мы остались одни. Смерти было не миновать, и мама опять решила рискнуть. Мы бежали с ней в

Копайгород, где хозяйничали румыны. По рассказам, они не зверствовали так, как немцы²⁷. Ночью, пробираясь через поля, встретили крестьянку, которая и помогла добраться до места. Там жил старенький дядя Шлойма, он нас и приютил. Я его хорошо помню – его длинную бороду и то, как он заботился о нас и жалел. У него мы прожили до освобождения от оккупации в марте 1944 года.

После этого мы вернулись в м.Ялтушков, а со временем и в Немиров. Вернулся отец в фронта – Боймер Зелик, всю войну воевавший в действующей армии. Папа имел ранения, горел в танке. Он умер рано. Каждый год в День Победы я раскладываю оставшиеся у меня его ордена и вместе с детьми и внуками мы говорим о нём...

В 1990 году наша семья приехала в Израиль. Мама была с нами. Она много читала, особенно интересовалась всем, что касалось прошедшей войны. А как-то она сказала мне : “Сколько бы ни писали книг о войне, сколько бы ни создавали фильмов, - это тысячная доля того, что было в действительности и что пережили евреи.”

На снимке: Резник Хаюся с матерью – Боймер Дина. Фото 1990 г.

²⁷ По утверждению румынской стороны, румынская администрация Буковины, Бессарабии и Транснистрии за всё время оккупации казнила в лагерях 270 тыс. человек. Когда советские армии пересекли Южный буг, Антонеску (диктатор Румынии – прим Л.К.) срочно отдал приказ выкапывать тела казнённых евреев и сжигать их. *Румыния во Второй мировой войне. Холокост-Википедия.*

Не прощаю

Соня Рибник (Головатая)

Я родилась в с. Ворошиловка, Тывровского района, что на Винничине.

В июле сорок первого года к нам пришли немцы. Евреев села вызвали на площадь возле сельсовета, а потом по тридцать-сорок человек загнали в пять домов и всё огородили колючей проволокой. Ни войти, ни выйти. Брать с собой ничего не разрешалось, и мы не были ни к чему готовы. Приближалось время, когда немцы приняли решение всех нас уничтожить. Уже подбирали помещение, где будут убивать. Но тут пришли румыны, и планы изменились. Через наше село протекала река Буг, которая делила деревню на две части. Фашисты решили один берег оставить себе, другой – румынам. Мы попали к последним, но границы чётко не соблюдались, и постоянно к нам приходили немцы.

Помню, когда немцы только вошли, к нам в дом пришли два солдата. Я в это время находилась в другой комнате, мне было шестнадцать лет. Один из них открыл дверь и, увидев меня, пытался изнасиловать. Только после того, как вошёл другой, он меня отпустил.

В гетто нас постоянно избивали, особенно трудно было молодым. За девочками, девушками, молодыми женщинами постоянно гонялись, насиловали. Мы всегда голодали, зависели только от того, насколько милосердны были местные жители, бросавшие нам время от времени куски хлеба или картошку, но и доставалось это далеко не всем. Как-то мне удалось вырваться на базар, думала, встречу кого-нибудь, кто покормит, ведь нас знали здесь все. Румын-полицай узнал меня, начал избивать, в основном по голове. Бил так сильно, что я упала и потеряла сознание, и только тогда, мне потом рассказали, он отступился. Меня подняли стоявшие рядом сельчане, подвели к гетто, туда им не разрешали заходить, приподняли проволоку и перебросили.

От рассвета до захода солнца мы работали на полях, растили урожай, который полностью доставался фашистам. Зимой перебирали овощи в погребах. Кроме того, нас использовали на дорожных работах, носили песок, камни. Не жалели, не щадили,

постоянно избивали, чем бы мы ни занимались. Нагайки ежедневно гуляли по нашим ногам, рукам, головам, по всему телу, и видно было, как изверги наслаждались тем, что делали. Нам доставались одни страдания, муки, которые прекратились только с приходом советских войск в марте 1944 года.

Мне уже восемьдесят три года, но до сих пор не могу простить тех извергов.

Смерть приходила по субботам

Полина Риф

Я, Риф Полина, 1934 года рождения, пережила Катастрофу.

До войны моя семья жила в с. Бабчинцы, Винницкой области, что на Украине. В июле сорок первого года в село пришёл немецкий карательный отряд. В первую субботу всех евреев согнали на площадь и погнали в лес за селом. Начали расстреливать коммунистов и комсомольцев. Нас, всех оставшихся, посадили напротив и заставили смотреть, как гибнут наши родные и близкие. После того, как каратели их умертвили, нам приказали идти домой.

В следующую субботу стали снова созывать на площадь. Отец приказал спасаться, бежать в другое село. Мама побежала с нами в поле. Днём скрывались в стогах сена, излучинах, ночами уходили подальше от места трагедии. Так мы прятались шесть дней, без воды, питаясь пшеницей и несобранной кукурузой. Дошли до Могилёв-Подольского. На короткое время приютила какая-то женщина. В конце сентября было организовано гетто. Всех евреев согнали в один район города возле базара. Это было несколько огороженных колючей проволокой улиц. Кругом охрана. С собаками. Выйти за пределы ограждения – расстрел. У всех жёлтые шестиконечные звёзды.

Через какое-то время я заболела тифом. Забрали в больницу, но лечить было нечем. И всё же встала на ноги.

После того, как начала ходить, помогала убирать палаты, выносила мусор.

Узницей гетто пробыла с сентября 1941 по март 1944 года.

Мы вернулись домой. Только тогда узнали, что отца и двух братьев расстреляли в ту субботу.

В селе после расстрела осталось семь человек.

За все – расстрел

Полина Соломянская

Я родилась в местечке Жмеринка, Винницкой области. Когда началась война 1941-1945 гг., мне было почти двенадцать лет.

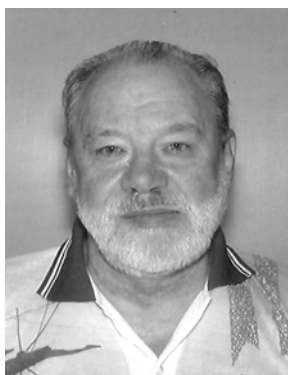
17 июля сорок первого года немцы оккупировали наше местечко. Вскоре они собрали всех евреев в горсовет и сообщили, что люди нашей национальности на левой руке должны носить повязки с шестиконечными звездами. Тем, кто окажется без повязок, грозит расстрел²⁸. Сразу под конвоем стали водить на работу. За малейшую провинность избивали. Так продолжалось до конца октября.

К этому времени было создано гетто, и всех евреев переместили туда. Вслед за немцами хозяйничать в гетто начали румыны. Каждый день в семь часов утра всех собирали у горсовета и строем, под прицелом винтовки выводили на работу. Даже детей и подростков не жалели. Я тоже делала все, что мне приказывали: мыла полы, подметала улицы, до боли в пальцах в столовой чистила картошку. За все, что выполняла, мне не всегда давали жиденький гороховый суп без картошки. Узники гетто голодали, многие умирали с голоду.

Помню, как к нам пригнали бессарабских евреев, как прибежали в гетто после массового расстрела оставшиеся в живых браиловские евреи.

Скученность была большая, голод свирепствовал еще больше, а зимой забирали человеческие жизни и морозы. Так в страданиях и мучениях проходили дни за днями. И, наконец, 20 марта 1944 года нас освободили советские войска.

²⁸ Насколько серьёзно фашисты относились к этому требованию, свидетельствует запись в дневнике 3 батальона полицейского полка “Центр”, находившегося на территории Белоруссии: “1 сентября (1941-прим. Л.К.) 9-я рота вместе с СД расстреляла в окрестностях Минска 914 евреев. Расстрел “прошёл” без особых происшествий”. Среди расстрелянных были 64 женщины. Они были расстреляны за то, что во время акции оказались “без еврейских нашивок”. (Аркадий Лейзеров (Минск). *Геноцид Белорусского еврейства глазами немецких оперативных документов. Национальный архив Республики Беларусь*, ф.4683, оп.3, л.2.
<http://www.homoliber.org/kg/kg020109/html>)

Спасение – в яме под кроватью

Дмитрий Стельмак

Я родился в г. Днепропетровск. Когда началась война, мне было три года. Отец работал инструктором “Осовиахима”. По делам службы он был направлен в командировку в г. Станислав (ныне – Ивано-Франковск). С собой взял и семью. Началась война, и отца мобилизовали в армию. Мать, на восьмом месяце беременности, решила вернуться обратно.

Поселились в доме родителей отца. В августе 1941 года Днепропетровск был взят немцами, а 26 сентября родилась моя сестра. Уехать с двумя маленькими детьми, из которых одна была новорожденная, мать не решилась, и мы остались в доме родителей отца, Кушнарёвых – украинцев Трифона Михайловича и Марии Яковлевны.

Когда начались преследования евреев, мой дед, Трифон Михайлович, хороший столяр, под спальней самой дальней комнаты в доме, вырыл яму размером 2х3 метра, и спрятал нас от соседей и знакомых. Всем объявили, что мы уехали. Выходить во двор, сад можно было только в темноте. На всякий случай маму подстригли и перекрасили в блондинку. Впоследствии это помогало нарушать запрет, тем более, когда постоянно раздавался плач новорожденной.

Дом деда был большой и привлекал внимание немецких, итальянских военных. Немцы приходили к нам группами по 5-6 человек, но, слыша плач ребёнка, старались не задерживаться.

Помню, первое время в семьях, где были евреи, носили специальные повязки. Дед тоже носил повязку. Однажды он сорвал её при мне и сжёг в печке, сказав, что если немцы обнаружат евреев, то всё равно убьют всех.

Время от времени я ходил по всей квартире. Хорошо запомнил высокие блестящие сапоги на ногах у немцев. Раньше никогда не видел таких.

Помню, как-то долго жили у нас итальянские солдаты. Кто-то из них клал свой пистолет на шифоньер. Уходя, то ли забывал о нём, то ли ещё по какой причине, но пистолет там и оставался.

У моего отца был младший шестнадцатилетний брат. Так как в это время не учились, то к нему часто приходили товарищи. Они брали этот пистолет и устраивали игры. Любимая игра была: ставить меня на диван и , прицелившись, кричать “Руки вверх!”. Конечно, до выстрела не доходило, но я хорошо запомнил жёлтые блестящие гильзы.

Однажды к нам пришёл полицей, из местных, и, прислонившись к комоду, сказал: “На вас поступило заявление” – и продолжил: “Уберите мать и детей. Меня могут проверить”. Взял с комода дедушкины дорогие часы и деньги и ушёл. После этого бабушка увезла нас к знакомым. Мы пробыли там два дня и две ночи, а затем снова вернулись домой.

Так жили мы до 1943 года. Началось наступление советских войск. В один из дней немцы потребовали выехать всех мирных жителей в сторону села Мичурин Рог. Погрузили на грузовики и, не проверяя документов, отправили в назначенное место. В дороге никто из соседей не реагировал на тех, кто рядом. Все боялись за себя и ни о чём не спрашивали. Вскоре нас освободила советская армия. Таким образом нам удалось выжить.

В первый класс – через войну

Шмерл Табачник

Первого сентября 1941 года я должен был пойти учиться в первый класс украинской школы. Я ждал этого события, как только могут его ждать дети такого возраста. Мне казалось, что я уже очень большой и могу многое. Но вот пришло 22 июня. Бомбили Киев. Фашисты напали на

Советский Союз – страну, где я родился, подросток и должен был начать новую, школьную жизнь. С приходом немцев все прервалось, все изменилось.

Так сложилось, что к этому времени мы со старшим братом Мишей жили у бабушки Сурры и дедушки Герш-Бейн. Всех их шестерых сыновей, вместе с моим отцом – Занвела, Аврума, Менделя, Шнеера, Хаима и Лейба в первые дни войны забрали на фронт. Вернулись из них только трое – Занвел, Шнеер и Мендель. Остальные – Аврум, Хаим и Лейба погибли. Мой отец пришел инвалидом первой группы и от последствий тяжелых ранений умер в возрасте тридцати семи лет.

Помню, перед вступлением немецко-румынских фашистов в местечко Крыжополь, Винницкой области, где мы с братом проживали с бабушкой и дедушкой, наш шестидесятивосьмилетний дед нанял подводу, и мы, захватив с собой только подушки и одеяло, поехали в Торкунивку к дедушкиной невестке Люсе, жене Аврума. Дед надеялся, что в селе нас не тронут, и мы там переждем смутное время. Всё вышло по-другому.

Через два дня, как мы поселились в селе, нас всех четверых – деда, бабушку и нас с братом вызвали в какую-то избу на допрос. Был вечер, темно. Нам велели остаться на улице, дедушку допрашивали – кем работал, был ли коммунистом. Мы стояли у двери и слышали и вопросы, и ответы. Продержав всю ночь, утром нас отпустили уже без дедушки, приказав ждать дальнейших указаний. Позже наша Люся (украинка) рассказала, что дедушку и еще двух стариков-евреев вывели в поле и расстреляли. Так мы с братом и бабушкой-инвалидом остались одни. Примерно через две недели нам приказали вернуться в Крыжополь, где на территории трех-четырех улиц организовали гетто. Туда согнали всех евреев местечка и соседних сел.

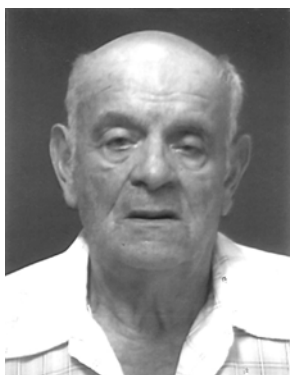
Вспоминается, там не было так уж много народу, ведь остались в основном немолодые женщины и дети. Наш дом находился на территории гетто, но мы не жили в нем одни: к нам подселили еврейскую семью из Бессарабии. И им, и нам досталось по одной комнате. Началась голодная, холодная, полная унижений жизнь.

В гетто приходили немцы, но каждодневными делами, в основном, руководили румыны и полицаи. Взрослых отправляли на тяжелые работы. Мы, дети, были заняты тем, что искали пропитание для себя и семьи. Средством достижения этого опять же была только работа. Пяти-, шести-, семи-, восьмилетние дети радовались и просились на любую работу. Одно время мой брат был учеником в сапожной мастерской по ремонту обуви. Как-то нам обоим повезло: нас взяли пастухами. Миша пас коров, а я коз, и все это только за то, что нас кормили. Но дома оставалась голодная бабушка-инвалид, которая не могла обеспечить себе пропитание. Все жители гетто стремились попасть на работу в поле, и мы с братом тоже. Оттуда можно было втихаря принести в карманах пару картофелин или свеклы. Доводилось работать и на складах по сортировке кукурузы и сахарной свеклы. Это считалось престижным местом, и каждый попавший туда сам старался работать так, чтобы его еще раз взяли сюда. Шла борьба за выживание. До самых морозов ходили босые, оборванные. Теплые, шерстяные вещи забрали у всех с самого начала. И не дай Б-г, если кто-то решил что-то припрятать. Кара за это была очень суровая.

К концу войны в гетто остались одни женщины и дети. Мужчин перестреляли, а молодых женщин и девочек начиная с двенадцати лет, угнали на работы в Германию и в другие лагеря.

Когда началось наступление советских войск, немцы, румыны, а с ними и полицаи, бежали за одну ночь. Наутро их будто и не было. Правда, некоторые полицаи позже вернулись, но все они со временем получили по заслугам.

Наступил 1944 год. Нас освободили. Вновь приближался сентябрь. И только тогда, в возрасте одиннадцати лет, я пошел в первый класс...

Забавы фашистов и уголовников

Давид Тутельман

Я уроженец м. Дунаевцы, Хмельницкой области. В 1934 году вся наша семья переехала в г. Шаргород, Винницкой области. Как все еврейские дети, я прилежно учился в школе, мечтал о высшем образовании, но моим планам не суждено было сбыться. До войны обучение после восьмого класса стало платным, а семья у нас была многодетной, средств на учёбу не было. Я поступил в ФЗУ Цибулёвского сахарного завода приобретать специальность токаря. Выучиться не успел, помешала война. Мне в это время было шестнадцать лет.

В июле немцы оккупировали Шаргород. Эвакуироваться мы не могли, мама ждала очередного ребёнка. С приходом фашистов жизнь превратилась в ад. Убивали, насиловали, гнали стариков и детей на непосильную работу. Люди боялись выходить на улицу, но это не спасало. Немцы врываются в дома и разбойничали, грабили, избивали.

Весной сорок второго года меня вместе со многими другими погнали на строительство шоссейной дороги длиной в 35 километров от г. Мурафа до м. Ярошенко. Это, примерно, в тридцати-сорока километрах от Шаргорода. Работали впроголодь. Труд тяжкий, а за малейшую, на взгляд надсмотрщика, провинность избивали. К концу октября того же года нас посадили на подводы и повезли. Прибыли в Могилёв-Подольский, Винницкой области. Туда же пригнали ещё группу евреев и дальше поездом повезли в с. Трихаты, Николаевской области. Мы выполняли разные работы, но главной было строительство моста через реку Буг. Моё место было на песчаных карьерах. У каждого работавшего было по две лопаты, добывали песок, а затем грузили в вагоны. Лагерь охраняли немцы. Комендантом был немец Геккеле. Бригадирами над нами были поляки-уголовники. Это были настоящие изверги: при случае и без него постоянно избивали. Когда мы добывали песок, образовывались ниши, и иногда, чтобы чуть-чуть отдохнуть или укрыться от солнца, рабочие забирались туда. Однажды и я

забрался в нишу. Это увидел поляк-надзиратель. Забавы ради он бросил в мою сторону взрывчатку. Меня засыпало песком. К счастью, выжил, и только потому, что наши люди со всеми предосторожностями, чтобы не увидели изверги, откопали меня. А пока работали лопатами, я вдруг услышал фразу: “Осторожно, мы же так ему голову отсечём”. Тут я и понял: жив.

Сейчас мне трудно представить, как мы выжили. Всё время впроголодь. Давали лишь кусок пшёного хлеба и похлёбку издохлых животных. Избивали до смерти. Одежда вся изнашивалась – ходили полуголые. Когда прибывал цемент для строительства моста, из освободившихся бумажных мешков и проволоки “шили” одежду, чтобы как-то прикрыть свою наготу. По завершении строительства моста вокруг него были установлены небольшие моторы, которые поднимали аэростаты, чтобы не могли бомбить мост. Немцы придумали здесь своё звериное развлечение. К аэростату подвешивали еврея, поднимали на определённую высоту и стреляли в него, в живую мишень. Они, подобно хищным зверям, радовались, когда на мост капала еврейская кровь. Нас осталось мало. Многих убили, многие умерли голодной смертью. Я остался жив, до сих пор не понимая, как могло это случиться.

Но мои муки ещё не кончились. В декабре сорок третьего года нас вывезли в г. Яссы (Румыния). Там организовали лагерь. В помещении были нары, на них тюфяки, набитые соломой. Вокруг всё огорожено колючей проволокой. Каждое утро приходили немцы, и нас забирали на работу. Мы копали окопы, противотанковые рвы. Приближался конец войны. Американцы бомбили Яссы. Было очень много погибших немцев. Они были под завалами домов. Нам приказывали раскапывать их и хоронить. Лето было жаркое, трупы разлагались, а нас заставляли делать эту жуткую работу.

В сентябре 1944 года нас, немногих оставшихся в живых, освободила советская армия.

То, что описал, это лишь малая часть перенесённого, пережитого. Воспоминания причиняют сильную боль.

После освобождения три дня держали в комендатуре, выясняли, кто я, как выжил. К концу сентября добрался до Шаргорода. К счастью, моя семья выжила. В Думаевцах погибла вся родня моих родителей. Братья, сёстры, племянники, все родственники.

В октябре сорок четвёртого меня мобилизовали и отправили на фронт. В составе советских войск освобождал Будапешт, озеро Балатон, Австрию. 8 мая 1945 года в горах Альпы посыпались листовки, сообщавшие об окончании войны. Демобилизовали в декабре 1949 года.

Фашизм рождает желание мстить

Лев Топоров

Родом я из г.Аккерман (ныне Белгород-Днестровский, Одесской области). Закончил шесть классов румынской гимназии, а после вступления советских войск в Бессарабию, на территории которой находился Аккерман, окончил десятилетку в советской школе. В день, когда должен был состояться выпускной вечер по этому случаю и когда мне было чуть больше семнадцати лет, началась война. Это случилось 22 июня, а 26 июня наш город уже бомбили немецкие самолёты.

Наша семья начала эвакуироваться в сторону Одессы, откуда пароходом рассчитывали двигаться дальше. Но нам это не удалось, город бомбили день и ночь, и многие теплоходы были атакованы немцами. После тяжёлых боёв Одессу захватили фашисты, и вот тогда начались наши страдания.

Всех евреев выгоняли из домов, строили по четыре человека и отправляли в одесскую тюрьму, где уже находились тысячи людей. Там были дети с родителями и без них, старики и старухи, которых возили на тележках.

Наша семья добралась до тюрьмы без потерь, поскольку мы ещё не были истощены и могли довольно сносно ходить. Тех же, кто не мог передвигаться или сопротивлялся, расстреливали без всяких разговоров. По сторонам колонны шли вооружённые солдаты и бесконечно лаяли овчарки.

В тюрьме мы голодали и страдали от отсутствия элементарных санитарных условий. Во дворе справляли свою нужду мужчины, женщины, дети. Начался тиф, болезнь, которой немцы очень боялись. Вскоре было принято решение вывезти в Доманевский район, Одесской области женщин, подростков и малых детей. Поместили всех в свинарниках, конюшнях и в дальнейшем использовали на сельскохозяйственных работах. Туда попал и я со своей мамой. Оставшихся в тюрьме мужчин вывели в сельскую местность (её название мне не известно), загнали в большущие амбары и подожгли. Снаружи установили

пулемёты, расстреливали всех и каждого, кто пытался бежать. Убит был и мой отец.

В свинарнике, в который нас поместили, на полу было немного соломы, она и служила постелью. Использовали нас в основном в поле: копали, сажали, окучивали, пололи, собирали урожай. Как ни хотели нас изолировать, сыпной тиф добрался и сюда. Заболели и мы с мамой. Ежедневно умирали десятки людей. То было в селе Пятихатка. Уверен, мы выжили за счёт того, что у нас были с собой добротные вещи, которые мы обменивали на продукты питания у местного населения. В лагере кормили нас овсяным хлебом и затиркой (что-то вроде каши). Мы были истощены, особенно после болезни. Умерших от тифа складывали штабелями за пределами места нашего проживания.

Продолжалась такая жизнь почти два с половиной года. Но вот по ночам стали слышны стрельба и разрывы бомб. Душа воспряла, и мы стали надеяться на скорое освобождение. Но тут немцы решили использовать выживших и подросших парней на восстановлении разбитого советской авиацией моста через реку Буг. Нас, молодых, загнали за колючую проволоку, окружили собаками. Нары в два этажа. Немного соломы, которой мы пытались укрыться от жгучего мороза. Это было зимой сорок четвёртого года. Наши самолёты разрушили железнодорожный путь, по которому поезда доставляли боеприпасы, людские ресурсы. Для ремонтных работ из наших евреев сформировали бригаду из десяти человек. Немцы, охрана жили в комфортабельном вагоне, с отоплением. Мы жили в других условиях.

Помню ночь перед Рождеством. Фашисты и охранники напились. Нашли развлечение: заходили в наш вагон и избивали палками, шомполами. Позже утихомирились и заснули.

Я и мой друг Ньюма решили бежать, хотя за это расстреливали на месте. Нас не догнали. Одна молдавская семья, с риском для жизни, спрятала нас и тем спасла. На чердаке было страшно холодно, но горячий кипяток согревал.

10 апреля 1944 года Одессу освободили советские войска. Мы ринулись туда, грязные, оборванные, завшивленные. Велико было желание мстить за страдания, которые нам причинили немцы. Я пошёл в военкомат Одессы и тут же был отправлен на фронт. Сражался на Днестре, Втором Белорусском фронте, в Польше. Мы наступали и освобождали других от фашизма.

Не для жизни

Елена Фактор

Местечко Копайгород, Винницкой области. Там жила наша семья: отец Фишель Фактор, мама Фейга, старший брат Лева, я и младшая сестра Моля. В 1940 году Лёву мобилизовали в армию. Через две недели после начала войны призвали в армию отца. А еще через две недели к нам пришли немцы. Так мама, я и младшая сестра оказались на оккупированной территории.

Осенью сорок первого года в город пришли румыны. Это было в Йом Кипур. Через короткое время мы оказались в гетто. Летом 1942 года нас отправили в другое место, находившееся в пяти километрах от Копайгорода, около железнодорожной станции под тем же названием. Это был участок леса, огороженный колючей проволокой, на котором находилось одно небольшое здание, куда набились впереди идущие. Остальные остались под открытым небом. Кто-то из мужчин построил нам шалаш из веток. Воды, как и многого другого, не было, поэтому полиция выпускали по десять человек к ключу на опушке леса. По их возвращении отпускали следующих.

Однажды в Копайгороде появился немец, он направился в лагерь. По дороге увидел еврея (некоторые из узников выбирались тайком в надежде найти что-либо в своих бывших домах). Фашист застрелил его. Тело положили на носилки и привезли в лагерь для устрашения.

По мере приближения к цели фашист заметил людей, возвращавшихся с водой или хлебом, что, по его мнению, было недопустимо. Одной девушке, лет пятнадцати, на виду у всех он приставил пистолет к виску и сказал, что он ее убьет, но что она еще достаточно чиста, и он пока помилует её.

Появившись на территории, приказал всем узникам собраться у ворот, а затем произнес речь о том, что 1) за водой больше не будут пускать, 2) указав на носилки, сообщил, что так будет с каждым, кто попытается выйти из лагеря, 3) что нас согнали сюда не для того, чтобы жить, а для того, чтобы умирать.

В это время к лагерю с другой стороны ограды приблизился мужчина с дочерью, девочкой лет восьми. Из толпы ему стали

подавать знаки не приближаться. Немец заметил это, обернулся и хладнокровно расстрелял их на глазах у всех, на глазах у матери. После этого она сошла с ума, и по ночам мы часто слышали ее вой.

Вскоре наша мама решила, что нам надо выбраться отсюда и идти в м. Снитков, где жил дедушка (отец моего отца), брат Исаак с семьей и сестры отца. Была зима. Мысль вынашивалась, но не так просто было ее осуществить. А через короткое время стало известно, что всех евреев местечка выгнали в Мур-Куриловцы и там расстреляли.

Семья отца лежит в общей могиле. Младший брат отца, Исаак, каким-то образом сумел выбраться из ямы, потому что в нее сбрасывали и раненых, и живых, прибежал в Копайгород, рассказал обо всем, сообщил, что ему самому надо срочно куда-то бежать и умчался. Больше мы его не видели. Позже рассказывали, что его вскоре поймали и загнали в толпу, которую вели в деревню Трихатка. Это было страшное место, оттуда мало кто возвращался. Мой дядя решил бежать. Но при попытке к бегству его убили. Он сумел даже выбраться из могилы, а пуля все равно его догнала.

После войны, когда отец вернулся домой, ему рассказали о случившемся. Неделью он не отрывал головы от подушки, плакал. Девятнадцать человек своей семьи он потерял в один день.

Мы остались живы...

Черная ночь оккупации

Мария Фельдман (Черницкая)

Наша семья до войны жила на Украине в Житомирской области в городе Новоград-Волынский. Наш папа, Янкель Черницкий, работал в деревне, заведовал сельским магазином недалеко от нашего города. Мама хозяйничала дома и воспитывала детей. У нее было редкое еврейское имя – Бабця. У родителей нас было четверо: девятилетний Боря, восьмилетний Хаим, мне было в ту пору три с половиной года и двухлетний Сема. В декабре сорок первого года у нас ожидалось прибавление семейства.

Семья жила дружно и счастливо. Маму, человека добрейшей души, очень любили соседи. Все изменила война.

В июне сорок первого года на наш город посыпались немецкие бомбы. Папа примчался с работы на телеге, нас усадили на нее, побросали кое-какие пожитки, и мы стали убегать от бомбежек. Добрались до Сумской области, Лебединского района. Вот и хутор Забуги. Папу сразу мобилизовали в армию, а нашу семью приютил в своем доме житель этого хутора дедушка Иосип Забуга, хотя у него самого был полон дом – мал-мала-меньше.

Вскоре пришла она – черная ночь оккупации. Немцы повсюду развесили приказы о регистрации евреев, об обязательных нашивках желтых звезд. За укрывательство евреев – расстрел.

Дедушка Иосип нашел место для нашего укрытия. Это была комнатуха, уцелевшая от сельского клуба после бомбежки. На хуторе появились полицаи, часто наезжали немцы. Дедушку Иосипа назначили старостой. О прибытии фашистов он предупреждал, и тогда мы прятались, где только могли.

Крестьяне нас жалели и старались помогать. Наш староста был на связи с партизанами. А те иногда доставляли продукты в село. Дедушка, распределяя их, не обделял и нас. А вокруг рыскали полицаи. Одному из них удалось пронюхать о нас. Чтобы он молчал, маме пришлось выдернуть из рта золотые коронки и отдать ему. Ну а желтые звезды она не пришила нам специально.

Шестого декабря сорок первого года на свет появился мой младший братик. "Как назовем?" – спросила нас мама. На семейном совете решили дать ему имя "Коля". В тех обстоятельствах нельзя было по-другому. А дальше в маленькой комнатухе заброшенного клуба все время плакал тощенький голодный малыш. Кормили его в основном жеваным хлебом, завёрнутым в тряпицу. Молоко в доме было праздником. Для всех остальных Боря с Фимой собирали мороженую картошку, колоски после уборки урожая.

Как-то весной сорок второго года на хутор заехала группа полицаев и остановилась в доме мельника. Когда они попросили молока, жена мельника, не задумываясь, проговорила: "Подождите, хлопцы, сейчас жидок пригонит корову, я вам дам парного молока". Полицаи тут же потребовали рассказать о евреях.

Они нашли нас. Спросили документы, которых у нас не было. Перерыли весь дом. Мама утверждала, что они были потеряны во время эвакуации. Полицаи были непреклонны. Нам грозил расстрел на месте, но... появился староста. Они долго ругались. В конце концов староста все-таки заставил везти нас в район. Нам ничего не разрешили брать, а хуторянам запретили оказывать помощь.

Пятнадцать километров до райцентра одолели за четыре часа. Полицаи, уверенные, что мы не сбежим, поехали вперед по сельской дороге, а наш возница, чтобы не встретиться с ними, по просьбе старосты, повез окольным путем.

Нас привезли в комендатуру. Вскоре в камеру вошел комендант Кригер с начальником полиции и несколькими полицаями. Мама встала с маленьким Колей на руках, чтобы видно было, что он не обрезан. Через переводчицу ее спросили, еврейка ли она. Мама отрицала. Раздался крик: "Жидовка! Жидовка!" Мама утверждала, что она украинка. Тогда ее спросили, где муж. Она ответила, что погиб.

У коменданта, судя по его дальнейшим действиям, сложилось впечатление, что перед ним и в самом деле не евреи. К тому же мы были голубоглазые, рыжеволосые и конопатые. Разговор прекратился, и нас отправили в камеру. Утром снова повели к коменданту на допрос, и опять повторился вчерашний диалог. Под конец, когда начальник полиции высказал свое мнение: "Расстрелять!", комендант окинул нас взглядом и продиктовал секретарше текст документа, велев нас отпустить.

Сразу вспомнился сон брата Хаима, которого в новых условиях стали называть Фомой. А приснилось ему, будто пришла бабушка и сказала нам уходить отсюда. Мама тогда решила, что этот сон – предзнаменование, что мы уйдем отсюда живыми.

И вот он, сон в руку.

Но на этом наши беды не закончились. В коридоре нас остановил полицей и повел к начальнику полиции. Тот не просто вел допрос, он делал все, чтобы заставить маму признаться, что она еврейка. Он приказал ей просунуть руку в дверную щель, а потом с остервенением закрыл дверь. Мамочка выдержала и это испытание, упорно твердя свое. Наконец, мучитель сам устал и отпустил нас.

Мы проходили через двор, где стояли зенитные установки. Было жутко. Казалось, что именно из них нас расстреляют. Но судьба сделала огромный подарок нашей семье, оставив всех нас в живых.

Вернулись на хутор. А войне еще не видно было конца.

Я была маленькой девочкой и не запомнила все, а только отдельные эпизоды. Все остальное знаю по рассказам мамы и старших братьев. Хочу еще сказать: отец наш вернулся с фронта на костылях.

На снимках: Мария Фельдман, ее самый младший брат Николай Черницкий и семья их спасителей: Иосип Забуга – в центре, его жена Катря – слева, справа его сестра Агриппина, сверху их дочь Мария.

Снимок 1944 года, хутор Забуги.

До последнего часа

Ося Фельдшер

Я, Фельдшер Ося Семенович, родился на Украине, в городе Томашполь, Винницкой области. Когда началась Вторая мировая война, мне было шесть лет, младшему брату исполнилось всего пять месяцев. Отца взяли в армию, а мы остались с мамой.

В конце июля 1941 года в город вошли немцы. Уже четвертого августа они собрали 242 еврея: женщин, стариков и детей, которых загнали на еврейское кладбище и расстреляли. Заранее был выкопан ров, куда побросали всех – и мертвых, и раненых, но еще живых людей. Несколько дней земля над этим ровом поднималась, будто дышала. Полумертвые пытались вырваться из объятий смерти, но им это не удалось. Тот, кому довелось увидеть такое, думаю, не забудет этого до своего последнего часа.

Каждый день немцы показывали нам, на что они способны. За малейшее непослушание, непонимание нас избивали, унижали, подтверждая, что в их представлении мы – ничто, никто. Человеческая жизнь ничего не стоила.

В один из декабрьских дней всех оставшихся в живых евреев согнали в один район, занимавший несколько улиц. Все оградили колючей проволокой. К этому времени немцев сменили румыны. Если с нашей стороны было что-то не так, как они требовали, нас сразу наказывали, били нещадно. Из-за колючей проволоки шесть месяцев нас не выпускали никуда.

Пришло лето, и всех взрослых погнали на работу. Детей пока не трогали. Мы голодали, на нас порвалась одежда. Дальше просто так находиться в гетто было невозможно. И вот восьмидесятилетние ребятишки решили рискнуть и стали пробовать выбираться за проволоку. Позже они осмелели и по два-три раза на дню втихаря убегали из гетто в ближайшие деревни раздобыть хоть немного хлеба. Были крестьяне, что отзывались на наши просьбы. Бывало, что давали какую-то одежду. Такие вылазки хоть и не решали наших проблем, но как-то помогали выжить.

Но вот беда пришла с другой стороны. В конце 1942 года появился и стал распространяться тиф. Первыми его подхватили

дети. Среди заболевших был и я. Не знаю, выжили ли бы мы, если бы не помощь главного врача из городка Комаргород (к сожалению, не знаю его фамилии). Всех заболевших детей он сумел взять в свою больницу и всех выходил. Запоздало говорю ему "спасибо".

Безмерно благодарен я и своей матери, которая в тех невероятных условиях сумела нас сохранить.

В 1943 году в Томашполь вошла Красная армия, нас освободили. Ребята, от девятнадцати лет, совсем еще юные – все пошли воевать с фашистами. Всем хотелось отомстить за погибших, потому что не было еврейской семьи, в которой не оказалось бы замученных, расстрелянных фашистами – немцами и румынами. К сожалению, не все из этих молодых людей вернулись домой. Многие из них погибли на полях сражений.

Девять дней сорок первого года

Евгений Фридман

Родился я 15 июня 1925 года в Ростове-на-Дону. Моя семья – папа, мама, старший брат Абрам и я. На второй день войны наш Абрам ушел добровольцем на фронт и, провоевав всю войну, погиб в апреле сорок пятого года под городом Кенигсберг (бывшая Восточная Пруссия).

Когда началась война, мы оставались в городе. Немцы занимали Ростов дважды. Первый раз он находился в оккупации девять дней. О том, что произошло с нами в этот период, я и хочу рассказать.

В августе начались бомбардировки, и мы большую часть времени проводили в бомбоубежище. В одну из бомбежек мы поднялись в свою квартиру на четвертом этаже и ужаснулись: фугасная бомба разворотила потолок, разрушила всю мебель, домашние предметы, утварь. Мы остались в том, что было на нас.

В городе проживала папина родная сестра, и мы пошли к ней. У ее мужа был особняк, когда-то принадлежавший его отцу. Нас они приняли, и мы остались жить с ними.

Мы не эвакуировались, и причина была проста. В первую мировую войну мой отец получил тяжелое ранение и попал в плен. Он пролежал в берлинском госпитале год. Там ему отняли правую руку и три пальца левой руки. Вспоминая прошлое, он рассказывал, что немцы всегда были антисемитами, но никогда в Германии не уничтожали евреев. В госпитале к нему в палату заходил кайзер Вильгельм и интересовался его состоянием здоровья. Папа верил в гуманность этой нации, и потому мы и остались в городе.

Но вот 20 ноября сорок первого года в Ростов вошли две немецкие дивизии СС, танковая дивизия «Адольф Гитлер» и пехотная «Викинги».

В тот год была очень холодная и морозная осень. Вокруг все полыхало, город горел. На улицах было много трупов солдат Красной армии. Трудно передать то ощущение, что мы испытали,

когда вышли на главную улицу, улицу Энгельса. Повсюду ходили хозяевами эсэсовцы, в легких шинелях, на головах – пилотки. Они мерзли, и каждого встречного, у кого были меховые шапки, тут же на глазах у всех расстреливали в упор.

Через какое-то время начали разбрасывать листовки к «жидовскому» населению г. Ростов-на-Дону, в которых говорилось о том, что евреям следует явиться в синагогу 30 ноября с вещами и драгоценностями. Жить после этого стало невыносимо. В домах слезы, рыдания, поселилось отчаяние. Папа проклинал себя за то, что поверил в «гуманность», на самом деле оказавшуюся зверством.

В одну из ночей кто-то стал стучать в наши ворота. Мы очень перепугались. Оказалось, то был пьяный сосед. «Жида, - кричал он, - открывайте ворота. Сейчас мы позовем немцев. Они вас уничтожат, а мы заберем все ваше добро». Стук, крик были долгими, но через какое-то время все стихло.

Как-то мы с папой вышли на улицу. Неожиданно оказались свидетелями того, как немцы расстреливали жителей целого дома, возле которого был убит немец. Среди подлежавших уничтожению был один еврей. Кто-то, спасая себя, выдал его. Немцы облили несчастного горючим и на наших глазах, заживо, сожгли его.

На следующий день мы увидели толпу у памятника Ленина. На возвышении стоял молодой человек и призывал всех выдавать “жидов”. Он назвался Петуховым, сыном известного владельца металлургического завода. В этот момент начался артобстрел со стороны города Батайск. “Оратор” быстро сел на мотоцикл и умчался. Разбежалась и толпа. Под обстрелом убегали и мы с папой. Вокруг нас разрывались снаряды. Мы чудом спаслись. Всю дорогу отец молился. А в это время, видя, что вокруг творится, мама уже решила что мы погибли, потому что реально остаться в живых в этом аду невозможно было.

Вплоть до 29 ноября продолжалась канонада. Наш дом дрожал. Вблизи находившиеся жилища были разрушены. И вдруг все стихло. К вечеру мы слышали крики «Ура!». Все выбежали на улицу. Как много было своих солдат. Со слезами на глазах мы целовали их и благодарили Всевышнего и Красную армию за спасение. Солдаты просили воду и хлеб. Все, что у нас было, мы им отдали.

Если бы не пришли наши спасители, на следующий день мы бы ушли в небытие, так как по приказу немецкого командования на русском и украинском языках были отпечатаны и разбросаны листовки, сообщавшие, что 30 ноября в городе будет окончательно решен еврейский вопрос.

Первые жизненные уроки

Лидия Хапун (Койфман)

Я родом из м. Копайгород, Винницкой области. Во время войны 1941-1945 годов находилась на оккупированной сначала немцами, а потом румынами территории.

Мне было восемь лет, ещё в школу не успела пойти. Нас, всех евреев, собрали и повели в сторону железнодорожной станции Копай, что в пяти километрах от нашего местечка. Шли пешком. В колонне было много наших родственников. Члены нашей семьи старались быть вместе: престарелые дедушка Шлойма и бабушки Сура, мой папа Мойше, мама Нэся и я. Нас подгоняли палками и винтовками. Остановились в лесу, и нас оставили под открытым небом. Кругом слышались выстрелы, окрики полицаев. Начиналась ночь. Мы сидели на голой земле, голодные, напуганные. Вокруг пролетали пули, огнём сверкая в воздухе. Сидели за колючей проволокой. Фашисты пугали, убивали морально.

Мы находились в этом месте с июля по сентябрь сорок первого года. Нас мочил дождь, морил холод, голод и страх.

Однажды во время очередного построения и проверки стали вызывать по фамилии и строить людей отдельной колонной. Назвали и папу. Он вышел. Все решили, что эту группу расстреляют. Но, нет. Оказалось, собирают специалистов-ремесленников. Их повели в обратном направлении, в Копайгород. Всё время, что он был там, папа искал возможность забрать семью. Однажды за нами пришли полицаи и под дулами винтовок нас вывели. Мы не знали, куда ведут. Позже оказалось, что папа сумел нас выкупить. Такое было не только с нашей семьёй.

Гетто в Копайгороде находилось на двух улицах. Они были обнесены колючей проволокой и забиты досками, чтобы никто не мог выйти за его пределы. Наш дом находился за его пределами. У нас не было места для жилья. Скитались по подвалам и сараям, просили у соседей что-нибудь поесть. Голод, холод собирали свои жертвы – люди умирали постоянно.

Мастеровых людей не всегда использовали в соответствии с профессией. Мой папа, шапочник, не шил шапки, а убирал в

хлеву за свиньями. Маму забрали в жандармерию – убирать, переносить тяжести, непосильные для женщины. И сейчас перед моими глазами, как она переносила неподъёмные мешки, которые не всегда могли осилить и мужчины. Я всегда была рядом с ней, помогала, чем могла.

Однажды румыны устроили провокацию. Вместе с полицией выставили в переулках пулемёты и открыли стрельбу. Наутро сообщили, что стреляли “жиды”. Взяли заложников. Евреи знали, что это могло означать. Тут же в гетто стали собирать выкуп. Так и были спасены заложники.

Очень много мы пережили во время оккупации немцев и румын. И всё же, по прошествии многих лет, когда я думаю о том, что нас спасло, на мой взгляд, это то, что больше мы были под властью румынских войск, и иногда можно было от них откупиться.

В марте 1944 года нас освободила Красная армия. Мы были спасены окончательно.

Таковы мои первые жизненные уроки.

Неожиданное спасение

Евгения Хаткевич

Я родилась и проживала в г. Могилёв-Подольский, Винницкой области. Нас было трое: папа, мама и я. Когда немцы вошли в наш город, из которого мы не успели эвакуироваться, всех евреев согнали в гетто. В нём мы находились вплоть до 1943 года.

Пришёл день, когда всех узников собрали на табачной фабрике, находившейся между нашим городом и с.Серебря, и погнали на вокзал. Погрузили в товарные вагоны и довели до станции Рахна, откуда мы и попали в трудовой лагерь Печёра. Первое представилось - это корпуса санатория бывшего лётного состава, в котором лежали живые мощи тульчинских евреев, высохших из-за отсутствия пищи. Стены помещений кишели вшами. Наша семья кинулась в конюшню, крытую соломой, где хоть не было столько насекомых. Здесь мы находились всё время пребывания в лагере. Вместе с нами проживали и папин брат с его семьёй.

Периодически на площади отбирали людей, якобы, на работу и увозили. Обрато они не возвращались. Позже другие рассказывали о зверских расстрелах тех отобранных. Особенно бесчинствовал полицай Михаил Сметанский. Его очень боялись. На его счету не только массовые акции. Как-то он застрелил мужчину, пытавшегося обменять вещи на хлеб. В другой раз привязал к столбу женщину и избил до полусмерти.

Однажды моего отца тоже отобрали в колонну смертников. Увидев, что он не с нами, я вырвалась из рук матери и бросилась к нему. Плакала, просила вернуться к нам. Когда немец отвернулся, стоявшие рядом прикрыли его, и нам вместе удалось перебежать обратно. Так, благодаря моему порыву и тем, у кого дрогнуло сердце при виде слёз ребёнка, отца удалось спасти. Было мне в ту пору где-то около двух лет.

В какой-то момент стало известно, что за плату можно найти проводника, который согласился вывести из лагеря. Обе наши семьи, посоветовавшись, решили рискнуть. Однако, платить нечем было. Выход нашли неожиданный. Какой-то врач снял у моей матери золотые коронки. Тем и оплатили услуги

проводника. В одну из ночей он вывел из лагеря нас и семью папиного брата. Конечно, проводник Ярульский преследовал свои цели, но и нас спас от верной гибели.

В силу своего возраста (когда началась война, мне было всего семь месяцев) я не могла понять всего этого и запомнить. Моя мама до конца своих дней продолжала жить всем этим и не один раз вспоминала обо всём вслух. Вот я и передаю вкратце её рассказ.

Почерк карателей

Михаил Царфис

Озаринцы – это местечко на Подолье в Украине. Там я родился. Напав на Советский Союз, немцы очень скоро оккупировали его и сразу начали планомерное уничтожение еврейского населения.

20 июля 1941 года - скорбный день для нашего местечка. Рано утром на мотоциклах появились первые немцы. Уже через полчаса евреев начали выгонять из их домов и сгонять к старой синагоге над ярмом (оврагом). Всех, кто был, затолкали в здание. Скрыться удалось немногим. Более трёхсот человек продержали до вечера. Никого не выпускали, и люди вынуждены были тут же справлять свою нужду. Зловонье одурманивало. Сквозь щели дверей кто-то заметил, как на мотоцикле подъехал немец с канистрой бензина. Весть об этом быстро распространилась внутри синагоги. Все поняли – это верный признак смерти, будет ли это расстрел, либо сожгут живыми. Все начали прощаться, раздавались слова молитв. Под конец дня неожиданно раскрылась дверь, послышался приказ выходить по одному. Отобрали сорок три человека, якобы для работы. Все были мужчины. Их увели, и больше никто из находившихся там евреев их не видел. Только на второй или третий день узнали, что всех расстреляли в поле за селом.

Это была первая трагедия, показавшая, чего можно ждать от немцев.

Вторая, кровавая суббота последовала через неделю, 26 июля, когда в местечко пришли румыны из так называемой “дикой” дивизии. На лошадях, весёлые, здоровые. Врывались в дома, искали мужчин. Всех гнали на базарную площадь. Двадцать восемь евреев были зверски замучены и умерщвлены. Их не расстреливали, им отрезали бороды, на спинах, на лбу вырезали звёзды, выкалывали глаза, финками, ножами резали, как скот. Среди них были дед и отец моего друга Бориса Вайнштока. В крови замученных, хохоча, бандиты мыли руки.

Оба факта зафиксированы в акте “О злодеяниях немецко-румынских захватчиков в м.Озаринцы Могилёв-Подольского района” от 30 октября 1944 года.

Я не был при этих событиях, так как родился позже, но о них столько раз вспоминала моя мама, и столько раз я слышал об этом от оставшихся в живых, что я чувствую, что это и моя история, и всякий раз при воспоминании о ней у меня на спине сжимается кожа и болит сердце.

Я родился в гетто, в холоде и голоде. В таких условиях младенцу не мудрено было заболеть. Так и случилось со мной. Никто не надеялся, что меня спасут при диагнозе воспаление лёгких, но в селе была больница, и мама понесла меня туда. Доктор Стукаленко сочувствовал евреям. В сельской больнице не было так необходимого пенициллина, и он написал рекомендательное письмо-просьбу в районную больницу. С большими трудностями мама со мной и двухлетней сестрой Раей выбралась из гетто и добралась до Могилёв-Подольского. Мне ввели первую дозу пенициллина. На следующий день должны были ввести вторую, но этого не случилось, так как в тот же день нас поймали полицаи и загнали в Могилёв-Подольское гетто. Но, видно, суждено мне было выжить. Я начал выздоравливать. Через какое-то время мать, под предлогом посещения больницы, вымолила разрешение, вышла с нами из гетто и направилась в Озаринцы.

Там мы с мамой и бабушкой Этей просуществовали до конца войны. Мама всё время была на сельскохозяйственных работах. Отогревала, успокаивала нас с сестрой бабушка. Она и некоторые крестьяне и подкармливали нас.

Война забрала у меня отца - в то время ему было всего двадцать восемь лет, отняла деда пятидесяти пяти лет от роду. Мама осталась с двумя детьми и бабушкой. Она делала всё, что было в её силах, чтобы мы с сестрой не чувствовали себя обездоленными. Вырастила, помогла получить образование.

По объективным причинам, из-за того, что был слишком мал, я не помню многих событий, но я был в тех условиях, сумел выжить и потому всегда чувствую себя ответственным перед теми, кто погиб, и перед теми, кто выжил. Может быть, поэтому участвовал и оказывал посильную помощь в увековечении памяти евреев, погибших во время той войны. Вместе с моим другом Б.Вайнштоком и по его проекту установили памятники в с.Озаринцы, в г.Могилёв-Подольском на центральной площади, памятные доски на Озаринецкой школе и больнице. На автостанции - памятная доска на месте ворот гетто, и на

кладбище в г.Могилёв-Подольский установлен памятник погибшим евреям из Транснистрии.²⁹

В настоящее время, являясь председателем правления Беер-Шевской ассоциации узников концлагерей и гетто, весь свой жизненный опыт пытаюсь использовать на благо тех, кто выжил в той катастрофе.

²⁹ Транснистрия (иногда называемая Заднепровьем) – это территория между Днестром и Южным Бугом, часть Винницкой (юго-западные районы по линии Могилёв-Подольский-Жмеринка), Одесской, Николаевской и Кировоградской областей. В августе 1941 года по личному распоряжению Гитлера новообразованная Транснистрия была передана Румынии.

Открытие памятника погибшим евреям в годы Холокоста
в г. Могилев-Подольский.

Открытие памятника погибшим евреям
в с. Озаринцы, Могилев-Подольский район.

Перед глазами и сейчас

Пиня Центнер

Родился я в Одесской области, в городе Балта. Жил с мамой и бабушкой. Мама работала на мебельной фабрике, а бабушка в кондитерской артели.

Когда началась война, мне было четыре года. Как большинство евреев города, мы тоже собрались эвакуироваться. Нам удалось проехать всего пятнадцать километров, как у села Есинова столкнулись с немцами, и нас вернули обратно в Балту.

Став хозяевами города, немцы создали два гетто. Одно из них включало территорию улиц Первая Синявская, Вторая Синявская, Третья Синявская и Ткаченко. Второе находилось в другой части города, за пределами речки Кодема.

Нашу семью поселили на улице Вторая Синявская в доме Тейвы Эпельмана, где он проживал вместе с женой Шурой и дочкой Зиной. В этот же дом пригнали еще пять семей.

Началась новая жизнь. Каждый день мужчин выгоняли на разгрузку железнодорожных вагонов. Выполняли они и другие очень тяжелые работы.

Женщин заставляли убирать, стирать для немцев, создавать им хорошие условия жизни. Наши мамы часто брали с собой своих детей. Мы помогали подносить дрова, воду, развешивать белье. Питались, кто чем мог, но иногда русские люди приносили хлеб, картошку, муку.

Гетто охраняли полицаи. Часто заходили немцы, а с ними румыны и татары. Нередко были облавы, в ходе которых забирали все, что видели.

Однажды во время одной из таких облав к нам заскочил румын, увидел на столе сахар и кинулся за ним. Бабушка просила, уговаривала, поясняла, что это только для детей. Но он все равно забрал весь сахар, не оставив ни крошки. Особенно зверствовали эсесовцы и татары. Они убивали всех, кого встречали на своем пути.

Однажды, не помню, то ли это было в сорок втором, то ли в сорок третьем, когда к нам зашла соседка, мы слышали крики. Соседка выглянула в окно и, не обронив ни слова, стремительно

выпрыгнула. Я, поняв, что там беда, решил бежать за ней. Уже встал на подоконник, но в это мгновение в комнату ворвался служивший у немцев татарин – в одной руке нагайка, в другой – маузер. Он прицелился в меня. Мама рванула меня с моего места и в одно мгновение притащила в другую комнату. Татарин кинулся за нами, но споткнулся о помойное ведро, которое было для нас туалетом (мы боялись лишний раз выйти на улицу), опрокинул его, чуть не упал, выругался, но бросился от нас вон, матерясь и стреляя налево и направо. Наткнувшись на молившегося старика, убил его и помчался в другой дом. После этого набега в одном из домов насчитали около двадцати трупов.

В другой раз к нам ворвался эсесовец. Услышав выстрелы, мы начали разбегаться и прятаться. Вдруг навстречу нам выскочила тетя Шура Эпельман, схватила меня и свою дочь Зину и укрыла собой. В нее выстрелили, смертельно ранив. Через час она умерла.

В следующем доме было убито около двух десятков евреев.

Много лет прошло с тех пор, но когда вспоминаю то время, у меня все перед глазами, как будто это вчера было.

Что дала мне война

Ида Цилис (Шафир)

Я родилась в местечке Чичельник, Балтского района, Одесской области, 14 июня 1943 года в гетто. Моя мама, рожая меня, умерла. Мои братья, по рассказу моего отца, погибли на войне. Не знаю, каким образом (свидетелей тех лет не оказалось и не знаю, остались ли), я попала

в детский дом.

Когда мне было четыре года, отец нашёл и забрал меня. Помню, как он посадил меня к себе на плечи и понёс. Помню, шли мы долго-долго. Потом папа опять женился. У меня появилась мама Броня. Хорошая была мама. Может быть, потому, что и сама была узницей Шаргородского гетто (Винницкая область, Украина). Она растила меня и воспитывала до двадцати лет.

В семье мне никогда не рассказывали от том, через что прошли. Теперь, когда я сама постарела, хотелось бы узнать, но уже не у кого.

Я вышла замуж, родила трёх сыновей. Один из них пропал без вести в 1992 году во время войны в Приднестровье.

Вот что дала мне война...

Прикрыл своим телом

Лиза Шаевич (Бейдер)

К началу войны 1941-1945 гг. мне было неполных шесть лет, а моей сестре Рахель – неполных девять. Мы жили вместе с отцом и матерью – Бейдер Давид и Хайка в селе Черневцы, Винницкой области.

Помню, как оккупанты заставляли нас носить на левой груди желтую звезду. Однажды была облава, в ходе которой проверяли, все ли евреи выполняют приказ. Тех, у кого не было звезд, избивали и даже расстреливали.

Пришел день, когда нас, евреев города, вывели на площадь возле школы. С собой ничего не разрешали брать. Мы прощались друг с другом. Говорили, что нас ведут на расстрел. Нас продержали целый день, без воды, без еды, а вечером отпустили.

Папины сестры жили в одном из сел Херсонской области. Их расстреляли вместе с мужьями и детьми.

Помню также, как заболел отец. Пришли немцы забрать его на работу, а он подняться не может. Тогда они избили его до крови, приговаривая, что он отказывается на них работать. Отца часто посылали в лес на рубку деревьев, заготовку дров. Мы с сестрой и мамой ходили в поле на прополку буряков (свеклы), сбор колосков после уборки урожая.

Как-то мы с матерью, когда было особенно голодно, пошли в село раздобыть хоть какие-то продукты. Наткнулись на немцев, и они нас прогнали назад.

Освободила нас советская армия. В день освобождения немцы удирали, но бомбили, сжигали, разрушали все подряд и убивали. Мы чудом остались живы. Отец спрятал нас под корыто, а сам лег на него, закрыв нас своим телом.

Сейчас мы с мужем в Израиле. У нас две дочери, внучка, внук, который служил в армии Израиля. Есть и правнучка.

Как хочется, чтобы о злобе, ненависти, антисемитизме они знали только по нашим рассказам...

Страх обострил память

Шура Шварцман

Я родился на Украине, в местечке Ободовка, Винницкой области, за два года до начала Второй мировой войны. Мой отец в то время служил в армии, на западной границе, где-то в районе г.Перемышль. В первый же день войны этот город разбомбили, и те из военных, кто уцелел, лесами стали пробираться к своим. А немцы наступали стремительно, отрезая все дороги. С большими трудностями отцу удалось добраться домой. Так как в пути он уже видел, что немцы творят с евреями, то, первым делом, он начал всех торопить с эвакуацией. К сожалению, было уже поздно: немцы вошли в наше местечко, предварительно разбомбив с воздуха нашу Ободовку. Одна из бомб упала во двор наших соседей, убив мужа и жену. Трое детей остались сиротами. Были и другие убитые. Остались обездоленные дети.

Во время этой бомбёжки осколками ранило в бедро, руку и щёку мою трёхлетнюю сестру. Раны долго не заживали, гноились. За неимением лекарств, родители лечили её народными средствами. Рубцы от этих ран остались на всю её жизнь. В возрасте сорока девяти лет она умерла.

Хотя, когда началась война, я был совсем маленьким, многое из событий тех дней мне запомнилось. Недалеко от нашего местечка находилась узловая станция Рудница. Ночью немцы её бомбили. Сонных, родители подняли нас, и мы выбежали из дому. Всё местечко высыпало на улицу, все смотрели в сторону станции на разгоравшееся на месте стоявших военных эшелонов зарево. С тревогой обсуждалось наше будущее. Этот животный страх незащищённости врезался в память.

Потом пришли немцы и румыны. Евреев согнали на площади в центре местечка, объявили о создании гетто. Без разрешения запрещалось выходить. Зимой 1941 года к нам пригнали евреев из Бессарабии. Мои родители приютили семью из трёх человек: мужчину с двумя маленькими детьми, по дороге их мать умерла. А в доме жили наша семья из четырёх человек, две бабушки – матери моих родителей, мамин брат с семьёй из четырёх человек, папина сестра, мамины две сестры, у каждой их которых было по

двое детей. До войны мамина старшая сестра с семьёй жила в Руднице. Её муж работал каким-то начальником на станции и был там известным человеком. Когда его призвали в армию, она перебралась к нам. Однако из-за большой тесноты и голода решила вернуться к себе, в Рудницу, надеясь, что знакомые помогут. Судьба распорядилась по-другому: по дороге их поймали полицаи и отвели к немцам. Позже мы узнали, что фашисты расстреляли их.

Сильный страх обострял память. Да и рассказы родителей не проходили мимо. Жизнь в гетто продолжалась. Были молодые парни и девушки. Молодая пара решила пожениться, и их родители стали думать о том, как бы втихаря сыграть им свадьбу. Когда в их доме собрались гости, появился румынский офицер с солдатами. Кто-то выдал. Всех выгнали во двор, а это была зима 1942 года со страшными морозами, всем приказали разуться, загнали в деревянный сарай, усыпанный щепками, и босиком заставили танцевать на них. Тех, кто танцевал медленно, били плётками, таким образом заставляя двигаться быстрее. Но от румын можно было откупиться. Еврейский староста собрал у соплеменников драгоценности и отдал их румынскому офицеру. После этого, вместе со своими солдатами вдоволь поиздевавшись над людьми, он разогнал всех по домам.

Страшное событие случилось в феврале сорок четвёртого года. В гетто нагрянули немцы из зондеркоманды. Они согнали всех евреев на площадь. Фашисты с собаками на поводках окружили нас. Туда-сюда проносились мотоциклы с установленными на них пулемётами. Отец держал на руках мою сестру, я был на руках у матери. Мы стояли в первой шеренге, и я всё отчётливо видел, и всё это осталось в моей памяти. Наступил вечер, и немцы приказали всем разойтись по домам. В пять часов утра снова приказали собраться на площади, но уже с вещами. Сообщили, что будут перегонять в другое гетто. Те, кто не явится, подлежат расстрелу. Все поняли, что это конец. Наше местечко с одной стороны находилось близко к лесу, с другой была речка с густыми камышами и болотом, в котором тонули коровы. Ночью узники гетто стали разбегаться и прятаться. Я помню, мы оказались в какой-то яме. Нам велели сидеть тихо и не плакать. Было так страшно, что мы боялись говорить даже шёпотом.

Сколько дней мы просидели в этой яме, я не помню. Но немцам вскоре, видимо, и некогда было нас искать – наступала

Красная армия. Тех, кто не успел спрятаться, фашисты расстреляли и ушли. Потом появились партизаны и объявили, что изверги убежали, можно выходить и возвращаться по домам. 26 марта 1944 года советские войска освободили нас.

Нескончаемым потоком через наше местечко шли войска. Мы, дети, целыми днями стояли вдоль дороги и махали руками нашим солдатам.

Потом вылавливали бывших полицаев. Некоторым, самым жестоким, устраивали самосуд, других забирали в НКВД...

Беды тянулись по пятам

Залман Шейвис

На севере Молдавии было маленькое еврейское местечко – Бричево. В этом местечке я и родился. Ничего примечательного в нём не было: школа, гимназия для детей богатых людей, мельница, маслобойка и много-много мастеровых – сапожники, парикмахеры и т.д. После дождей – непроходимое болото, отсутствие электричества, радио, телефона. Люди были законопослушными, жили дружно. На всё местечко – один жандарм.

Началась война. Я был двенадцатилетним ребёнком. Казалось, как произошло, так и должно было быть. Те дети, что со мной учились, их родители, старшие братья стали нас грабить. Они хорошо знали, что у кого есть. Только обидно было – до этого все вместе играли.

Настал день, когда евреям велели сдать ключи от домов и всех погнали, как скот, под наблюдением полупьяного не то жандарма, не то полиция. Никто не сопротивлялся. Кружили по одной и той же дороге, по несколько раз возвращаясь на одно и то же место. Без еды, без питья люди слабели. Наконец, добрались до Украины. Через Днестр, туда и обратно, переправлялись несколько раз. Я видел, как по реке плыли трупы людей. Запомнил, как в этих местах, будучи голодным, наелся слив, не обтерев их даже от песка, а потом расплачивался страшным поносом.

Вот и Косоуцкий лес. Как раз перед нашим приходом здесь расстреляли шедшую перед нами колонну евреев. Там была моя тётя и её семья.

В этом лесу мы пробыли где-то около месяца. Жили в сделанных из веток шалашах. Развелись вши. Ели поедом. На каждом их было столько, что когда вставали, казалось, будто муравьи в разных направлениях по тебе ползают.

Но вот нас повели опять. По дороге, у кого они были, за бесценок обменивали на продукты драгоценности. Когда-то мой отец ездил на заработки в Бразилию. Оттуда привёз себе золотые часы – “луковицу” и маме маленькие часики и серёжки. Они-то и выручили нас в трудный час. За папины огромные золотые часы

одна молдаванка предложила полведра кукурузной муки, немного фасоли и полтора килограмма картошки. Куда было деваться? Взяли.

Беды тянулись за нами по-разному. Изнасиловали жену моего брата. Как плакала моя мама – позор, обида, а жаловаться некому.

Пришли в село Пяткиевка. Нас было много, а жилья нет, работы нет и есть нечего. Рискую жизнью, пошли в центр, в Бершадь. Оказалось много пустых домов. Вместе с ещё тремя семьями заняли комнату. Холод, голод. Каждый день умирали люди, не успевали их хоронить. На улицах ловили относительно здоровых и трудоспособных евреев и отправляли в Николаев, строить мост.

Прошло много лет, а я всё помню. Пошёл как-то в ближайшее село, просить еду. Языка не знал. Маленький, одни косточки – даже полицаи меня не трогали, хотя избивали и даже убивали многих из тех, кто пытался пересечь границы гетто. Я выпросил хлеб, но мой отец отказался брать его, мол, он меня должен кормить, а не я его.

В течение четырёх месяцев умерли отец, мать и девятнадцатилетний брат Давид – душа-человек. Когда умерла мама, были лютые морозы. Несколько дней её не хоронили – слишком много было умерших. Всё это время я лежал рядом с ней, обнимал её, прижавшись всем телом, и пытался согреться. Я забывал, что она уже не живая. Бершадь осиротила меня. Мы с братом Иосифом, рискуя жизнью, пошли в с.Осиевка, что в двенадцати километрах от Бершади. Старший брат работал в совхозе, а я пас скот жителей села. Ходил босой по стерне, а она колола подошвы ног, не раз распарывая их до крови. Однажды в Осиевку пришли каратели. Всех, кто им попадался по пути, забирали, а потом на окраине села расстреляли.

Мои беды продолжались. Вдруг вспомнил, что как-то заходил в детский дом. Там были в основном еврейские дети. Отсутствие элементарных условий, голод, холод, беспорядок и жестокость – мне там не понравилось. На этот раз решил проверить, может, там что-то изменилось. Так и оказалось, и я остался. Я был уже переростком, меня отправляли на работу. Как-то послали на сахарный завод чистить центрифугу. Полез я в неё. На стенах увидел остатки жёлтого сахара. Я сковыривал его и прятал за пазуху, в карманы, а когда вернулся в детский дом,

рассказал ребятам. Те, что постарше, быстро разобрали, отобрали все кусочки, а малыши вылизывали мою одежду.

Сахар кончился мгновенно, а жить надо было дальше. Ещё немало пришлось хлебнуть горя, пока кончились мытарства и я нашёл своё пристанище в новой жизни.

Колонна сократилась вдвое

Эся Шейвис (Винер)

Место моего рождения – село Бричево, Дондюшанского района, что в Молдавии. Семья наша включала пять человек: папа - Винер Самоил Овсеевич, мама – Туба Гершковна, старший брат Сюня, затем ещё один брат Леонид (или на идиш – Рахмил) и я. Мне было десять лет.

Где-то в начале июля к нам пришли немцы. Две недели они, видно, осваивались, а затем приступили к своим черным делам. Нас, евреев, выгнали из своих домов, построили в колонну и погнали в сторону Сорокского района. В дороге – ни еды, ни питья. В пути погибло очень много людей. Остановились в Вертюжанах. Через пару дней погнали дальше. Следующая остановка – в Косоуцком лесу. Мы обрадовались передышке, потому что совсем уже выбились из сил. Но не меньше радости испытали, когда стали появляться крестьяне из ближайших деревень. Они предлагали обмен: золото, другие ценные вещи – на продукты. Мы были очень голодны. За золотое кольцо или серьги мы получали немного кукурузы, кусок хлеба или несколько картофелин. Нас грабили, но в тех условиях у нас выхода не было: остановка короткая, а голод диктует своё, и этим пользовались.

Через пару дней нас опять построили в колонну, но под конвоем стояла уже половина из тех, кто здесь остановился. Другую половину немцы расстреляли. Нас вели к реке Днестр, переправили через неё и повели дальше. Моя тётя, мамина сестра, её муж и двое детей были расстреляны.

Мы опять голодали. Жажда мучила нас. Кто пытался остановиться у воды – расстреливали. Когда шли по украинской территории, кто-то из местных бросал в колонну узелки с едой. А нас вели и вели. Часто обнаруживалось, что мы идём по большому кругу. Было непонятно, почему. Только позже мы разгадали замысел врагов: они хотели (и достигли этого), чтобы как можно больше людей погибло от изнеможения, голода и жажды.

Вот и Бершадь. Здесь часть людей остановили, а другую погнали дальше, в село Осиевка, Бершадьского района. Там нас поместили в большое пустующее зернохранилище. Мой старший брат Сюня, не выдержав голода, сумел выбраться через крышу, но по дороге его обнаружили и расстреляли. Из тех, кто остался, часть отправили на Осиевскую ферму. Туда попали и мы. Было холодно и голодно. Рядом оказалась солома. Мы разжигали костры и грелись возле них. Кормились оставшейся в поле свёклой и кукурузой. Весь день все, даже дети, работали на ферме: кормили, поили скот, чистили внутри ферм и всё вокруг. Летом ещё и гусей пасли и работали на полях. Было у нас ещё одно дело, особое. Спицами мы вязали чулки, носки, перчатки. Всё это немцы забирали себе.

Мы всегда были голодны, особенно зимой. После рабочего дня нередко нам, детям, удавалось выбраться на поиски чего-нибудь съестного. Кого ловили – убивали на месте.

Как-то папа вышел за пределы территории фермы. Его заметили, выстрелили в него, ранили. Через два дня папа умер.

Мы брались за любую работу, только бы дали что-нибудь поесть. А тут нас ещё и ограбили. Не осталось никакой одежды. Пока кто-то не пожалел и не принёс какую-то одежонку. Мы согревались в соломе. Опять незаметно вместе с другими детьми стали выбираться за пределы фермы. Как-то попали на мельницу. Нас пожалели, накормили, да ещё с собой дали немного муки. А когда вернулись, все голодные, больные стали просить у нас. Отказать невозможно было. Всё раздали, и, несмотря на ночь, опять отправились на ту же мельницу.

В сорок четвёртом году нас освободили советские войска. Вся семья отправилась в Молдавию. Из того, что оставили, ничего не нашли. Я и мой брат Лёня учились в школе и работали. И даже когда я вышла замуж, работала и заочно училась. Пыталась компенсировать то, что отняли у меня немцы.

Утрата за утратой

Зоя Шер (Вишневская)

Я родилась в Могилёв-Подольском, Винницкой области.

Папу сразу забрали на войну, но в последнюю минуту перед отправкой на фронт, он забежал домой и сказал маме, чтобы она вместе с детьми немедленно шла к его родителям, так как там ей будет легче, да и в трудную минуту все должны быть вместе. Когда мы пришли к ним, их уже забрали немцы. Встретились с ними только в Печёре. Мы пошли к маминым родителям.

Как рассказывала мама, 15 января 1942 года за нами пришли немцы. А это я уже сама помню, как всех собрали, построили и повели. На руках у мамы была моя годовалая сестричка Поля (в замужестве Полина Лотман), а я, как старшая, мне тогда был пятый год, шла рядом. В дороге я поранила ноги, к тому же они распухли, очень болели, и я еле доходила до очередного привала. Шли вместе с мамиными родными: её отец, мать и четыре сестры, двое из которых были детьми от двенадцати до четырнадцати лет.

Мы пробыли в Печёрском гетто (Шпиковский район, Винницкая область) до марта 1944 года. Там погибли все мамины родные, остались только я, мама и одна её сестра. Помню, мамина предпоследняя сестра была беременна. Незадолго перед сменой власти, то есть перед уходом немцев и приходом румын, она решила бежать. Уговорила маму отпустить меня с ней, чтобы хоть кто-то остался в живых. Мы дошли почти до Могилёв-Подольского, но неожиданно наткнулись на немцев. Нас поймали и отвели обратно в гетто. Тётя Песя при возвращении успела толкнуть меня в толпу, а её на глазах у всех расстреляли.

Самая младшая мамина сестра Люба, когда нас уже освободили, по дороге домой замёрзла. Все мы были в разных бараках. Когда появились советские солдаты, сомневаясь в том, что наступила свобода, все узники гетто убегали кто-куда. Тётя Люба кинулась в сторону нашего города. По дороге кто-то поймал её и снял с неё всю одежду. Она упала без сил. Пришли сказать об этом маме. Она сразу собралась забрать её. Но поздно, тётя Люба уже умерла.

Когда мы вернулись в Могилёв-Подольский, дом наш уже был занят, и нас не пустили туда. Пришлось искать себе другое место, где можно было бы переночевать. Опять голод и нищета.

“Он был красив, как ангел”

Нина Шерман

Когда началась война, мне исполнилось шесть с половиной лет. Младшим братикам было по четыре и два года. Отец сразу ушёл добровольцем на войну, а мы остались с мамой, бабушкой, дедушкой и другими родными. Мой четырёхлетний братик помнил все ужасы гетто, а меня Всевышний “спас” (иначе не могу назвать) от многих воспоминаний от пережитых стрессовых ситуаций. Но всё же что-то запомнилось.

Первое. Когда нам велели взять с собой кое-что из вещей и немного еды и в течение суток всех вывезли в лес на жительство. Случилось это где-то в июле-августе сорок первого года. К счастью, немцев сменили румыны. Они не убивали всех подряд. В лесу мне запомнился день, когда двое мужчин выбрались из гетто достать хоть какую-то еду для своих семей. Когда они вернулись, их расстреляли на глазах у жён, детей и всех, кто был рядом. Я этого не видела, но услышала дикий крик и плач – и это было ужасно.

В сентябре сорок первого года начался проливной холодный дождь, который шёл неделю подряд. В бараке, в котором было не то два, не то три этажа, мы коченели от холода и страдали от голода. В подробностях не запомнились эти ощущения, но подсознание их сохранило: я постоянно хочу кого-то кормить, на работу всегда брала с собой дополнительную еду, а потом предлагала сотрудникам, студентам. Однажды психолог объяснил мне, что подсознание сохранило воспоминание о муках голода.

После жутких дождей мой дедушка и ещё несколько богатых евреев собрали золотые вещи, деньги и в конце октября добились нашего перевода обратно в Копайгород, на тот огороженный проволокой участок, откуда нас забрали.

Запомнилось, как мой двухлетний братик заболел дифтеритом. Он был красив, как ангел. Добрый, умный, все его любили. Врача найти не удавалось, но когда он, наконец, появился, было уже поздно: наш маленький умирал и ничто уже не могло помочь ему, тем более, что лекарств не было. Была уже

зима, много снега. На меня надели валенки, шубку и отправили на улицу. Я бегала по снегу и смеялась, смеялась. Я очень любила братика, и все опасались, что от случившегося я сойду с ума. Б-г миловал. Зато потом, да и сейчас, к сожалению, очень редко смеюсь.

А ещё от тех дней сохранилось воспоминание о том, как бабушка мазала сажей лица моей мамы и её младшей восемнадцатилетней сестры, безобразила их, так как молодых женщин, девушек немецкие солдаты насиловали. И я слышала в то время немало страшных историй об этом.

Очень хорошо запомнилась радость возвращения наших солдат и надежда, что и папа скоро вернётся. Но он не пришёл к нам. Погиб. Светлая ему память.

Двух “жидков” – за центнер пшеницы

Владимир Шехтер

Счёт моим годам начался в 1934 году, на Украине, в Житомирской области, в семье служащего. Через два года при очередных родах умерла моя мать, София Давидовна. Моим воспитанием занялись папины сёстры, жившие в м.Рогачёв, что в четырнадцати километрах от с.Суемцы, где проживали мои родители, дедушки и бабушки. Одна из папиных сестёр, чтобы я не чувствовал себя сиротой, даже оставила учёбу в Киевском университете. Вскоре отец переехал к нам, и мы стали жить одной дружной семьёй.

Пришёл 1941 год, а потом началась война. Евреи стали эвакуироваться. С папиной работы нам тоже прислали повозку и двух лошадей, и мы тронулись в путь, подальше от врага. Под Киевом немцы выбросили десант, и мы попали в окружение. Дальше ехать было невозможно, и взрослые приняли решение возвращаться домой.

Через короткое время наш район оккупировали немецкие фашисты. Женщин отправили в карьер для добычи торфа. Мужчины тоже обязаны были там работать, но мой папа в прошлом был служащим, а таких убивали сразу. Мой папа стал прятаться.

В какой-то понедельник приехали каратели. Утром того же дня объявили, что все евреи должны пойти в клуб, откуда сразу поедут на работу. Забирали только взрослых, детей загоняли в другое помещение. Отец не пошёл, спрятался в подвале. Полицаи искали, но так получилось, что его не нашли. Ночью он выбрался из своего убежища. Кто-то заметил его, обстрелял, но он сумел избежать пуль и ушёл в родное село Суемцы. Там он встретил мою бывшую няню Марию и попросил её пробраться в местечко и разузнать, что со мной.

Картина оказалась скорбной. Всех жителей, пришедших в клуб, погрузили на грузовики, вывезли в лес за восемь километров от местечка и расстреляли. Меня успел забрать к себе сосед-плотник (специалистов не брали). Мария забрала меня, и мы поселились в её доме. Всё было спокойно до тех пор, пока

полицаи не узнали, что в хате живёт еврейский мальчик. За мной послали. К счастью, в сельсовете работал старостой папин знакомый, и меня предупредили прежде, чем прибыли полицаи. Папа же, узнав, что за мной уже охотятся, решил, что нам надо быть вместе: что будет с ним, то будет и со мной.

С тех пор мы начали прятаться по сараям, оврагам, полям. Ночью пробирались к знакомым односельчанам с просьбой помочь продуктами и отправлялись дальше. В 1943 году попали к партизанам. Короткое время были у них. Мой отец был уже не молодой и больной, нам пришлось опять вернуться в родное село.

Однажды кто-то из местных крестьян заявил старосте, что за центнер пшеницы может указать, где прячутся два жидка. Староста ответил, что может их найти и без центнера пшеницы. Дело в том, что в тридцать седьмом – тридцать девятом годах отец оказал услугу будущему старосте, когда его арестовали как куркуля и врага народа.

Вот так его спасение оказалось во спасение нам.

Мы ещё долго скитались. Преследования, угроза смерти не отступали от нас до последнего дня войны. Но мир всё-таки пришёл, и мы с отцом остались живы.

“Хотите жить – сидите тихо”

Давид Шкиллер

Я родился 12 марта 1939 года в м.Черновцы, Винницкой области. Война застала мою семью, то есть меня, мою пятилетнюю сестру и маму, в том же местечке. Наше спокойствие было полностью нарушено. По рассказам матери, прежде всего, начался голод. При обысках немцы отбирали всю еду, забирали всю живность, в том числе и домашнюю птицу. Каждый день нам угрожали расстрелом, ежедневно терпели побои и взрослые, и дети, не только за провинности, но и без причины. Уходя на работу, мама прятала нас с сестрой в каком-то погребе с наказом: “Хотите жить – сидите тихо”. Мы не понимали до конца, что означают мамины слова “хотите жить”, что такое вообще “жить”-“не жить”, но было темно, одиноко, страшно одним находиться целый день в погребе, и потому мы сидели тихо, боясь пошевелиться.

Через год мне исполнилось четыре, а моей сестре шесть лет, и мама стала брать нас на работу в поле, где мы помогали ей всем, что было в наших силах. За день мы уставали так, что еле доходили до дома. По маминым воспоминаниям, с приходом в сорок третьем году румын наше положение не только не улучшилось, но, наоборот, в чём-то стало ещё хуже. Румынские солдаты постоянно избивали людей, требуя деньги и золото, причём, только у евреев.

Так всё продолжалось до сорок четвёртого года, то есть до того времени, пока нас не освободили советские войска.

Мы выжили. В 1945-м вернулся с фронта и разыскал нас папа, и мы всей семьёй уехали в Шаргород, тоже Винницкой области, где и прошла вся моя жизнь, вплоть до 1999 года, когда я с детьми и уже без их матери (светлая ей память) репатрировались в Израиль.

Ни один из наших отцов не вернулся с фронта

Роман Шмойсен

Июнь 1941 года. Никто не ожидал, что наступят такие беспокойные времена. Мы жили в городе Тульчин, Винницкой области. Семья была большая. У дедушки Нафтули Нуделис и бабушки Леи было четверо детей: Зисель, Аврум, Табл и Эстер. Все уже замужем и женаты. Мою маму звали Зисель, а отца Семён, и родилось у них четверо детей: Фаня – 1936 года рождения, я, Роман – 1938 года, и двойняшки Ева и Таня – 1940 года. Жили в доме у дедушки и бабушки. В этом же доме проживал дядя Аврум с тётёй Хоной, их дети Боря – тридцать седьмого года и Геня – с тридцать девятого года. Тётя Эстер с дядей Моше и двумя сыновьями – Лёней и Иосифом жили самостоятельно в этом же городе, а тётя Табл с дядей Бениамином и четырьмя детьми проживали в городе Биробиджан.

Все мужчины – наши отцы – ушли на фронт, и ни один из них не вернулся домой, все погибли на войне.

В Тульчине была большая еврейская община. Это старинный город, основанный в начале семнадцатого века и исторически связанный с именами полководца А.А.Суворова и декабриста П.И.Пестеля.

Но вот мирное время прервалось. Закончилось и наше детство. Немцы приближались. Было принято решение уходить на восток. У дедушки была лошадь с подводой. Собрали узлы, усадили детей и тронулись в путь. Вскоре нас догнали немцы, забрали лошадь. Пришлось вернуться обратно. С этого времени и начались наши беды. Всех евреев согнали в одну из школ, всем поставили уколы. Затем погнали в село Печёра, в котором был создан трудовой лагерь. В одной из комнат большого пустынного двухэтажного здания поселилась наша семья: дедушки Туля и Ицык, бабушки Леа и Хайка, мама с детьми, тётя Хона с детьми, тётя Эстер с детьми. С нами была и тётя Рива, жена маминого двоюродного брата. Расположились на полу, подстелив, что было. На следующее утро всех заставили пройти через дезинфекционную камеру.

Так начались наши лагерные будни. Охрана состояла из немцев и полицаев, позже появились и румыны. Лагерь занимал большую территорию, перед войной здесь был туберкулёзный санаторий со многими подсобными помещениями, одно из которых оборудовали под кухню. Были здесь и дезинфекционная камера, и овощехранилище. Неподалёку от нас протекала река Южный Буг.

Наше житьё было ужасным. Умирили от голода, холода. Умерших хоронили за забором. Часто были построения для отбора молодых на разные работы. После того, как их уводили за ворота нашей территории, редко кто из них возвращался обратно. Однажды так забрали и нашу тётю Эстер. После этого мы её уже больше не видели. Позже узнали, что её расстреляли вместе со многими другими. Её дети Лёня и Иосиф вскоре умерли. Умерли и мои сёстры Таня и Ева, и дочь тёти Хоны – Геня. Похоронили мы и бабушку Хайку и дедушку Ицыка. Перед смертью дедушка попросил воды, а её не было. Я стоял рядом и слышал его просьбу. Не раздумывая, схватил банку и помчался к реке, но добежать туда не пришлось. Меня поймал полицай и резиновой дубинкой начал бить по голове. Очнулся я в лагере. Надо мной стояла мама и доктор Вишневский, не раз помогавший мне выжить. Он находился вместе с нами, узниками, и всегда приходил на помощь страдальцам.

С появлением румын начали находить лазейки и выбираться в село, чтобы в обмен на работу принести что-то съестное. Однажды тётя Хона, Боря и я тоже сумели выбраться. Зашли в дом учительницы. Тёте предложили заняться уборкой. Мы с Борей распилили бревно. За это нас накормили и дали с собой немного продуктов.

В сорок третьем году вернулись немцы и начали охранять лагерь вместо румын. Вскоре пошла молва, что оставшихся в живых узников будут уничтожать.

Мою мать отобрали для работы в кухне. Всего там было пять работниц. Как-то мне очень захотелось к маме. Кухня находилась неподалёку от места нашего проживания, и я решил, несмотря на запрет, пойти туда. По дороге вдруг услышал окрик: за углом стоял немецкий офицер и, увидев меня, потребовал остановиться. Раздался выстрел. Я побежал ещё быстрее и заскочил в кухню. Женщины, слыша выстрел и видя меня, всё поняли. Мигом спрятали в большой ящик из-под муки, оказавшимся пустым, и сели сверху. Спустя мгновение в кухне появился немец и

полицай. Спросили обо мне. Женщины ответили, что никто не приходил. Я сидел в этом ящике и дрожал, как осенний лист.

Поздно вечером удалось вернуться обратно. Все родные переживали за меня и рассказали, что вслед за мной убежала восемнадцатилетняя девушка, но её пуля догнала, и она погибла.

Нам становилось всё тяжелее. Не утихали слухи о том, что немцы собираются уничтожить всех оставшихся в живых, и уже готовятся ямы для захоронения расстрелянных. Начали думать, что же делать дальше. Решили бежать. Дедушка категорически отказался от этой затеи. Будь, что будет, сказал он, но я остаюсь здесь. Мама и бабушка, взяв меня и сестру, вечером выбрались наружу. Тётя Хона с Борей тоже ушли, якобы, к учительнице.

Постучали в первый из домов. Оказались неплохие люди. Накормили нас. Но тут пришёл кто-то из соседей и сообщил, что немцы ищут евреев, бежавших из лагеря. Хозяйка испугалась, у неё были дети, но не решилась выгнать. Предложила подняться на чердак и поглубже зарыться в сено. Она поднялась вместе с нами, помогла спрятаться и только спустилась вниз, как нагрянули немцы и начали обыск. Обследовали и чердак, тыкали штыками в сено, но всё, слава Б-гу, обошлось. Как только немцы удалились, хозяйка попросила, чтобы мы ушли. Мы её понимали, и знали, что могло произойти с её семьёй, и двинулись дальше.

Уставшие, под вечер постучали опять в какой-то дом. Хозяйка впустила, но предупредила, что у неё живёт офицер. Договорились, что она скажет, что к ней в гости пришли тётя и сестра с детьми. Через какое-то время пришёл немец. Глянув на нас, спросил, кто мы. Хозяйка ответила, как договорились, и он оставил нас в покое. Переночевали. Нас покормили, и мы пошли дальше. Сёла были близко друг от друга. Вечером опять постучали в один из домов. Это уже был март 1944 года. Нас впустили. Поняли, откуда мы пришли. Угостили, чем могли. На рассвете сестра пошла на улицу в туалет и вдруг увидела, как на крыше дома, у самого дымохода советский солдат подает сигналы. Мигом она заскочила в дом и рассказала об увиденном.

Вскоре началось освобождение села. Немцы бежали, наши наступали с криками “Ура!”. Я рвался к окну посмотреть, но мать оттаскивала меня. Я же всё равно видел, как наши наступают, а немцы бегут в нижнем белье.

Так пришло освобождение. Через день мы направились в Печёру. Пришли тётя Хона с Борей, нашёлся дедушка, он был жив и здоров, всё это время прятался в подвале, где проходили

канализационные и водопроводные трубы. Все радовались освобождению и горевали по погибшим и умершим.

Через несколько дней оставшиеся в живых пешком пошли в Тульчин, откуда и были угнаны. Вернулись, а дома нашего не оказалось. По указанию немецкого офицера его разобрали и построили из него новый для его женщины. Пришлось искать крышу над головой. Много мест переменили, потому что останавливались в пустовавших домах, но как только хозяева или их родственники возвращались, приходилось уходить оттуда. Но это уже другая история, в которой наши дорогие погибшие и умершие не могли принять участие.

Остались лишь вдвоём

Белла Штеренталь (Фейгман)

Я родилась в г.Хотин, в Бессарабии (сейчас он принадлежит Украине) 15 сентября 1931 года.

Мои родители – Минга и Моше Фейгман. Нас, детей, было у них трое. Кроме меня, моя старшая тринадцатилетняя сестра Люси и младший,

семилетний брат Срулик.

Началась война 1941 года. Немцы вместе с румынами стали жечь еврейские дома. Нас выгнали не только из наших жилищ, но, построив в колонну, стали гнать из города. Перед этим мужчин отделили от нас. Забрали и моего отца – больше мы его никогда не видели, не знаем даже, что с ним произошло, и где покоится его прах. Нас же этапом погнали за пределы Хотина. Вот наш путь: Хотин – Сокиряны – Атака – Могилёв-Подольский – Мурафа. По дороге погибло много людей. Среди них и моя бабушка Эстер Фурман. Мы её похоронили в Сокирянах. Когда в конце войны возвращались обратно и остановились на том месте, где оставили её, оказалось, что местные жители здесь уже посадили картошку. Увидев, что мы плачем, они заявили, что здесь нет никаких умерших, и начали нас прогонять.

Путь был очень трудным. Даже попить нечего было. Рядом протекала река, красная от человеческой крови, и мы пили эту воду.

Остановились в гетто, которое размещалось в селе Старо Мурафа. Всех евреев загнали в синагогу. Скученность была большая. Где кто успел захватить местечко, там и оставались. Мы все четверо, скрючившись, спали на узеньком приче (диванчике).

Каждый день умирали люди от голода и болезней. Мой братик Срулик умер от дизентерии. Ночью, когда это случилось, мы не хотели положить его на пол. Так и лежали, в голове, ногах у него, уже остывшего.

Как-то пришли к нам представители Красного Креста. Хотели спасти хотя бы часть детей и отправить их в Палестину. Взяли меня и мою сестру и посадили на сани (это было зимой). Моя мама была больна, она выбежала и просила, чтобы оставили с ней хоть кого-нибудь, чтобы было кому ухаживать за ней.

Сестра сказала, что поедет в Палестину и позже заберёт её. С мамой осталась я.

Сестра не исполнила обещания. Она погибла на пароходе “Струма”, о чём мы узнали, когда, спустя долгие годы, уже сами приехали в Израиль.³⁰

В 1944 году наше гетто освободили. Моя мама была больна, и мы не могли быстро идти и отстали от колонны. Когда мы возвращались, ещё был снег. Неожиданно мы остановились у развилки трёх дорог. Какую выбрать? Мы пошли по той, где было много следов. Оказалось, если бы мы выбрали другую, то погибли бы, потому что там ещё были немцы.

Нас было пять человек в семье, возвращались мы только вдвоём – я и моя мама. Кроме тех, о ком я уже говорила, погибли ещё мамины сёстры и родители.

³⁰ “Струма” – болгарский корабль, на котором в декабре 1941 года еврейские беженцы пытались эвакуироваться в Палестину, находившуюся в то время под британским управлением. После отплытия 12 декабря 1941 года из румынского порта Констанца то и дело ломались двигатели. Спустя несколько дней, “Струма” достигла Стамбула. На протяжении десяти недель турецкое и британское правительства вели тайные переговоры о судьбе пассажиров, которых британцы из-за отсутствия виз не хотели впускать в Палестину, а Турецкие власти не пускали на берег, чтобы те не остались в Турции. Для 20 пассажиров в порядке исключения удалось достигнуть договорённостей, и в феврале 1942 года на борту оставалось 769 пассажиров. Во время переговоров о продолжении путешествия хотя бы для детей в возрасте от 11 до 16 лет Турецкие власти распорядились отбуксировать корабль в открытое море. Несмотря на продолжавшиеся несколько дней работы по починке двигателя, он всё никак не заводился. На следующий день после буксировки, 24 февраля 1942 года, “Струму” поразила торпеда советской подводной лодки Щ-213. Из всех пассажиров спасти удалось лишь одного – девятнадцатилетнего Давида Столяра, выжившего на одном из обломков корабля “Струма”. (*Свободная энциклопедия*). В английском варианте текста указано, что сведения основаны на данных архивов Советской армии, что также подтверждается в книге Д.Франц, С.Коллинс “Смерть в Чёрном море: нерассказанная история ”Струма” и Холокост Второй мировой войны в море”. *Харпер Коллинс, 2003, JSBNo-06-621262-6*

А могло закончиться по-другому

Полина Штофмахер (Чудиновская)

Место моего рождения местечко Жмеринка, Винницкой области. Здесь жила я со своей семьей вплоть до начала войны. Исполнилось мне к тому времени девять лет.

Наш городок оккупировали ровно через пятнадцать дней после начала страшных бедствий, 7 июля 1941 года. 10 августа нас должны были расстрелять. Немцы объявили, что все евреи обязаны явиться к 12 часам в указанное ими место. Но этому плану не суждено было быть выполненным: в десять утра в город вошли румынские войска. Власть сменилась, и ей пока было не до нас. Так мы остались живы.

В первых числах сентября создали гетто. Подальше от центра города выделили несколько улиц, и всю эту территорию огородили колючей проволокой. Вспоминать жизнь в гетто очень тяжело. Я была ребенком, но очень многое помню. Моих старших сестер Клару и Зину постоянно выгоняли на работу, на железную дорогу, где зимой полураздетые, потому что все было отобрано, а остатки выменяны хоть на какую-то пищу, они должны были разбивать лед и очищать от снега все полотно дороги. Им приходилось выполнять мужскую работу, а были-то они еще подростками. Однажды, когда они вернулись домой, старшую сестру Клару невозможно было узнать: лицо распухло и выглядело, как футбольный мяч. Оказалось, во время работы она подняла голову, чтобы передохнуть. Стоявший рядом немец резиновой дубинкой, внутри которой был металлический стержень, ударил ее и перебил носовую перегородку. Уже после войны ей сделали операцию.

Помню и другой случай, происшедший с ней. Война шла к завершению, немцы отступали. Однажды на нашей станции остановился эшелон с эсэсовцами. Трое из них с дубинками и пистолетами в руках вошли в гетто. Им попала моя сестра Клара. Они ее окружили, приставили пистолет к виску и приказали указать, где она живет. В доме в это время находилась вся семья: родители и мы с сестрой Зиной. Клара представила,

что могло бы случиться, если все это зверье она приведет сейчас в дом. Она повела их по улицам гетто. Не то что люди, кошки и собаки попрятались. Вдруг Клару осенило, она подвела всю банду к дому, где жил шеф нашего гетто, доктор Гершман. Он вызвал румынский патруль, и эсэсовцев выдворили с территории. Мы хорошо осознавали, что все могло закончиться по-другому. Б-г ведает, почему, но завершилось все, как завершилось.

Таковы, вкратце, картины нашей жизни в гетто, не говоря уже о преследовавшем все эти годы голоде, страхе и холоде в неотапливаемых помещениях.

20 марта 1944 года нас освободили советские войска

Черные дни

Полина Шустер (Кравцова)

До войны наша семья проживала в селе Яруга, Могилев-Подольского района, Винницкой области. Родители работали в колхозе.

В первые дни войны мужчины села ушли на войну, а для оставшихся евреев начался ад. Наступили черные дни: расстрелы, грабежи, насилия. В центре Яруги было создано гетто. Место огородили колючей проволокой, и выйти оттуда было невозможно. За нарушение правил – расстрел. Осенью сорок первого года в гетто пригнали буковинских евреев.

В селе находились жандармы во главе с плутонером (порусски, думаю, начальник жандармерии). Они избивали всех, кто попадался им на глаза. Еды не было, мы рвали траву и ели ее. А разве на всех хватало этой травы? Через колючую проволоку кто-то из украинского населения бросал нам еду, но и ее хватало не всем.

В начале сорок второго года по приказу румынской администрации все узники были отправлены в гетто “Сказинцы”. Оно было огорожено очень высоким забором из колючей проволоки, и охраняли его румыны и местные полицаи. По рассказам мамы, там было семь больших разноцветных барakov, где узники спали на земле. Внутри огражденной территории находилось три колодца, питьевая вода из всех была только в одном.

Несмотря на угрозу расстрела, местные жители подбегали к забору, перебрасывали узелок с едой и убегали. В бараках все мерзли, болели. Весной и летом моя мама, как и другие узники, работала в поле. Всех выгоняли туда в любую погоду. Моей маме было всего двадцать лет, а мне – два года. Она привязывала меня к спине и так работала весь день. Однажды в такой же рабочий день началась бомбежка. Осколок разорвавшейся бомбы попал мне в ногу. Шрам остался на всю жизнь, равно, как и шрам в душе моей.

Я пишу эти строки и плачу по тому, что пришлось пережить моей маме и десяткам тысяч таких же молодых людей.

Когда мы вернулись к себе в Яругу, наш дом оказался частично разрушен бомбежкой. Внутри из вещей, домашней утвари совершенно ничего не осталось. Из села сердобольные люди стали приносить кто ложку, кто тарелку, кто подушку и даже еду. Очень помогала нам семья Федора Крыжевского, отца моей будущей соученицы Гали Крыжевской. В годы войны он был начальником полиции в Яруге, но, как выяснилось позже, постоянно поддерживал связь с партизанами. Много своих домашних вещей мы увидели, узнали у своих соседей, но они их нам не вернули, а только говорили: “Мы думали, что вас убьют, и вы уже не вернетесь”. Правда, соседка Панченко “расщедрилась” и отдала мои чашечку с блюдцем.

Лишь в марте 1944 года нас освободили войска советской армии.

По прошествии стольких лет полностью осознав, через что довелось пройти в ту пору, от всей души благодарю тех, кто помог нам выжить, пережить голод, холод, издевательства, унижения и бомбежки.

Мои записи, безусловно, - это в основном воспоминания моей мамы – Кравцовой Гитли Лейбовны. Когда началась война, мне было всего три года. Спасибо тебе, дорогая мамочка, что я осталась жива и в тех нечеловеческих условиях ты сумела сохранить меня.

Пуля, вместо кусочка хлеба

Льоня Щерба

Место моего рождения село Мурафа, Шаргородского района, Винницкой области.

Моё появление на свет связано с трагическим событием в нашей семье: при родах умерла моя мама Сура. Это случилось 22 марта 1937 года. Так что мамочку я знаю только по фотографии. В том же году репрессировали папу и его посадили на десять лет в тюрьму.

Нас было трое у родителей. После того, как папу забрали, мы с семилетним братом Гришей остались жить у бабушки, а сестру Фиру отдали в другую семью.

Когда началась война, мне было четыре года. Уже когда повзрослел, я узнал, что в то время тюрьму, где отбывал свой срок отец, разбомбили. Оставшихся в живых собрали и отправили на передовую, где папу сразу же контузило.

С бабушкой Янкем (это мамин папа), мы с Гришей находились в немецко-румынском гетто в Мурафе от начала и до конца его существования. Отчётливо помню, как мне прострелили ногу из-за того, что я осмелился попросить хлеба у полица-румына. Мы, я и Люба Жалковер, девочка из нашего гетто, стояли на улице и вдруг увидели, что полицаи ест хлеб с салом (до сих пор стоит он перед моими глазами). Языка я не знал, сказать ничего не мог, да и мал был, пять лет в то время было. Я протянул руку, тем самым показывая, что прошу у него кусочек хлеба. Он нажал на курок и прострелил мне ногу. Я испугался, в тот момент не почувствовал боли и убежал. Уже в бараке ощутил боль и увидел кровь. Кто-то вытащил пулю, забинтовал рану.

В гетто умерли от голода мои бабушка и бабушка. Мою родную тётю Соню, папину сестру, вместе с тремя детьми живыми закопали в яму. Мы с Гришей остались одни. До сих пор на ноге имеется след от той фашистской пули. Но самая большая боль, след от того времени, от того, что у меня отняли родных, украли моё детство.

Даже сердце врага не выдержало

Малка Эйдельман (Фишман)

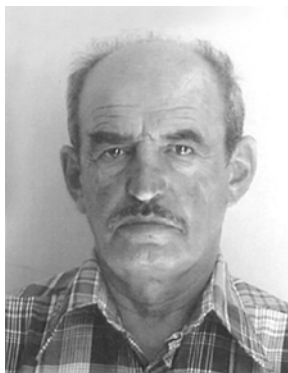
Мои воспоминания основаны на рассказах моей матери, Хаи-Ривы Шмаевны Фишман.

Я родилась в свинарнике в первый день января 1943 года в гетто с.Устя, Винницкой области, где находились многие евреи, согнанные немцами. Вокруг голод, холод, антисанитария. Не было самого минимального, чтобы прокормить меня, когда я появилась на свет. Мама со мной на руках искала, у кого можно подработать. В основном шила. Пока можно было, меняла вещи, какие были на ней, чтобы получить хоть какие-то продукты и прокормить меня. Однажды обменяла свои золотые серёжки на немного молока. Поставила прокипятить на примус. Со мной на руках села на доску погреться у огонька. Тут зашёл староста и пару немцев. Стали искать яйца. Закудахтали куры, поднялся шум. Разъярённые немцы начали избивать всех, кто попадался под руку. Один из них рванул доску, на которой сидела мама. Кипящее молоко опрокинулось и ошпарило меня. Мама сняла прикрывавшую меня тряпку вместе с кожей. Она рассказывала, крики были невыносимые, все ночи напролёт я не закрывала рот. Вместе со мной плакала и она сама. Рана долго не заживала. И сейчас шрам, как знак, напоминает о том времени.

Позже мама перебралась со мной в какой-то заброшенный дом. Но снова пришли немцы. Искали пищу и мужчин, способных работать. Ничего не найдя, они вырвали меня у мамы и выбросили на улицу, на снег. Мама кричала, плакала. Чтобы она не бросилась вслед за мной, ей и ещё трём женщинам, находившимся там же, связали в один узел их длинные волосы. Один из немцев не выдержал, вышел во двор, схватил меня и забросил на печь. На моё счастье, там прятался старик. Он не мог уже ни работать, ни ходить. Этот дед притянул меня к себе, достал из кармана яблоко, кусал его, разжёвывал кусочки и пускал сок прямо мне в рот. Закутал меня в свой тулуп, и я успокоилась.

Благодаря этому доброму человеку и, конечно, матери, я и осталась жива.

Отец мой, Фишман Мордхе Семёнович, вначале был с нами, затем партизанил, а после – ушёл на фронт. Погиб в Чехословакии, в селе Модри.

Я был в аду

Семен Эйдельман

Если спросить, что такое ад, то без запинки могу ответить: "Я знаю, что это. С самого раннего детства знаю. Я сам был в аду..."

В те годы, о которых пойдет речь, мы проживали в городе Еденцы, что в Молдавии - бывшая Бессарабия. Моя семья - папа, мама, три старших брата и две сестры. В 1941 году, когда началась война, которую потом будут называть и Великой Отечественной, и Второй мировой, мне было четыре года. Нас оккупировали немцы и румыны.

Началась жизнь по их законам. Пришел тот день, и как гонят скот, так и нас погнали. По дороге за малейшее неповиновение или нарушение требований людей избивали. Так мы и добрались до Косоуцкого леса. Здесь немцы сделали остановку и начали отбор на работу наиболее сильных людей. Попали в эту команду и два моих брата. А потом началась стрельба. Весь остаток дня со всех сторон слышны были выстрелы и душераздирающие человеческие крики.

На следующий день нас погнали дальше, но среди нас уже не было тех, кого отобрали для работы, в том числе и моих братьев. Позже нам довелось узнать, что их мы больше не увидим никогда, ибо всех до единого расстреляли.

Наш путь проходил через знаменитую "Резиновую дорогу", где людей, в том числе стариков и детей, загоняли в товарные вагоны и живьем сжигали. Из вагонов доносились крики, стоны, плач, бушевало пламя, а изверги веселились. Для них это было развлечение. Те же, кто не попал в эти вагоны, под присмотром немцев и прицелом винтовок стояли оцепеневшие, в душе кляня врага.

Оставшихся в этом аду в живых погнали в гетто, располагавшееся в селе Кириевка, Бершадьского района. По дороге, вместо еды, питья, мы получали лишь плетки. Кто выбивался из сил - на глазах у всех расстреливали. Та же участь постигла и мою мать.

В этом гетто мы пробыли до 1944 года, пока нас не освободила Красная Армия.

Описать все пройденные страдания невозможно, ибо и сейчас, когда пишу эти короткие строки, и когда рассказываю своим внукам о пройденном и пережитом в то время, постоянно чувствую боль и желаю только одного: чтобы ради детей, внуков, всего живого на земле никогда не повторился этот ад.

Я дожил до своих семидесяти двух лет, счастлив своей семьей и тем, что со мной две мои старшие сестры. Это они постоянно рассказывали мне обо всех ужасах и переживаниях той далекой поры. Мир их дому, мир всем.

Кто-то возвращался, а кто-то – нет

Фаина Якобзон (Пендлер)

Я родилась в Молдавии, в г.Рышканы, раньше Бельцкого уезда. Перед войной мне исполнилось девятнадцать лет, и я работала учительницей начальных классов.

Через десять дней после того, как немцы бомбили город, наша семья бежала в г.Згурица. Там уже тоже оказались фашисты и было организовано гетто. Очень скоро вышел приказ, в котором говорилось, что все евреи обязаны вернуться обратно, к месту своего прежнего жительства. Немцы, полиция погнали нас, без еды, питья.

Три месяца продержали в подсобных помещениях имения местного богача Бирмана. Кругом всё было огорожено, никого не выпускали и не впускали. Питались тем, что кидали через забор смельчаки и жалостливые люди из местного населения. Кусок хлеба, варёная картофелина, немного мамалыги – кто поймал, тот и был счастлив. Остальные оставались голодными. Так продолжалось до 1 сентября. Я запомнила это число, потому что для учителя – это святой день.

Дальше нас погнали пешком в г.Маркулешт. Там разделили на две группы. Одну колонну отправили в с.Резино, что возле Рышкан. Всех убили. Погибли там и моя бабушка Двоя, и мамина сестра с её мужем – Финкельштейн Двора и Срул. Вторую колонну отправили в Ободовку, Винницкой области. Мама, папа, моя сестра и я – вместе с другими евреями - целый месяц гнали нас через Косоуцкий лес. Туда и обратно, туда и обратно, чтобы выжать из нас все силы и уничтожить, так сказать, естественным образом. Пожилые, дети – те, кто не мог осилить всё это, остались умирать на дороге.

В Ободовке в 1942 году убили моего отца. Похоронили его в общей яме. Группу, в которую входил и он, взяли, как будто, на работу, но домой никто не вернулся. Всех до одного расстреляли.

Конечно, нас, евреев, отличали от других, все мы были обязаны носить жёлтые шестиконечные звёзды.

Находясь в гетто, я работала в больнице, убирала в служебных помещениях. Всё это не оплачивалось. А есть надо было. И тогда втихаря мы с сестрой Полей переодевались под украинок и с большими трудностями и опаской выбирались за пределы гетто. Работали в поле у одной женщины по имени Ирина. За это она кормила нас пшённой кашей и ещё для мамы давала немножко.

А в гетто постоянно было страшно. По ночам немцы приходили и выбирали себе девочек для утех и уводили их. К утру кто-то возвращался назад, а кто-то – нет. Те, что возвращались, рассказывали, что немцы насиловали, а потом многих расстреливали. Когда жив был отец, он не раз спасал нас. Во время таких обходов, облав, он кидал на нас с сестрой всё, что под руку попадёт, и своим телом прикрывал, будто нас и нет. Без него стало труднее. Три года в таких условиях – тяжело об этом вспоминать и рассказывать.

А дня освобождения мы всё-таки дождались. Вернулись к себе. Дом наш сгорел, ничего не осталось.

ЧАСТЬ 2-Я

**СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ
ДОКУМЕНТЫ**

**Документы и фотографии,
использованные в книге,
любезно предоставлены
архивом музея
“Бейт Лохамей ха-Геттаот”,
Израиль.**

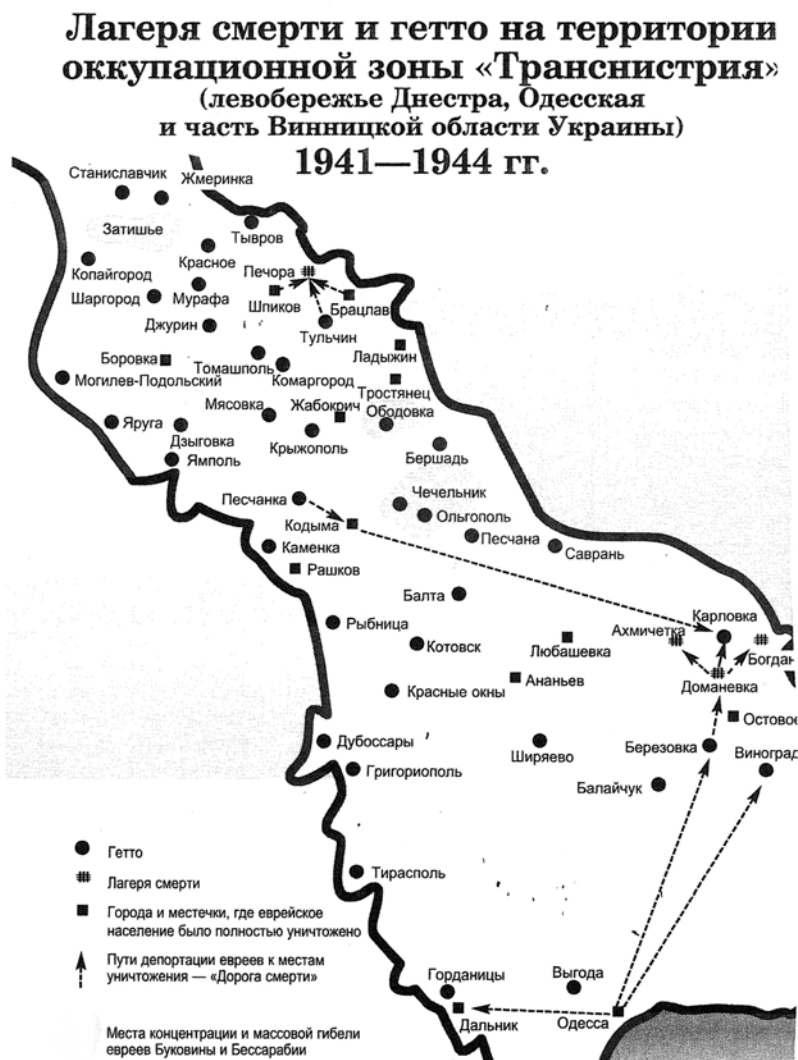
Хроника основных событий Катастрофы (Шоа) на Украине (1941-1945)

- 1941, июнь.** После присоединения ряда районов к территории Украины в 1939 – 1941 годах еврейское население республики составило 2.700.000 человек.
- 1941, 22 июня** – начало советско-германской войны.
- 1941, 30 июня** – массовые погромы во Львове, убито более четырёх тысяч евреев.
- 1941, 26-28 августа** – в Каменец-Подольском уничтожено 11,5 тысяч евреев.
- 1941, 28 августа** – в Староконстантиново расстреляно 4,5 тысяч евреев.
- 1941, 30 августа** – подписано германско-румынское соглашение о создании Транснистрии, в состав которой вошли: вся Одесская область, западные районы Николаевской области и южные районы Винницкой области Украины.
- 1941, 6 сентября** – в Белой Церкви уничтожено 5 тысяч евреев.
- 1941, 19 сентября** – в Бердичеве расстреляно 25 тысяч евреев.
- 1941, 19 сентября** – в Виннице уничтожено 19 тысяч евреев.
- 1941, 29-30 сентября** – в Киеве (Бабий яр) уничтожено свыше 35 тысяч евреев.
- 1941, сентябрь – октябрь** – в Житомире уничтожено 7,5 тысяч евреев.
- 1941, сентябрь-октябрь** - в Одессе уничтожено 48 тысяч евреев.
- 1941, 13 октября** – в Днепропетровске уничтожено 10,5 тысяч евреев.
- 1941, 20-30 октября** – в Мариуполе уничтожено 8 тысяч евреев.
- 1941, 7-8 ноября** – в Ровно расстреляно 11 тысяч евреев.
- 1941, 26 декабря** – в Харькове (Дробицкий яр) уничтожено 15 тысяч евреев.
- 1941, 21-31 декабря** – в лагере Богдановка на юге Украины уничтожено около 50 тысяч евреев.
- 1942, январь-февраль** – в лагерях Доманевка и Березовка на юге Украины уничтожено свыше 20 тысяч евреев.
- 1942, январь-декабрь** – в Яновском лагере погибло около двухсот тысяч евреев Украины, а также депортированные евреи из Венгрии и Чехословакии.

1941 – 1944 – на территории Транснистрии погибло более 100 тысяч евреев Украины и свыше 88 тысяч евреев из Буковины и Бессарабии.

1941, июнь – 1944, октябрь – всего на временно оккупированной территории Украины, по неполным данным, погибло от рук нацистов и их помощников более 1.700.000 евреев.

Из книги “В огне катастрофы на Украине”, издательство “Бейт Лохамей Ха-Геттаот”, 1998 год.

**На снимке под N8376.
Винница. Возле расстрелянных жертв.
(Архив музея “Бейт Лохамей Ха-Геттаот”).**

На снимке под N8377:
Евреи г. Винница перед расстрелом.
(Архив музея “Бейт Лохамей Ха-Геттаот”).

**На снимке под N10417:
Немецкие военнопленные изымают трупы евреев для
перезахоронения в г.Станислав (Ивано-Франковск)
после освобождения города.
(Архив музея “Бейт Лохамей Ха-Геттаот”).**

Vol. 223 - 3

Sue in Ukraine
Inspekteur

O. U. den 2. Dezember 1941
Geheim.

An den

Chef des VI Sue Amt
in O.K.W.
Herrn General der Inf. Thomas

Berlin W
Kurlandstr. 68-67

- I - Anlage

Zur persönlichen Unterrichtung des Herrn Chef VI Sue Amt übergebe ich ein Gesamtbericht über die derzeitige Lage im Reichskommissariat Ukraine, in welchen ich die bisher aufgetretenen Schwierigkeiten und Spannungen, sowie die zu ernststen Bedrohungen Anlass gebenden Fragen mit vollster Offenheit und unmissverständlicher Deutlichkeit niedergelegt sind.

Ich habe bewußt davon Abstand genommen, einen solchen Bericht auf dem Dienstwege vorzulegen oder anderen interessierten Stellen zur Kenntnis zu bringen, da ich mir keinen Erfolg davon verspreche, vielmehr befürchte, dass die Schwierigkeiten und Spannungen sowie die verschiedenen Auffassungen bei der besonderen Art der Verhältnisse sich nur vergrößern werden.

Nur an massgebender Stelle kann, wenn sie klar sieht, im Rahmen des Möglichen eine Abstellung herbeigeführt werden.

Der Bericht ist von OKW Rat Prof. Scraphin abgefasst und trägt nicht einen amtlichen, sondern einen durchaus persönlichen Charakter.

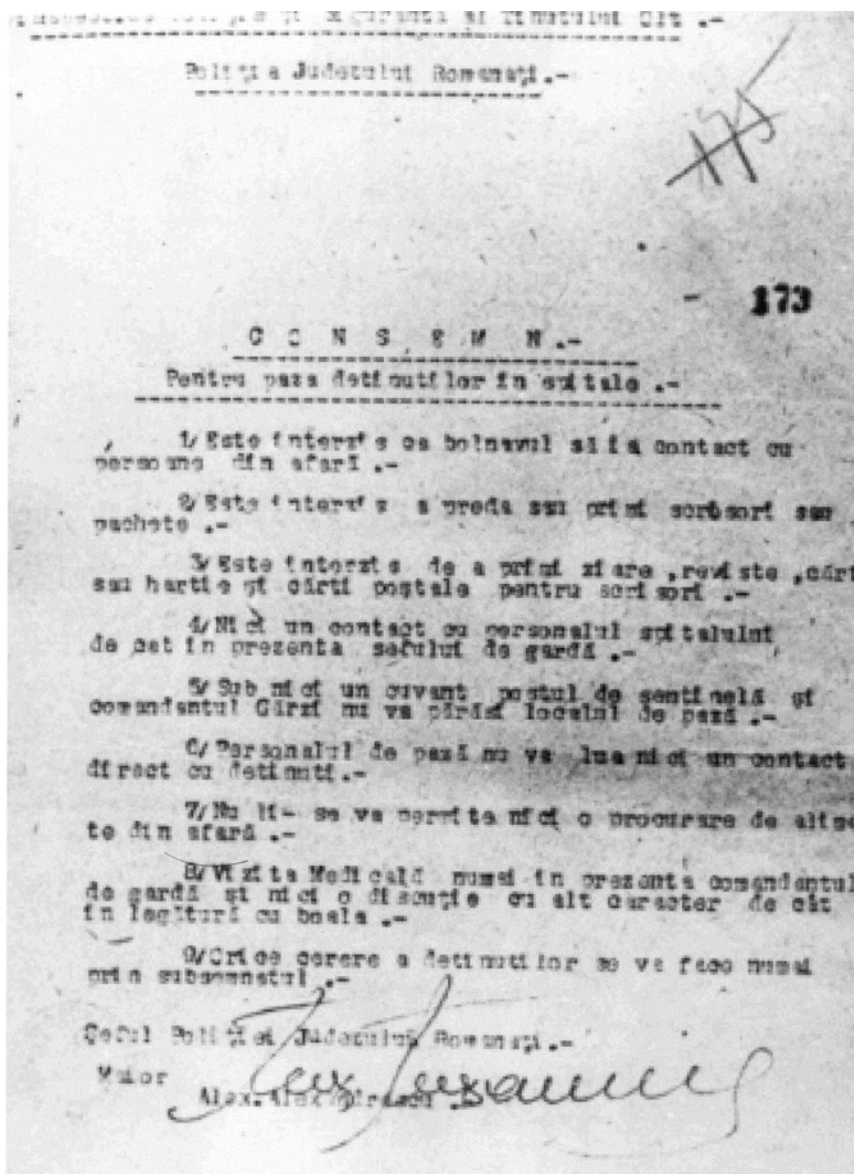
Ich schliesse mich in allen Punkten den gemachten

Ausführungen an.

Ich darf noch hinzufügen, dass die Lageberichte, in denen die bestehenden sachlichen Schwierigkeiten rückhaltlos offen dargestellt werden, den in Frage kommenden Dienststellen zugehen und dass unabhängig davon hiervon von mir nichts unversandt geblieben ist, auf die bestehenden Schwierigkeiten und Mängel auch den Herrn des Reichskommissars Ukraine gegenüber immer wieder persönlich hinzuweisen, damit sie abgestellt werden.

Ich wäre dankbar, wenn der anliegende Bericht nur zur eigenen Unterrichtung des Herrn Chef VI Sue Amt und seiner engsten Mitarbeiter herangezogen werden würde, eine Weiterverwertung der

N1386. Секретный отчёт от 2 декабря 1941 г. Пехотному генералу Томасу в главный (общий) штаб немецкой армии о положении на оккупированных территориях Украины, о массовом уничтожении евреев Украины, положении военнопленных и бедственном положении остального населения. По отчёту немецкая армия терпит убытки от уничтожения евреев - ремесленников. (Архив музея "Бейт Лохамей Ха-Геттаот", раздел "מדור אוספים").

N13540/Отчёт из гетто “Вапнярка” (Транснистрия),
детализирующий, какие средства применялись против
больных узников. Документ датируется 1941 годом.
(Архив музея “Бейт Лохамей Ха-Геттаот”,
раздел “מזור וכנסות”)

[illegible][illegible]

№13555. Секретный приказ из Берлина об обстоятельствах депортации в Транснистрию евреев, бежавших в Венгрию из Румынии, датируемый 25 сентября 1942 г. (Архив музея “Бейт Лохамей Ха-Геттаот”, раздел “מזרר וכנסות”)

Dr. Artur Kessler
am 10. Oktober 1941
Inhalt

Dr. H. von Rosenberg 1941
Geheim

An den
Herrn Chef d. Abt. 1
in Göttingen
Herrn General der Inf. 1
Herrn General der Inf. 1

Beitrag
zur Untersuchung des

1. Einleitung

Der persönliche Unterricht des Herrn Chef d. Abt. 1 hat über mich ein Gespür für die derzeitige Lage in Göttingen vermittelt. In diesem Sinne ist die bisherige Aufklärung des Problems klarer und deutlicher, wobei die zu diesem Zeitpunkt noch bestehenden Schwierigkeiten mit völliger Offenheit und menschlicher Anteilnahme dargestellt werden.

Ich habe versucht, diesen Zustand zu verdeutlichen, einen klaren Bericht auf den dienstlichen Verhandlungen über das Interesse der Beteiligten zu bringen, um mich mit ihnen zu verständigen. Vielmehr bedauere ich, dass die Schwierigkeiten und Unklarheiten sowie die verschiedenen Auffassungen bei der Behandlung der Angelegenheit nicht zur Klärung kommen.

Der Bericht ist von Göttingen aus, wenn die Lage sich im Rahmen der Möglichkeiten einer Abklärung aufklären lässt.

Der Bericht ist von Göttingen aus, wenn die Lage sich im Rahmen der Möglichkeiten einer Abklärung aufklären lässt.

Ich schreibe mich in allen Punkten den Wünschen

~~ausdrücklich aus.~~

Ich darf noch hinzufügen, dass die Angelegenheit, in deren die bestehenden Schwierigkeiten zu klären sind, derzeit nicht nur in Göttingen, sondern in Göttingen und in Göttingen, wobei die Schwierigkeiten und Unklarheiten sowie die verschiedenen Auffassungen bei der Behandlung der Angelegenheit nicht zur Klärung kommen.

Ich hoffe, dass der Bericht über die Angelegenheit, in deren die bestehenden Schwierigkeiten zu klären sind, derzeit nicht nur in Göttingen, sondern in Göttingen und in Göttingen, wobei die Schwierigkeiten und Unklarheiten sowie die verschiedenen Auffassungen bei der Behandlung der Angelegenheit nicht zur Klärung kommen.

**N4878. Медицинский отчёт доктора Артура Кеслера
об отравлении узников гетто "Вапнярка".
(Архив музея "Бейт Лохамей Ха-Геттаот",
раздел "מדור נכנסות")**

1944 года, октября 30-го дня м.Озаринцы Могилев-Под. района, Винницкой области.

"О ЗЛОДЕЯНИЯХ НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В
М.ОЗАРИНЦЫ МОГИЛЕВ-ПОДОЛЬСКОГО РАЙОНА"

Мы нижеподписавшиеся районная комиссия по установлению и расследованию злодеяний и ущербов причиненных немецко-румынскими захватчиками: - МОТЕНКО Юрий Петрович - Секретарь Райкома КП/б/У - председатель комиссии, ВОРОБЬЕВ Александр Иванович - Председатель Исполкома Горсовета, - член комиссии, ЦВИГУН Афанасий Никифорович - Начальник РО НКВД - член комиссии, КОРОТКОВ Иван Иванович - Пом. Прокурора - член комиссии, КАРТУКОВА Любовь Васильевна - Секретарь Исполкома Горсовета - член комиссии, сего числа в присутствии свидетеля-очевидца, в настоящее время проживающим в городе Могилев-Подольском - ШИСМАНА Янкеля Шмулевича / проживает по ул.Державинского №-12 / и ШТУЛЬБЕРГА Хуны Григорьевича / проживает по Столярному переулку №-9 / сего числа составили настоящий акт в следующем:

При вступлении немецко-румынских войск в м.Озаринцы Могилев-Подольского района - 20-го июля 1941 года в одиннадцать часов вечера, вблизи подольского кладбища в м.Озаринцы были зарезаны и расстреляны румынскими войсками частями 43 чел. граждан мужского пола.

23-го июля 1941 года в 12 часов дня румынским карательным отрядом в центре м.Озаринцы 8 чел. мужчин.

25-го июля 1941 года были расстреляны 28 чел. мужчин и закопаны на окраине местности.

Присутствующий гр-н ШИСМАН Янкель Шмулевич и ШТУЛЬБЕРГ Хуна Григорьевич показали:

ШИСМАН Янкель Шмулевич: - "Я уроженец м.Озаринцы, до начала Отечественной войны проживал в городе Могилев-Под. Из приходом оккупантов бежал в м.Озаринцы, где находился во время оккупации у родных. При вступлении в м.Озаринцы, румынские воинские части ловили, *резали и расстреливали гр-н мужского пола, я сам был свидетелем всех описанных убийств, румыны убивали граждан прямо на улице, убитых не давали хоронить, стреляли в народ, пытавшийся подобрать трупы."

ШТУЛЬБЕРГ Хуна Григорьевич: - "Во время оккупации, я в первые дни находился в селе Озариндах и был свидетелем всех убийств указанных в акте."

Румыны убивали, расстреливали граждан мужского пола прямо на улицах и не давали хоронить."

В чем и составлен настоящий акт в 3-х экземплярах для представления в Областную комиссию по установлению и расследованию злодеяний и ущербов причиненных немецко-румынскими захватчиками. -

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ - МОТЕНКО /
ЧЛЕН КОМИССИИ - ВОРОБЬЕВ /
ЦВИГУН /
КОРОТКОВ /
КАРТУКОВА /
ШИСМАН /
ШТУЛЬБЕРГ /

На снимке: копия акта от 30 октября 1944 года
о злодеяниях немецко-румынских захватчиков
в м. Озаринцы Могилев-Подольского района.

Документ предоставлен Михаилом Царфисом.

ПРИКАЗ

Все евреи города Феодосии и окрестностей обязаны явиться 1 декабря 1941 г. от 8 час. до 12 часов дня на Сенную площадь № 3 (Базарная улица № 3) для переселения. Каждый еврей может иметь с собой исключительно носильные вещи и пищу на 2 дня. Все остальные вещи должны быть оставлены в полной сохранности в квартирах.

Неисполнение приказа карается смертной казнью.

Начальник немецкой
полиции безопасности С. К. Ю. Б.

г. Феодосия 27/11/1941 г.

Приказ начальника немецкой полиции безопасности
С.К.Ю.Б. по городу Феодосия, изданный 27 ноября 1941 г.

Документ предоставлен Розалией Кричевской.

ЧАСТЬ 3–я.

ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ

Души ушедших взывают к миру

Алиса (Элла) Кричевски – внучка одного из авторов этой книги – Розалии Кричевской, прибыла в Израиль в 1992 году, когда ей было два с половиной года. Сейчас она служит в Армии Обороны Израиля. Ещё будучи школьницей Алиса проявляла большой интерес к истории Катастрофы еврейского народа, и не только потому, что это связано с биографией её бабушки. Весной 2007 года вместе с группой израильских школьников она посетила Польшу – места, где располагались гетто, а также лагеря смерти Трешлинка, Майданек, Освенцим. В поездке вела дневник наблюдений и впечатлений.

Приводим небольшой отрывок из её дневника в переводе с иврита.

“Лопухов лес. Здесь братские могилы. Тихо-тихо мы входим в лес. Смотрим вверх, на голые ветки высоких деревьев, стремящихся достичь солнечных лучей и впитать силу солнца. То, что я слышала, - только тишина. То, что я видела, – это было нечто подобное танцу верхушек деревьев. Как будто души мёртвых вселились в них и явились, чтобы благословить нас к миру.

Мы подошли к “расстрельному” рву и зажгли свечи. Я пыталась поставить себя на место тех евреев, войти в то физическое и душевное состояние, в котором они находились, когда узнали, что их конец – это жестокая смерть. Мое “я” говорило изнутри. Я не показывала своих чувств, но внутри моего сердца что-то сломалось. Я обращалась к Б-гу, я просила: пусть они лежат в тишине и покое и наслаждаются в новом мире, в котором существует Эрец-Исраэль – завещанная Земля, потому что им тоже полагается жить в нём.

Такие мысли не покидали меня, и как реагировать на них, я не знала и, наверное, никогда не узнаю...”

Алиса (Элла) Кричевски

Местечко Ильинцы, Винницкая область. 1992 год.

Памятник погибшим евреям.

В захоронении покоятся более 10 тысяч евреев.

Изкор

(Поминальная молитва)

Помяни, Господи,
Души братьев наших,
Сынов Израилевых,
Жертв Катастрофы и героев её,
души шести миллионов евреев,
убитых, преданных смерти,
задушенных, погребённых заживо,
святые общины,
стёртые с лица земли.

Помяни, Господи,
Народ, принесённый в жертву,
и всех святых Израиля,
Принесённых в жертву
В течение всех времён,
И сохрани души их в круге жизни.
Любимые и близкие нам
В жизни и смерти,
Они вечно с нами,
И да покоятся с миром
В могилах своих.
Аминь.

**Перевод – Ефрем Баух,
поэт, прозаик, переводчик,
Репатриировался из СССР
В Израиль в 1977 году.**

О, Бог, мой Бог

Перевод с иврита

О, Бог, мой Бог,
Пусть вечными длятся в тиши
Вода и песок,
Шумящие волны,
Сияние неба,
Молитва души.

**Хана Сенеш,
Еврейская парашютистка,
посланная из Эрец-Исраэль
В оккупированную Венгрию,
Пойманная нацистами
И замученная в застенках гестапо.**

Живые среди вас – живых

Почти сто двадцать воспоминаний. Это лишь фрагменты жизни, пережитой каждым из нас во время войны 1941-1945 годов. Постоянная угроза смерти, голод и холод – это то, что сопровождало нас всё это время. О злодеяниях немецких и румынских фашистов должны знать все. Об этом обязаны помнить и наши потомки.

Идея издать книгу воспоминаний возникла со дня основания нашей организации – объединения бывших узников концлагерей и гетто г. Беэр-Шева.

Один из основных пунктов нашего Устава – способствовать сохранению и увековечению памяти о жертвах Катастрофы.

Мы уже люди преклонного возраста, и нас становится всё меньше: мир иной на пороге. Но мы ещё живы и считаем, что память о том времени должна остаться. Надолго. Навсегда. Для того, чтобы это никогда не повторилось.

Сейчас, спустя лишь шестьдесят пять лет после той страшной катастрофы, находятся люди, которые отрицают Холокост, говорят, что его выдумали евреи.

Своими воспоминаниями, документами мы свидетельствуем, **ЧТО** происходило. А происходило зверское уничтожение нашего народа – народа, давшего миру Тору – основу не одной религии, обогатившего мир огромным количеством философов, учёных, писателей, деятелей культуры и искусства.

Шесть миллионов мирных людей были расстреляны, замучены, сожжены лишь потому, что были евреями.

Война отняла у нас отцов и матерей, сестёр и братьев, близких и родных. Война, лишившая нас детства и юности, надругалась над всей нашей жизнью. Мир в неоплатном долгу перед теми, кто чудом остался жив. Это никогда нельзя забывать. Травма, причинённая нам той войной, кровоточит до сих пор и вряд ли когда заживёт. Прочитав всю книгу, её читатели, думается, тоже почувствуют эту боль.

Сбор материалов для неё длился шесть лет. Я благодарен судьбе за то, что она дала возможность встретить внимательного, доброжелательного человека. Человека с большой буквы – Лидию Корнееву, грамотного журналиста, члена Союза журналистов СССР, согласившейся редактировать эту книгу, привести в литературный порядок наши, порой разбросанные

мысли, воспоминания. Огромная, тяжелая работа проделана ею, за что ей огромное спасибо.

Книга издана. Мы старались донести до всех, кто прочитал её, свидетельства о тех трудных, пережитых нами годах. Если при чтении у вас хоть раз прервалось дыхание, вы почувствовали, как ноет сердце, если наши воспоминания вызвали протест, негодование против тех нечеловеческих условий, в которых мы оказались по воле фашистов, то это верный признак, что мы сумели выполнить ту задачу, которую определили для себя.

Мы выжили, чтобы жить. Мы уцелели, чтобы рассказать. Несмотря на наши годы, мы ещё в строю и можем сказать словами Юрия Визбора:

Пока на чашечках кривых
Весы удерживают гири,
Мы сохранимся в этом мире –
Живые среди вас – живых.

**Михаил Царфис,
председатель правления объединения
бывших узников концлагерей и гетто
города Беэр-Шева, Израиль.
2010 год.**

ПРИЛОЖЕНИЕ

День сегодняшний в фотографиях

На снимках:

**Члены Беэршевской Ассоциации бывших узников
концлагерей и гетто на демонстрации в Иерусалиме
в Саду роз возле Кнессета.**

**Встреча воинов Армии Обороны Израиля
с узниками концлагерей и гетто.**

**Воины Армии Обороны Израиля
вручили Почетные грамоты узникам концлагерей и гетто.**

Идёт отчётно-выборное собрание. В президиуме (слева-направо) депутат Беэршевского Горсовета, председатель Правления компании “Кивуним” Валерий Миггиров, председатель Правления Беэршевской Ассоциации бывших узников концлагерей и гетто Михаил Царфис, вице-мэр г.Беэр-Шева Игорь Овшиевич, председатель Всеизраильского объединения бывших узников концлагерей и гетто, выходцев из СНГ, Гита Койфман, директор городского управления абсорбции г.Беэр-Шева Алиса Желудкова, член правления Шмуэль Портной.

**В зале во время встречи
с воинами Армии Оборона Израиля.**

Встреча членов Правления Безршевской Ассоциации с руководителем отдела Клаймс Конференс Хаимом Федером и руководителем проектов городского управления абсорбции Еленой Тениной.

**Правление Ассоциации бывших узников концлагерей и гетто
“Уцелели, чтобы жить”
г.Беэр-Шева (2009 год).**

Будничная работа.

Необходимость в оказании помощи по заполнению различных документов, анкет всегда велика.

**Встреча со спонсором, президентом С.Е.О.,
доктором Андре Газировски.**

**Сентябрь, 2009 год. Город Одесса.
Всемирная конференция узников Холокоста.**

На снимках:

1. В зале конференции члены израильской делегации (справа налево): председатель Правления Беэршевской ассоциации бывших узников концлагерей и гетто Михаил Царфис, председатель Всеизраильского объединения бывших узников концлагерей и гетто Ноах Флуг, председатель Всеизраильского объединения бывших узников концлагерей и гетто, выходцев из СНГ, Гита Койфман, заместитель председателя Всеизраильского объединения бывших узников концлагерей и гетто, выходцев из СНГ доктор Сергей Сушон.

2. Группа участников Всемирной Конференции узников Холокоста. Третий слева Президент Всемирной Ассоциации узников Холокоста, академик РАН Ефим Гологорский.

3. Вручение памятных подарков председателю Правления Южного региона Украины Роману Шварцману.

Названия лагерей и гетто даны в соответствии со справочником “Довідник про табори, тюрми та гетто на окупованій території України (1941-1944)”, издательство “Державний комітет архівів України при кабінеті міністрів України”, Київ, 2000 рік.

Благодарность

Правление Беэршевской ассоциации бывших узников гетто
и концлагерей «Уцелели, чтобы жить»
выражает признательность и благодарность за оказанную
финансовую помощь в издании книги:

Южному Округу Министерства абсорбции
под руководством г-жи Гранд Натали,

начальнику городского отдела абсорбции
г-же Желудковой Алисе,

руководителю проектов городского отдела абсорбции
г-же Тейниной Елене,

секретарю отдела г-же Амрам Наталии,

директору типографии МАК
Кучиерскому Михаилу,

за любезное предоставление архивных материалов -
директору архива музея «Бейт Лохамей Ха-Геттаот»
Шавиту Йоси,

руководителю фотоотдела Орону Цвике,

руководителю отдела музейных предметов архива
Сергиенко Галине,

за электронный набор текстов книги Фоминых Елене,

компьютерному графику Нурок Юрию,

осуществление сбора материалов Шейвису Залману
и техническую помощь в сборе материалов
Табачнику Шмерлу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отзывы	5
ОБЕТ А. Шлионский	11
В ответе перед потомками (Вместо предисловия).....	13
ЧАСТЬ 1-я ПАМЯТЬ	17
"Свеча от воскресших" Броня Пяток	18
"Никто не хотел верить" Абрам Адлер.....	19
"Не успела покормить отца" Лидия Айзенштейн (Вергилис)	21
"Спасся только один" Фира Арбит (Цацкина)	23
"К безвинным – со всей жестокостью" Серафима Бабина.....	25
"Решение – по национальному признаку" Абрам Бакмар	29
"Трудоспособных – на благо фюрера, немощих – в расход" Владимир Бакалейник	31
"Кровавые субботы" Сара Беленко	33
"За работу – нагайками по спине" Зюня Беркович	34
"Чтоб другие не смели" Хаюня Берлин (Голобородько)	36
"Жалели, не выдавали немцам" Тамара Берман, Светлана Шилина.....	38
"Улица детства" А. Гарай.....	39
"Братика живым бросили в яму" Эти Богомольная (Колтанюк)	40
"У меня две матери" Вера Бодня (Усарова)	42
"Подлежат расстрелу – предупредили заранее" Сара Бортник ...	46
"Расправлялись на месте" Фёдор Бронштейн	48
"Спасло милосердие" Лев Брутер.....	50
"Сказал – и ушёл" Нахум Бубис	52
"Остались я и брат Тойва" Елизавета Вайнер.....	54
"Разлучили навсегда" Надежда Варшавская	55
"Командовали фашисты и уголовники" Семен Вейсман.....	58
"На всеобщее обозрение" Анатолий Вексельман	60
"Больше не суждено было встретиться" Груня Геллер.....	62

"Следы прошедших этапов" Евгения Гехтман	64
"Каждый день кого-то лишали жизни" Миля Гитерман	66
"Сами спасались, спасали и других"	
Гитлия Глейзерман (Донская).....	69
"Рядом со смертью" Гавриил (Габриэль) Глейзерман.....	71
"Расправлялись по ночам" Клара Гринберг (Берман)	73
"Мы обязаны рассказать об этом" Пиня Гринберг	75
"Не ждите никого – всех убили" Фрима Гриншпун (Шустер)	77
"Нам повезло" Фаня Гройцберг	78
"Желали себе смерти" Семен Дарховский	80
"Скорбный счёт" Эмма Дулькина (Сильвестрова)	82
"Чудо в том, что я выжила" Евгения Заславер (Скляр).....	86
"Делились последним куском" Рива Зеликман (Зафрин).....	87
"Враги были беспощадны" Борис Зельтер	89
"Мама навсегда осталась инвалидом"	
Бетя Злотникова (Эпштейн).....	91
"Надеялись увидеть живыми" Дора Зецер.....	93
"Непроходящая боль" Ольга Ицилева	95
"Остались на погибель" Владимир Каплин.....	97
"Следы на песке" Полина Каушанская (Перл Кантор)	99
"Как за зверем на охоте" Эстер Киперман (Видер)	103
"Скитания по войне" Вера Кирилина (Калмыкова).....	105
"Две тысячи марок за каждую голову"	
Нина Китайгородская (Быкова).....	109
"Мародерствовали в любое время" Яков Клапоух	114
"В благодарность за спасение – ношу их фамилию"	
Елизавета Коворотная (Рохрберг)	115
"В ожидании смерти" Анна Коган (Пехотник)	117
"Сострадание безмолвно" Иосиф Койфман	119
"Вольготно жили мародеры всех мастей"	
Руля Колтонюк (Павловская).....	121

"По наводке соседок" Любовь Комаровская (Клемпнер)	123
"Пляски смерти" Лидия Корнеева (Кравцова)	125
"Веселья ради" Самоил Крахмальник	131
"Без сил - пуля на месте" Григорий Кратштейн	133
"Если бы не война" Розалия Кричевская (Жога)	135
"Бессонница" Розалия Кричевская	138
"Смерть обошла нас" Эстер Кроитор (Розентул)	139
"Под прикрытием легенды" Михаил Кусковский	142
"Мир – не без милосердных" Вера Лавина	144
"Мёртвые падали на нас" Сима Ланда	146
"Уцелела. Выжила." Софья Левина (Слепян)	149
"Наказание – расстрелять, повесить" Владимир Левинов	153
"Никогда не забуду" Дора Лехтман	155
"Среди вандалов" Клава Либерман	157
"Расстреливали через одного" Раиса Липовецкая (Ципман)	159
"Под номером 43224" Фаина Малкина (Райхман)	161
"Только имя осталось" Нюся Маньковецкая	164
"Четырежды проклятый день" Гизия Медник (Вайсман)	166
"Война сделала детей стариками" Евгения Месожник	168
"И тогда и после страх преследовал нас"	
Сёстры: Доня Мильштейн, Гитл Шапиро, урождённые Зукельман	171
"Спасли сугробы" Сима Мерзон	173
"Цена – честь и жизнь девушек"	
Софья Мильберт (Файнвильберг)	176
"Земля стонала и дышала" Роза Мошкович	178
"Меня не заметили" Вера Миркина	180
"Пришло страшное горе" Мария Осовская (Рубинштейн)	182
"Погибших никто не считал" <u>Абрам Петербургский</u>	185
"Убивали, морально уничтожали" Дора Петербургская	186
"Трижды хранимые" Клара Печерская	188

"Такое не забыть" Этя Плотник (Мерменштейн)	191
"За колючей проволокой" Александр Полуянов.....	193
Письмо бывшего бойца Красной Армии, военнопленного Ивана Полуянова, отца Александра Полуянова.	195
"Из одной беды - в другую" <u>Людмила Портнова</u>	197
"1000 дней в полушаге от смерти" Шмуэль Портной	199
"Помню спасителей своих" София Портянская.....	205
"Третий раз убеждать было некого" Александр Премыслер....	208
"Кто ты, молодой артист?" Фаня Премыслер	212
"День во спасение" Михаил Преслер.....	215
"Что осталось в памяти" Илья Рабинович	218
"Молитвы праведных дошли до Б-га" Зельда Резник	219
"Слабых добивали" Татьяна Резник.....	222
"Умирали стоя" Хаюся Резник (Боймер).....	226
"Не прощаю" Соня Рибиник (Головатая)	229
"Смерть приходила по субботам" Полина Риф.....	231
"За все – расстрел" Полина Соломянская.....	232
"Спасение – в яме под кроватью" Дмитрий Стельмак	233
"В первый класс – через войну" Шмерл Табачник.....	235
"Забавы фашистов и уголовников" Давид Тутельман.....	237
"Фашизм рождает желание мстить" Лев Топоров	240
"Не для жизни" Елена Фактор	242
"Черная ночь оккупации" Мария Фельдман (Черницкая)	244
"До последнего часа" Ося Фельдшер.....	247
"Девять дней сорок первого года" Евгений Фридман.....	249
"Первые жизненные уроки" Лидия Хапун (Койфман).....	252
"Неожиданное спасение" Евгения Хаткевич.....	254
"Почерк карателей" Михаил Царфис	256
"Перед глазами и сейчас" Пиня Центнер.....	260
"Что дала мне война" Ида Цилис (Шафир)	262

"Прикрыл своим телом" Лиза Шаевич (Бейдер).....	263
"Страх обострил память" Шура Шварцман.....	264
"Беды тянулись по пятам" Залман Шейвис	267
"Колонна сократилась вдвое" Эся Шейвис (Винер).....	270
"Утрата за утратой" Зоя Шер (Вишневская)	272
"Он был красив, как ангел" Нина Шерман.....	274
"Двух “жидков” – за центнер пшеницы" Владимир Шехтер.....	276
"Хотите жить – сидите тихо" Давид Шкиллер.....	278
"Ни один из наших отцов не вернулся с фронта Роман Шмойсен.....	279
"Остались лишь вдвоём" Белла Штеренталь (Фейгман).....	283
"А могло закончиться по-другому" Полина Штофмахер (Чудиновская)	285
"Черные дни" Полина Шустер (Кравцова).....	287
"Пуля, вместо кусочка хлеба" Лёня Щерба.....	289
"Даже сердце врага не выдержало" Малка Эйдельман (Фишман)	290
"Я был в аду" Семен Эйдельман.....	292
"Кто-то возвращался, а кто-то – нет" Фаина Якобзон (Пендлер)	294

ЧАСТЬ 2-Я СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ДОКУМЕНТЫ297

Хроника основных событий Катастрофы (Шоа) на Украине (1941-1945)	299
На снимке под N8376. Винница. Возле расстрелянных жертв. 301	
На снимке под N8377: Евреи г. Винница перед расстрелом. ...302	
На снимке под N10417: Немецкие военнопленные изымают трупы евреев для перезахоронения в г.Станислав (Ивано-Франковск) после освобождения города.	303
N13540/Отчёт из гетто “Вапнярка” (Транснистрия), детализирующий, какие средства применялись против больных узников.	305

N13555. Секретный приказ из Берлина об обстоятельствах депортации в Транснистрию евреев, бежавших в Венгрию из Румынии	306
N4878. Медицинский отчёт доктора Артура Кеслера об отравлении узников гетто “Вапнярка”.	307
На снимке: копия акта от 30 октября 1944 года о злодеяниях немецко-румынских захватчиков в м. Озаринцы Могилев-Подольского района.	308
Антисемитский плакат в оккупированном Гитлером Крыму ...	310
 ЧАСТЬ 3–я ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ	311
Души ушедших взывают к миру	313
Местечко Ильинцы, Винницкая область. 1992 год.	314
Памятник погибшим евреям. В захоронении покоятся более 10 тысяч евреев.	314
Почётный караул у памятника жертвам Катастрофы 1941-1944 гг в с.Богдановка, Одесской области. Сентябрь, 2009 год.	315
Изкор (Поминальная молитва)	316
"О, Бог, мой Бог" Хана Сенеш.....	317
Живые среди вас – живых	318
 ПРИЛОЖЕНИЕ День сегодняшний в фотографиях	321
Благодарность.....	318